This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

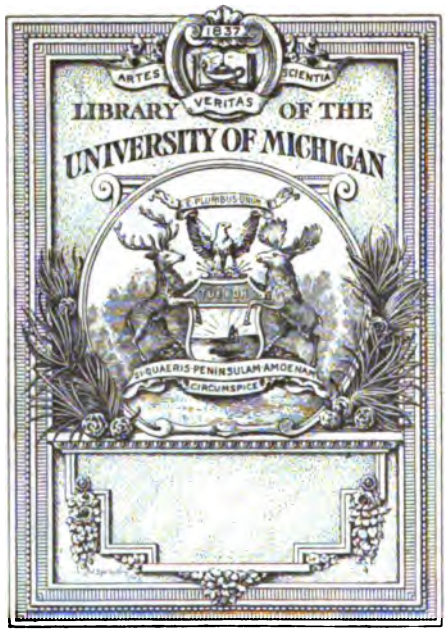
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

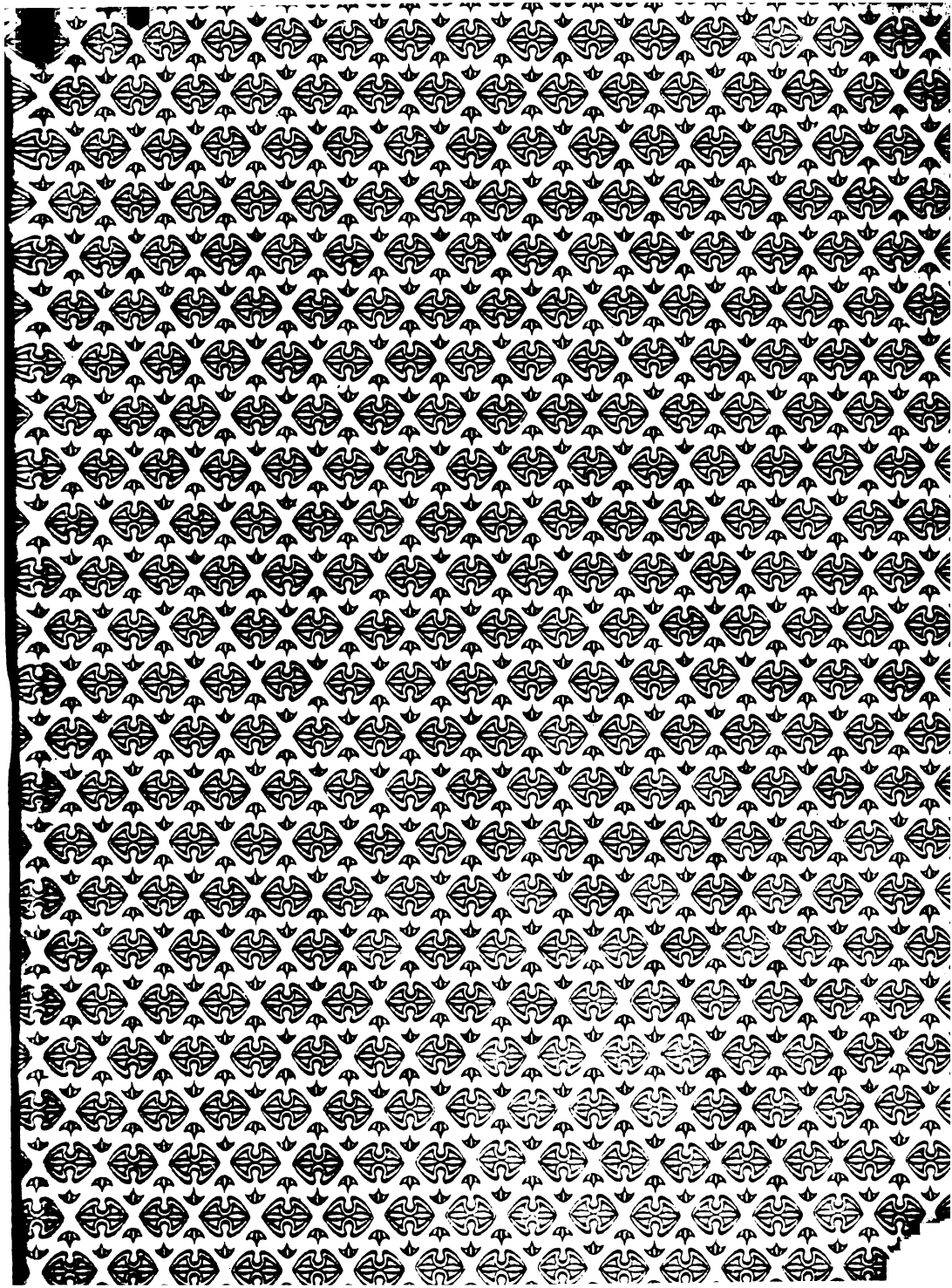
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`


1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

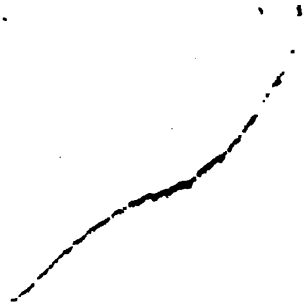


DK
172
.R13
1905

Путешествіе

изъ Петербурга въ Москву.

Mau



Non-U

Александръ Радищевъ

А. РАДИЩЕВЪ.

ГЕЛІОГРАВЮРА
ТОВАРИЩЕСТВА
Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

СЪ ПОРТРЕТА, ПРИНАДЛЕЖАЩАГО
РАДИЩЕВСКОМУ МУЗЕЮ
ВЪ САРАТОВѢ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

Radishchev, Aleksei Nikolaevich
А. Н. РАДИЩЕВА

„Чудище обло, озорно, огромно,
сшозѣвно, и лаай„

Тилемахида.

1905

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» мы печатаемъ, сохраняя правописаніе перваго его изданія 1790 года, и указываемъ всѣ особенности первоначальнаго текста сочиненія по рукописи, исправленной Радищевымъ и хранящейся въ Государственномъ Архивѣ.

Портретъ Радищева, извѣстный по старой гравюрѣ Вендрамини (1806 года) и литографіямъ, мы воспроизводимъ въ геліогравюрѣ съ оригинала, писаннаго масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и принадлежащаго Радищевскому музею въ Саратовѣ. Подпись Радищева снята съ письма его къ императору Павлу, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Кромѣ этого портрета, мы прилагаемъ факсимиле заглавной страницы и четырехъ страницъ перваго изданія книги, напечатанной въ собственной домашней типографіи автора.

Во вступительныхъ статьяхъ изложены біографія Радищева и, въ связи съ обзоромъ рукописи выяснена исторія текста книги. Въ примѣчаніяхъ приведено нѣсколько неизданныхъ матеріаловъ для біографіи.

Н. П. Сильванскій.

П. Е. Щеголевъ.

231676

Жизнь Радищева.

I. Свободный мыслитель XVIII вѣка.

О вольность, вольность,
даръ безцѣнный,
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Путешествіе.

Когда первые экземпляры книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» появились въ продажѣ лѣтомъ 1790 года, авторъ былъ арестованъ по личному приказанію Императрицы Екатерины II. Императрица сама руководила слѣдствіемъ и судомъ, приговорившимъ Радищева къ смертной казни, которая была замѣнена десятилѣтнею ссылкою въ Сибирь.

Между тѣмъ, въ нашей литературѣ XVIII столѣтія «Путешествіе» Радищева стоитъ въ одномъ ряду съ сочиненіемъ самой Екатерины, «Наказомъ», которое издано было на 24 года раньше, въ 1766 году, и было тогда во Франціи запрещено цензурой. «Путешествіе», наравнѣ съ «Наказомъ», является памятникомъ могущественнаго вліянія французской просвѣтительной литературы XVIII вѣка, отраженіемъ политическихъ и философскихъ идей вѣка Вольтера, Монтескье, Руссо и Мабли. Въ книгѣ Екатерины отразился первый, болѣе умѣренный, періодъ развитія этихъ идей, въ книгѣ Радищева—второй, предреволюціонный.

О Екатеринѣ II Вольтеръ говорилъ, что «философія не можетъ особенно гордиться такими ученицами, какъ прекрасная Като». Онъ не сказалъ бы этого о другомъ ученикѣ французскихъ философовъ, Радищевѣ, если бы зналъ его труды, отличающіеся глубокимъ проникновеніемъ въ духъ французской освободительной литературы и смѣлой самостоятельной критикой русской дѣйствительности.

Знаменитая своею печальной судьбою, книга Радищева принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, не только какъ политическій трактатъ, но и какъ художественное произведеніе. Само собою разумѣется, что это сочиненіе, написанное въ 1790 году, еще очень далеко отъ той высоты творчества, которой достигла наша литература лишь во второй половинѣ прошлаго вѣка. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» принадлежитъ къ тому періоду развитія нашей литературы, въ которомъ, далекая отъ самостоятельности, она была еще въ тѣсной зависимости отъ различныхъ европейскихъ школъ, въ которомъ первыя творческія исканія не шли дальше отраженія русской дѣйствительности въ зеркалѣ иноземнаго искусства и иноземной мысли.

При всей своей зависимости отъ иностранныхъ литературныхъ школъ, книга Радищева въ цѣломъ была, однако, оригинальнымъ произведеніемъ. Сходство «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» съ «Сентиментальнымъ путешествіемъ по Франціи» Стерна, съ которымъ его часто сравниваютъ, ограничивается лишь внѣшнею формою повѣствованія: разговоры съ дорожными спутниками, размышленія путешественника и отрывки изъ бумагъ, яко-бы найденныхъ въ дорогѣ. Но

содержаніе, вложенное въ эту форму, совершенно отличается отъ содержанія книги Стерна; оно все самостоятельно взято изъ русской жизни и въ общемъ несравненно глубже и значительнѣе поверхностныхъ наблюденій и легкихъ салонныхъ размышленій Стерна. Зависимость Радищева отъ сочиненія Рейналя: «Философская исторія обѣихъ Индій» обнаруживается больше всего лишь въ стилѣ, въ патетичности размышленій на политическія темы. Гораздо важнѣе по существу зависимость Радищева отъ французскихъ мыслителей. По своему міросозерцанію онъ принадлежитъ всецѣло французской школѣ вѣка просвѣщенія. Но и въ этой области у него нѣтъ элементарной подражательности, потому что мысли, усвоенныя отъ различныхъ французскихъ и частью нѣмецкихъ философовъ, онъ слилъ въ глубоко продуманное міровоззрѣніе, и въ рѣзкомъ конфликтѣ между отвлеченными началами и русскою жизнью стойко сохранилъ свои воззрѣнія, начавъ борьбу съ дѣйствительностью во всеоружіи свободной мысли.

Въ художественномъ отношеніи «Путешествіе» Радищева страдаетъ большими недостатками: оно очень неровно, невыдержано, необработано; въ немъ много слабыхъ страницъ въ описаніяхъ и размышленіяхъ; юморъ нерѣдко очень грубъ; языкъ часто тяжелъ, будучи переполненъ архаическими выраженіями старой книжной рѣчи. Языкъ книги, звучащій вообще столь архаически въ наши дни, мѣшаетъ впечатлѣнію ея сильныхъ страницъ. «Путешествіе» Радищева похоже теперь на старую картину художника XVIII вѣка, потрескавшуюся, запыленную, съ выцвѣтшими красками. Но въ этой картинѣ, сквозь густой слой пыли устарѣлаго

слога и сквозь выцвѣтшія краски сентиментализма и манернаго паѳоса просвѣчиваютъ яркія черты жизни, порывы сильнаго чувства и блескъ смѣлой, глубокой мысли. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ по стилю и тону очерковъ, бытовые очерки, замѣчательные народнымъ языкомъ и реализмомъ, смѣняются сценами трагическими, юморъ смѣняется рѣзкой сатирой, легкій разсказъ—воодушевленными размышленіями о свободѣ и Богѣ. Всѣ эти очерки, сливаясь, широко охватываютъ современность, съ торжествующимъ въ ней насиліемъ и рабскимъ угнетеніемъ, и мрачныя стороны жизни оттѣняются свѣтлыми мыслями автора, страдающаго, негодующаго, вдохновленнаго идеаломъ свободы.

Книга Радищева была смѣлымъ великимъ бунтомъ противъ современности во имя естественныхъ правъ человѣка. Съ особою силою возстаетъ онъ противъ крѣпостного права, которое являлось такимъ рѣзкимъ контрастомъ его идеалу свободнаго общества гражданъ. Отбрасывая завѣсу условностей, мѣшающихъ видѣть вещи въ подлинномъ видѣ, Радищевъ въ крѣпостномъ крестьянинѣ — показываетъ раба, и рѣзко клеймитъ «звѣрской обычай порабощать себѣ подобнаго человѣка», «обычай, дикимъ народамъ приличный, обычай, знаменующій сердце окаменѣлое и души отсутствіе совершенное». Онъ обращается къ чувству читателя, рисуя трагическую сцену продажи людей съ публичнаго торга, обращается къ разуму, убѣждая согражданъ «познать свое заблужденіе», наконецъ, прибѣгаетъ къ угрозамъ. Въ его рѣчи часто слышится истинное вдохновеніе:

«Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противо-

стояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братья наши, въ узахъ нашихъ содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. — Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!»

Требованія свободы и равенства Радищевъ обосновывалъ естественными правами человѣка, слѣдуя ученію передовыхъ мыслителей XVIII вѣка, въ особенности Руссо и Мабли. Свобода и равенство составляютъ естественныя природныя права человѣка, потому что «человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому», или, какъ писалъ Мабли, потому что «люди вышли изъ рукъ природы совершенно равными, слѣдовательно безъ какихъ либо правъ однихъ людей надъ другими, и совершенно свободными» *). «Безпредѣльная свобода» естественнаго права смѣняется стѣсненіями права гражданскаго. Люди кладутъ предѣлъ своей свободѣ, устанавливаютъ правила своимъ дѣяніямъ, для чего? Для собственной пользы, для собственнаго блага. «Какое

*) Mably, Droits et devoirs du citoyen, Lettre I. Ср. Радищевъ, стр. 136.

было побужденіе вступать въ общество, и полагать произвольные предѣлы дѣяніямъ»? Собственное благо,— такъ говоритъ разсудокъ, сердце и «нерастлѣнный законъ гражданскій». Но если это основаніе гражданскаго общества, общее благо, нарушено, если законъ не можетъ или не хочетъ осуществить общаго блага, тогда вступаетъ въ силу природное право человѣка, право самозащиты. Когда гражданское право нарушено, тогда «возрождается законъ природы» и «природное право мщенія». И съ этой точки зрѣнія Радищевъ оправдываетъ убійство крестьянами звѣрскаго господина и въ одѣ «Вольность» оправдываетъ Кромвеля *).

Горячій защитникъ свободы и равенства является и въ области философіи свободнымъ мыслителемъ. Онъ возстаетъ противъ мистицизма, который началъ распространяться въ то время, съ развитіемъ масонства, возстаетъ противъ «мглы предубѣжденій», «тумана предразсудковъ и суевѣрій». «Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы». «Истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденій, но недолго пребыла въ сей стезѣ». «Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію».

---

*) Ср. о правѣ естественномъ: стр. 81—83, стр. 136—137 и оду „Вольность“ стр. 198—205.

Въ своихъ разсужденіяхъ о правѣ возстанія, какъ правѣ естественномъ, Радищевъ, повидимому, ближе всего слѣдуетъ Мабли. Его антитеза: „гражданинъ, становясь гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ“ близка къ вопросу Мабли: „должно ли качество гражданина разрушить достоинство человѣка“? (la qualité de citoyen doit-elle détruire la dignité de l'homme).

Свое отношеніе къ религіи онъ выразилъ въ краснорѣчивомъ исповѣданіи деизма: «Егова, Юпитеръ, Брама, Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой, Ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла». Такъ говоритъ авторъ, стоя на холмѣ въ селѣ Бронницахъ (близъ Новгорода), предъ церковью, которая построена, по преданію, на мѣстѣ древняго языческаго капища; этотъ древній языческій храмъ онъ отказывается признать храмомъ заблужденія, потому что въ немъ, какъ и всюду, почитаніе стремилось къ единому, предвѣчному, природы строителю *).

Свободный мыслитель XVIII вѣка, Радищевъ вполнѣ сознавалъ великое значеніе идей и событій своей эпохи и посвятилъ замѣчательную оду «Осьмнадцатому столѣтію», столѣтію, «омоченному въ крови, безумному и мудрому»:

Урна времянъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались, въ рѣки ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море, а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни береговъ;
Не возвышался тамъ островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ;
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ.

*) Я ограничиваюсь здѣсь краткой характеристикой Радищева, спѣша перейти къ его біографіи. О нѣкоторыхъ чертахъ „Путешествія“ и о философскихъ воззрѣніяхъ Радищева рѣчь еще будетъ ниже. Прекрасное систематическое обозрѣніе воззрѣній Радищева, выразившихся въ „Путешествіи“, даетъ г. Мякотинъ въ своей статьѣ: „На зарѣ русской общественности“, въ сборникѣ статей и въ отдѣльномъ изданіи „Донской Рѣчи“.

Но знаменито вовѣки своею кровавой струею,
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда.

. . . . . .

Нѣтъ, ты не будешь забвенно, столѣтье, безумно и мудро,
Будешь проклято въ вѣкъ, въ вѣкъ удивленіе всѣхъ.
Крови въ твоей колыбели, припѣваніе, громы сраженьевъ,
Ахъ, омочено въ крови, ты ниспадаешь во гробъ.

. . . . . .

О незабвенно столѣтье! радостнымъ смертнымъ даруешь
Истину, вольность и свѣтъ, ясно созвѣздье во вѣкъ.
Мудрости смертныхъ столпы разрушивъ, ты ихъ паки создало,
Царства погибли тобой, какъ раздробленной корабль;
Царства ты зиждешь. Они расцвѣтутъ и низринутся паки.
Смертный что зиждетъ, все то рушится, будетъ все прахъ;
Но ты творецъ было мысли, онѣ жъ суть творенія Бога,
И не погибнутъ онѣ, хотя бы гибла земля.

. . . . . .

Мужественно сокрушило желѣзны ты двери призраковъ,
Идоловъ свергло къ землѣ, что міръ на землѣ почиталъ.
Узы прервало, что духъ намъ тягчили, — да къ истинамъ новымъ
Молньей крылатой паритъ, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было столѣтье! Духъ вѣковъ прежнихъ
Палъ предъ твоимъ алтаремъ, ницъ и безмолвенъ, дивясь.

II. Дѣтство и лейпцигскій университетъ.

Всѣ (юноши), чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ.

Житіе Ушакова.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ, родился въ Саратовской губерніи 20 августа 1749 года; умеръ 12 сентября 1802 года въ Петербургѣ, 53-хъ лѣтъ.

Родъ его не отличался знатностью. По преданію, онъ ведетъ начало отъ татарскаго мурзы, вступившаго въ русское подданство при Иванѣ Грозномъ. Достовѣрныя извѣстія о предкахъ Радищева не идутъ дальше его дѣда, Афанасья Прокофьевича, который, началъ свою службу въ потѣшныхъ полкахъ Петра I, а затѣмъ въ царствованіе Анны Ивановны, служилъ въ Малороссіи полковникомъ стародубскаго полка (съ 1734 года).

Отецъ Радищева, Николай Афанасьевичъ, былъ помѣщикомъ саратовской губерніи средняго достатка; онъ былъ хорошо образованнымъ человѣкомъ, зналъ иностранные языки, много читалъ и съ любовью занимался сельскимъ хозяйствомъ. Къ своимъ крестьянамъ онъ относился очень гуманно, такъ что они сами выступили защитниками его во время пугачевскаго бунта. Когда мальчику минуло шесть лѣтъ, къ нему приглашенъ былъ французъ, гувернеръ; но этотъ гувернеръ оказался невѣжественнымъ солдатомъ дезертиромъ. Тогда отецъ Радищева отправилъ его въ Москву на попеченіе родственника своей жены М. Ф. Аргамакова. Въ семьѣ дяди Радищевъ получилъ очень хорошее воспитаніе подъ наблюденіемъ француза, бывшаго члена руанскаго парламента, эмигрировавшаго въ Россію вслѣдствіе преслѣдованій правительства Людовика XV. Уроки ему давали лучшіе учителя и нѣкоторые профессора только что (въ 1755 году) открытаго московскаго университета, директоромъ котораго былъ родственникъ его дяди А. М. Аргамаковъ.

Въ годъ восшествія на престолъ Екатерины II Радищевъ, 13-ти лѣтъ отъ роду, былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ. Четырехлѣтнее его обученіе въ этомъ

корпусѣ не могло быть особенно плодотворнымъ, потому что преподаваніе въ корпусѣ стояло невысоко: пажи, по отзыву Екатерины, росли невѣждами и шалунами. Къ счастію, Радищеву удалось попасть въ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ. Когда, въ 1766 году Екатерина, желая подготовить образованныхъ чиновниковъ для задуманныхъ ею новыхъ учрежденій, рѣшила отправить за границу 12 молодыхъ дворянъ, Радищевъ въ числѣ шести лучшихъ учениковъ пажескаго корпуса былъ посланъ въ лейпцигскій университетъ.

Пятилѣтнее ученье въ этомъ университетѣ (съ осени 1766 г. до осени 1771 года) дало Радищеву тѣ знанія, какихъ въ то время онъ не могъ бы получить въ Россіи. Условія жизни его въ Лейпцигѣ сложились крайне неблагопріятно. Надзоръ за русскими студентами порученъ былъ императрицею инспектору маіору Бокуму, человѣку грубому и корыстолюбивому, недостатковъ котораго не могла исправить данная ему инструкція, составленная самой Екатериной по послѣднему слову педагогіи. Бокумъ удерживалъ въ свою пользу значительную часть казенныхъ денегъ, отпускавшихся на содержаніе студентовъ, и они вынуждены были жить въ сырыхъ квартирахъ и питаться иногда впроголодь. Онъ требовалъ отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія, какъ отъ школьниковъ, и даже сдѣлалъ особую клѣтку, въ которую намѣревался сажать провинившихся. Упорная борьба студентовъ съ воспитателемъ привела къ тому, что одинъ изъ нихъ по приговору товарищей далъ ему пощечину.

«Мы не столько помышляли о нашемъ ученіи,—разсказываетъ Радищевъ,—какъ о способахъ освободиться

отъ такого несноснаго ига. Подобно, какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ (студентовъ) начинались сходбища, частыя сѣтованія, предпріятія и все, что при заговорахъ бываетъ». Бокумъ, «имѣя власть и поступавшій подобно правителямъ народовъ», посадилъ всѣхъ студентовъ подъ арестъ, «какъ государственныхъ преступниковъ или отчаянныхъ убійцъ». Они начали уже помышлять о бѣгствѣ въ Америку. Борьба эта кончилась, благодаря вмѣшательству посланника, князя А. М. Бѣлосельскаго, смирившаго Бокума.

Лишенный нравственнаго авторитета, воспитатель не могъ удержать молодыхъ людей отъ соблазновъ жизни въ «развратномъ» (по выраженію Радищева) городѣ, которые гибельно отозвались на здоровьѣ Радищева (сравни «Путешествіе», глава Яжелбицы).

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія жизни, Радищевъ учился чрезвычайно усердно и серьезно. По инструкціи, которую писала сама Екатерина, русскіе студенты должны были обучаться языкамъ (латинскому, нѣмецкому, французскому и если возможно, славянскому), «моральной философіи, исторіи, а наипаче праву естественному и всенародному, и нѣсколько и римской имперіи праву». Помимо этихъ предметовъ, Радищевъ по своему желанію много занимался естественными науками и въ особенности химіей и медициной. Благотворное вліяніе на серьезныя занятія Радищева оказалъ старшій товарищъ его, Ушаковъ, который самъ вызвался на учебную поѣздку за границу, бросивъ обезпеченное служебное положеніе. Въ очеркѣ: «Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова» Ради-

щевъ сохранилъ намъ идеалистическія черты этого «вождя своей юности», «друга любезнѣйшаго», «друга своего сердца», (умершаго въ Лейпцигѣ, 23 лѣтъ, въ іюнѣ 1770 года).

Изъ профессоровъ лейпцигскаго университета наибольшее вліяніе на Радищева имѣлъ очень славившійся въ то время профессоръ философіи Эрнстъ Платнеръ. Онъ былъ послѣдователемъ Лейбница, ученіе котораго тогда господствовало почти во всѣхъ университетахъ, впослѣдствіи же поддался въ извѣстной степени вліянію Канта; изъ его сочиненій наибольшей извѣстностью пользовались «Философскіе афоризмы» (1776 г.). Чрезъ его чтенія Радищевъ усвоилъ нѣкоторыя воззрѣнія Лейбница, и его же вліянію можно приписать интересъ Радищева къ естественнымъ наукамъ и медицинѣ, такъ какъ Платнеръ, наряду съ философіей, спеціально изучалъ также и эти науки. Когда, 20 лѣтъ спустя, Карамзинъ навѣстилъ Платнера въ Лейпцигѣ, онъ тотчасъ вспомнилъ своихъ русскихъ учениковъ, Радищева и нѣкоторыхъ его товарищей.

Помимо лекцій нѣмецкихъ профессоровъ, на философское и политическое міросозерцаніе Радишева и его друга Ушакова оказала сильное вліяніе французская литература вѣка просвѣщенія. Въ области философіи они увлеклись крайнимъ матеріализмомъ или точнѣе сенсуализмомъ Гельвеція, въ области политики—предъ-революціоннымъ демократическимъ ученіемъ Мабли. Нѣмецкіе профессора, должно быть, тщательно охраняли своихъ студентовъ отъ вреднаго вліянія французскихъ радикальныхъ ученій, такъ какъ русскіе студенты въ концѣ 60-хъ годовъ не знали очень извѣстной тогда книги Гельвеція «О разумѣ»,

вышедшей въ 1758 году, пока эту книгу не рекомендовалъ имъ одинъ русскій человѣкъ изъ высшаго круга, проѣзжавшій чрезъ Лейпцигъ. Ушаковъ, и слѣдомъ за нимъ, Радищевъ начали усердно изучать Гельвеція; пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣмецкой философіей, они относились къ нему критически, но все же признавались, что по книгѣ его «мыслить научались» и, благодаря ему, получили «отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ». Къ ученію Мабли они также относились критически, считая его коммунизмъ утопіей; но они вполнѣ прониклись его демократизмомъ и боевымъ, революціоннымъ духомъ его ученія. Они считали Мабли великимъ авторитетомъ въ области политики и отказались слушать курсъ профессора Беме по международному праву, рѣшивъ вмѣсто того читать сочиненіе Мабли о «Правѣ публичномъ Европы, основанномъ на трактатахъ»; они говорили, что въ этомъ, «образцовомъ по мнѣнію всего свѣта», произведеніи Мабли, конечно, найдутъ больше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было профессорскихъ лекціяхъ.

III. Первые литературные опыты и служба (1771—1790 г.).

Единожды смиривъ
юношу, нерѣдко навѣки
содѣлаете его калѣкою.
Житіе Ушакова.

Въ ноябрѣ 1771 года Радищевъ вернулся изъ-за границы въ Петербургъ и поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ. Сенатскія дѣла на первыхъ

же порахъ должны были поразить молодого ученика Мабли рѣзкимъ контрастомъ между передовой теоріей и безотрадной дѣйствительностью. Но вскорѣ по возвращеніи въ Россію ему выпала на долю работа, которая перенесла его въ область его университетскихъ занятій.

По порученію общества, образованнаго императрицей для перевода на русскій языкъ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій, «общества, старающагося о напечатаніи книгъ», онъ занялся переводомъ сочиненія своего любимаго писателя Мабли: «Observations sur l'histoire de la Grèce». Переводъ этотъ вышелъ въ 1773 г. подъ названіемъ: «Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де Мабли». Радищевъ прибавилъ къ переводу любопытное примѣчаніе, составленное въ духѣ ученія автора книги о народномъ суверенитетѣ. Слово despotisme онъ перевелъ терминомъ «самодержавство», и поясняя его, писалъ: «Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи тоже, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» *).

*) Въ другомъ примѣчаніи Радищевъ оспариваетъ мнѣніе Мабли, что эфоры установлены Ликургомъ, ссылаясь на классиковъ (с. 17). Кромѣ того, въ 3—4 случаяхъ, гдѣ Мабли глухо ссылался на «одного славнаго писателя», Радищевъ далъ точныя ссылки на «Монтескьіо, О разумѣ законовъ» (с. 162, 164, 172).

Въ связи съ работой надъ этимъ переводомъ, Радищевъ усердно изучалъ русскій литературный языкъ. Онъ пользовался уроками Храповицкаго (будущаго статсъ-секретаря Екатерины), и для изученія языка слѣдуя совѣту Ломоносова, читалъ церковно-славянскія книги. Въ это же время до (1775 г.) онъ много писалъ стиховъ, по его выраженію, «на нѣжные предметы».

Прослуживъ до 1773 года въ сенатѣ, затѣмъ два года въ штабѣ генералъ-аншефа графа Я. А. Брюса (впослѣдствіи бывшаго въ Москвѣ главнокомандующимъ), въ должности оберъ-аудитора, Радищевъ въ 1775 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ секундъ-маіора. Въ томъ же году онъ женился на племянницѣ своего Лейпцигскаго товарища Андрея Рубановскаго, Аннѣ Васильевнѣ. Проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ, онъ 22 декабря 1777 года вновь поступилъ на службу ассесоромъ въ коммерцъ-коллегію. Вскорѣ, въ 1780 году, онъ былъ назначенъ помощникомъ управлявшаго петербургской таможней Даля; съ октября 1781 г., въ теченіе года онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи о коммерціи по составленію новаго общаго таможеннаго тарифа, изданнаго въ сентябрѣ 1782 года. Въ 1790 году, незадолго до своего ареста (въ іюнѣ) онъ былъ назначенъ управляющимъ петербургской таможней.

Во все время своей службы въ коллегіи и въ таможнѣ Радищевъ пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ своего начальника, графа А. Р. Воронцова, президента коммерцъ-коллегіи, почтеннаго и просвѣщеннаго вельможи Екатерининскаго царствованія. Полное довѣріе его Радищевъ пріобрѣлъ вскорѣ

послѣ своего поступленія въ коллегію, когда однажды смѣло выступилъ на защиту справедливости, не убоявшись пойти противъ мнѣнія президента и старшихъ членовъ коллегіи. Въ коллегіи разбиралось дѣло браковщиковъ пеньки. Президентъ, вице-президентъ и другіе члены коллегіи признали ихъ виновными въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Радищевъ одинъ отстаивалъ ихъ невинность. Первая мысль графа Воронцова была, что Радищевъ защищаетъ ихъ по какимъ-либо корыстнымъ видамъ. Но пересмотрѣвъ дѣло, онъ убѣдился, что правда на сторонѣ Радищева.

Управленіе таможней въ значительной части лежало на Радищевѣ, потому что главный начальникъ ея, Даль, былъ человѣкомъ болѣзненнымъ, и къ тому же не умѣлъ писать по русски. Радищевъ часто писалъ графу Воронцову доклады о движеніи торговли петербургскаго порта и при этомъ иногда съ шуткой пополамъ разсказывалъ о курьезныхъ ухищреніяхъ въ провозѣ контрабанды. Графъ Воронцовъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуть своего любимца. Посылая въ 1786 г. статсъ секретарю графу А. А. Безбородкѣ для представленія императрицѣ, рапортъ Радищева о столкновеніи между капитаномъ одного французскаго судна и кроштадтской таможней, — Воронцовъ письмо свое закончилъ слѣдующими словами: «Вы, я надѣюсь, найдете, что г. Радищевъ съ расторопностью исполнилъ ему препорученное» *). Служебныя отношенія Радищева къ Воронцову привели къ ихъ дружеской близости. Радищевъ вошелъ въ кружокъ близкихъ знакомыхъ его и его сестры, княгини Е. Р. Дашковой.

---

*) См. примѣчаніе въ концѣ книги.

Литературная дѣятельность Радищева надолго прервалась послѣ перевода книги Мабли, изданнаго въ 1773 году, и первыхъ стихотворныхъ опытовъ. Въ своемъ показаніи на слѣдствіи онъ объяснялъ свое охлажденіе къ литературнымъ занятіямъ и къ чтенію своей женитьбой, говоря, что послѣ женитьбы «наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаясь ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами». Но онъ тутъ намѣренно умолчалъ, что главная причина перемѣны заключалась не въ семейномъ счастьѣ, а въ рѣзкомъ столкновеніи юношескихъ идеаловъ съ дѣйствительностью. Объ этой истинной причинѣ онъ разсказалъ въ слѣдующей автобіографической страницѣ «Житія Ѳ. В. Ушакова»:

«Воспомни — говоритъ онъ, обращаясь къ своему другу Кутузову, — нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Естьли кто, безстрастный, ничего инаго въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги: но естьли кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что *послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило.* О вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою.

IV. Работа надъ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“ (1785—1790).

Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала.

Путешествіе.

Жизнь смирила Радищева почти на 10 лѣтъ, но «не сдѣлала его калѣкою» навѣки. Начиная съ 1785 г., наканунѣ французской великой революціи, когда ему было 36 лѣтъ, идеалистическія стремленія, заглохшія на время, овладѣли имъ съ новою силою. Толчокъ къ этому дало сочиненіе Рейналя: «Философская исторія обѣихъ Индій» *). Книга эта производила сильное впечатлѣніе на современниковъ патетическимъ стилемъ, идиллическимъ описаніемъ первобытныхъ племенъ въ духѣ Руссо, рѣзкими «дерзновенными» нападками на христіанство и государственныя учрежденія съ точки зрѣнія энциклопедистовъ; въ короткое время она выдержала нѣсколько изданій; ею зачитывались такіе люди, какъ Франклинъ, Гиббонъ, Фридрихъ II. Первое изданіе ея вышло въ 1770 году. Радищевъ же познакомился съ нею впервые десять лѣтъ спустя. Сочиненіе Рейналя увлекло его, также какъ многихъ его современниковъ. «Сію книгу— писалъ Радищевъ впослѣдствіи въ крѣпости — могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію».

*) Guillaume-Thomas Raynal, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. I-е изданіе въ Амстердамѣ, 1770 г. въ 4-хъ томахъ. Женевское изданіе 1781, въ 10-ти томахъ.

Онъ началъ читать многотомный трудъ Рейналя въ 1780 году, но ему мѣшала въ это время необходимость вникнуть въ новыя для него дѣла таможни, въ которую онъ былъ переведенъ изъ коллегіи; потомъ мѣшала срочная работа по составленію таможеннаго тарифа. Вскорѣ, въ августѣ 1783 г., умерла его жена. Эта смерть — писалъ онъ—«погрузила меня въ печаль и унынie и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія». Наконецъ, въ 1785 г. онъ снова принимается за чтеніе Рейналя, котораго раньше оставилъ недочитаннымъ. На этотъ разъ онъ уже не оставляетъ чтенія и отдается всецѣло мыслямъ и чувствованіямъ дней своей юности.

«Я взглянулъ окрестъ меня,—говоритъ Радищевъ объ этомъ переломѣ—душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала».—Чувствительность и состраданіе ввергли его въ унынie. Но онъ воспрянулъ отъ унынія, когда проникся вѣрой въ силу истины, въ силу разума, воодушевлявшую его учителей, философовъ XVIII вѣка. «Бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе предметы». Надо раскрыть заблужденіе, надо «отнять завѣсу отъ очей природнаго чувствованія». Я—говоритъ Радищевъ въ предисловіи къ «Путешествію»—ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ».

Онъ выбралъ для начала одно изъ наиболѣе вопіющихъ заблужденій времени. Аукціонный залъ. Съѣзжаются покупщики. По объявленію, напечатанному въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, продаются съ публична-

го торга шесть человѣкъ дворовыхъ людей. Они стоятъ неподвижно: среди нихъ старикъ 75 лѣтъ, бывшій дядька барина, восьмидесятилѣтняя старуха, бывшая кормилица еще его матери, внучка ихъ, молодица, съ ребенкомъ, прижитымъ отъ барина. Стукъ молотка, и участь ихъ рѣшена. «Слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты». Свое разсужденіе объ этомъ варварскомъ, постыдномъ обыкновеніи крѣпостного права, Радищевъ закончилъ словами, которыя поняты были потомъ Екатериной какъ призывъ къ возстанію. «Всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ — великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія» (глава Мѣдное).

Въ слѣдующемъ году (1786), читая сочиненіе Гердера, онъ на основаніи его написалъ «Краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры», въ которомъ доказывалъ, что цензура съ инквизиціей принадлежатъ къ одному корню, и говорилъ, что въ исторіи «мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возстающую на истину» (Глава Торжокъ).

Въ томъ же году поѣздка моремъ на лодкѣ изъ Петербурга въ Сестрорѣцкъ (Систербекъ) дала ему матеріалъ для изображенія «начальника», котораго подчиненные не осмѣливаются разбудить даже тогда, когда слышатъ крики людей, тонущихъ въ морѣ, и безъ его разрѣшенія не могутъ придти къ нимъ на помощь (глава Чудово).

Эти опыты привели Радищева къ мысли изобразить въ рядѣ отдѣльныхъ картинъ всѣ отрицательныя стороны общественнаго и государственнаго строя Россіи. Внѣшнюю форму сочиненія: наблюденія и размы-

шленія во время путешествія онъ заимствовалъ изъ «Сентиментальнаго путешествія» Стерна. Книга, названная: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» была закончена къ началу 1789 года. Три очерка, указанныхъ выше, вставлены быть въ главы «Чудово» «Торжокъ» и «Мѣдное». *).

Прежде, чѣмъ приступить къ печатанію своей книги, Радищевъ, въ видѣ опыта, напечаталъ въ 1789 году небольшое «Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», (написано въ 1788 году), въ которомъ подробно описалъ свою жизнь въ Лейпцигѣ. Своего старшаго товарища, учителя и друга онъ описалъ въ живыхъ чертахъ юнаго философа, сгоравшаго жаждой знанія и мужественно встрѣтившаго часъ смерти на чужбинѣ, въ Лейпцигѣ. Въ приложеніи къ своему очерку Радищевъ напечаталъ три небольшихъ «размышленія» Ушакова: О правѣ наказанія и о смертной казни, О любви и Три письма о первой книгѣ Гельвеціева сочиненія о Разумѣ,—весьма близкія по духу къ философскимъ работамъ Радищева.

Въ это же время Радищевъ написалъ нѣсколько статей для журнала «Почта Духовъ», издававшагося подъ редакціей Крылова въ 1789 году. Прямое указаніе на причастность Радищева къ «Почтѣ Духовъ» сохранилось лишь въ запискахъ иностранца Массона, который приписалъ ему даже издательство этого журнала. Но нѣкоторыя изъ писемъ этой «Почты» несомнѣнно въ той же мѣрѣ далеки отъ стиля Крылова, въ какой онѣ близки къ стилю и содержанію произ-

*) Два послѣдніе очерка отдѣлены отъ повѣствованія указаніемъ на тетрадки, читаемыя путешественникомъ.

веденій Радищева. Относительно двухъ писемъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку (№№ 5 и 18), авторство Радищева подтверждается, кромѣ этихъ соображеній, также и нѣкоторыми чертами, несомнѣнно навѣянными обстановкой его жизни. Вѣсьма вѣроятно также, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что и часть писемъ сильфа Дальновида написана была Радищевымъ (см. примѣчанія).

По примѣру Рахманинова, издававшаго «Почту духовъ», печатая ее въ собственной типографіи, Радищевъ въ томъ же 1789 году, воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ 1783 г., завелъ небольшую домашнюю типографію*). Наборщикомъ ему служилъ таможенный досмотрщикъ, который раньше работалъ въ академической типографіи тисканіемъ занимались его дворовые люди.

Сначала Радищевъ напечаталъ въ своей типографіи небольшую брошюру въ 14 страницъ: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего» (1790 г.), въ которомъ описывалъ открытіе памятника Петру Великому въ Петербургѣ (состоявшееся 7 августа 1782 г.), превозносилъ похвалами Петра, но упрекалъ въ томъ, что онъ «истребилъ послѣдніе признаки дикой вольности своего отечества» и, «возносяся самъ и вознося отечество», «не утвердилъ вольность частную». Въ оправданіе же Петра, онъ замѣтилъ: «нѣтъ, и до скончанія міра примѣра можетъ

*) Указомъ 15 января 1783 года повелѣвалось «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій» и соотвѣтственно этому дозволено было «каждому по своей собственной волѣ заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія».

быть не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ». Прочтя это сочиненіе въ связи съ «Путешествіемъ», Екатерина заключила, что «давно мысль его готовилась ко взятому пути».

Рукопись «Путешествія» была одобрена къ печати полицеймейстеромъ Никитою Рылѣевымъ 22-го іюля 1789 года. Печатаніе книги началось въ январѣ 1790 года и закончено было къ началу іюня. Напечатано было около 650 экземпляровъ, но изъ нихъ разошлось менѣе 100. Семь экземпляровъ Радищевъ роздалъ знакомымъ, въ томъ числѣ Державину; 25 экземпляровъ далъ на продажу по 2 р. за экземпляръ книгопродавцу Зотову. Зотовъ тотчасъ замѣтилъ «великое любопытство публики» къ этой книгѣ. О ней стали «говорить по всему городу». По характеру этихъ толковъ Радищевъ понялъ, что дѣло можетъ принять опасный для него оборотъ. Когда книгопродавецъ Шноръ попросилъ у него 50 или 100 экземпляровъ въ уплату долга, Радищевъ отказалъ ему и написалъ ему даже изъ предосторожности, что тѣ экземпляры, которые продавались, были у него украдены. Затѣмъ, онъ разобралъ и уничтожилъ часть своихъ бумагъ и сжегъ все изданіе «Путешествія», за исключеніемъ экземпляровъ, уже разошедшихся. Онъ сдѣлалъ это, вѣроятно, потому, что до него дошли свѣдѣнія о томъ, какъ отнеслась къ его книгѣ императрица. Чрезъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, близкихъ ко двору, графа Воронцова и княгиню Дашкову, онъ могъ заблаговременно получить дружеское предостереженіе о грозящей ему опасности.

V. Екатерина II и Радищевъ.

Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе.
***Наказъ*, § 480.**

Дѣло Радищева, изъ котораго Екатерина II сдѣлала пародію судебнаго процесса, взявъ на себя въ немъ роли и прокурора, и судьи, составляетъ одно изъ темныхъ дѣяній ея царствованія.

Когда Александру I въ 1821 году доложили о заговорѣ тайнаго общества (будущихъ декабристовъ), онъ тотчасъ вспомнилъ, что онъ «самъ раздѣлялъ и распространялъ» идеи, воодушевлявшія членовъ тайнаго общества, и не принялъ противъ нихъ никакихъ мѣръ, сказавъ: «Не мнѣ ихъ карать» (Ce n'est pas à moi à sévir).

Екатерина II по отношенію къ Радищеву не проявила того благородства, того истиннаго величія, какое проявилъ ея внукъ по отношенію къ декабристамъ. Болѣе того, она поступила недостойно, потому что, жестоко карая Радищева, она руководилась въ сущности единственно личнымъ своимъ раздраженіемъ. Екатерина вполнѣ убѣдилась изъ слѣдствія, что имѣетъ дѣло не съ заговорщикомъ, а съ политическимъ писателемъ; и она хорошо знала, что предъ нею ея собственный ученикъ, не потому только, что Радищевъ учился заграницей естественному праву на ея счетъ и по ея программѣ, но и потому, что онъ принадлежалъ къ той самой литературной школѣ, которая начата была въ Россіи ея же «Наказомъ». Она оставила все это безъ вниманія, и прикрывшись не имѣвшимъ серьезнаго основанія,

страхомъ революціи, воспользовалась своею властью, чтобы жестоко отомстить Радищеву свою личную обиду.

Своимъ отношеніемъ къ Радищеву Екатерина рѣзко нарушила правила своего «Наказа». Эти правила не устанавливали полной свободы слова; они предусматривали запрещеніе «сочиненій очень язвительныхъ», но съ важною оговоркою: «весьма беречься изъисканія о семъ далече распространять» (§ 484). Впослѣдствіи, издавая указъ о вольныхъ типографіяхъ, Екатерина сохранила цензуру, а раньше въ наиболѣе либеральную пору царствованія, незадолго до изданія «Наказа» собственноручно предписала Академіи Наукъ слѣдить, чтобы въ книжныхъ лавкахъ не продавали книгъ, «которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи». Объ этомъ секретномъ указѣ, 6 сентября 1763 г., который въ число запрещенныхъ книгъ поставилъ и сочиненія «Эмиліи Русоевы», Екатерина, конечно, не упомянула въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ, какъ позднѣе, писавши длинныя письма Гримму во время процесса Радищева, не обмолвилась ни словомъ объ этомъ дѣлѣ, столь ее волновавшемъ.

Не уничтожая вовсе цензуры, Екатерина въ «Наказѣ» настойчиво разъясняла, что сами по себѣ «слова не вмѣняются никогда въ преступленіе», такъ какъ «законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій»; только слова, «совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія» и могутъ подлежать наказанію. Сочиненія Екатерина приравнивала къ словамъ и относительно «очень язвительныхъ сочиненій» особливо указала, что они подлежатъ вѣдѣнію полиціи, но не составляютъ преступленія.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», безъ сомнѣнія, было «сочиненіемъ очень язвительнымъ», потому что оно было правдиво, сильно и смѣло написано, но оно не было связано съ «дѣйствіемъ», не было связано съ заговоромъ и не содержало въ себѣ призыва къ возмущенію, а потому, по яснымъ правиламъ «Наказа», авторъ этого сочиненія никакъ не заслуживалъ какого либо наказанія, и тѣмъ менѣе смертной казни или ссылки въ Сибирь.

Несправедливо жестокое отношеніе Екатерины къ Радищеву объясняютъ перемѣной, происшедшей въ ней вслѣдствіе страха предъ французской революціей. 14-ое іюля 1789 года, день взятія Бастиліи, произвело на нее потрясающее впечатлѣніе и — можно было бы сказать, —что она «сожгла все то, чему поклонялась», если бы только она раньше дѣйствительно «поклонялась» идеямъ французской свободной просвѣтительной литературы, то есть раздѣляла ихъ глубоко и вполнѣ искренно. Она, передовая писательница XVIII вѣка, ученица Вольтера, совершенно не поняла значенія великой революціи и даже въ первый, наиболѣе умѣренный ея періодъ, до якобинскаго террора, не видѣла въ ней ничего, кромѣ анархіи, ничего, кромѣ «безразсудства, волненія страстей, безпорядка, излишествъ всякаго рода», и смѣло идеализировала старый порядокъ. Она, гордившаяся раньше созывомъ комиссіи для составленія уложенія, смѣется теперь надъ «великими талантами сапожниковъ и башмачниковъ въ дѣлѣ управленія и законодательства»; она называетъ національное собраніе многоголовой гидрой; она находитъ, что Мирабо, даже роялистъ Мирабо, достоинъ не одной, а многихъ висѣлицъ.

Увидѣвъ на столѣ въ своей уборной, куда клались всѣ вновь выходившія книги, «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» неизвѣстнаго автора (Радищевъ напечаталъ книгу безъ своего имени), и начавъ читать эту книгу, Екатерина съ первыхъ же 30 страницъ увидѣла въ ней «разсѣваніе заразы французской» и тотчасъ же приняла свои мѣры,ославъ за оберъ-полицеймейстеромъ Рылѣевымъ. Свои замѣчанія на книгу Екатерина начала такъ: «Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выискиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и къ властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства».

Екатерина была совершенно права, усмотрѣвъ въ книгѣ Радищева «разсѣваніе французской заразы», если понимать эти слова въ томъ смыслѣ, что книга была проникнута тѣми идеями, которыя подготовили французскую революцію. Но у нея не было никакихъ основаній полагать, что эта зараза представляетъ реальную опасность для Россіи, или точнѣе для русской монархіи.

Тщательный опросъ всѣхъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ печатанію «Путешествія» Радищева, выяснилъ несомнѣнно, что у автора не было сообщниковъ, что въ дѣлѣ изданія этой книги не было и тѣни заговора. Слѣдствіе не открыло никакихъ связей автора съ единственнымъ обществомъ, которое Екатеринѣ, напуганной революціею, казалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи, а именно съ небольшимъ кружкомъ масоновъ или мартинистовъ, какъ ихъ тогда называли. Въ своихъ

замѣчаніяхъ на «Путешествіе» она высказала предположеніе, что «авторъ едва ли не мартинистъ или чего подобное». На слѣдствіи ему былъ заданъ вопросъ: «не былъ ли приглашенъ въ общество мартинистовъ?» Радищевъ на это рѣшительно отвѣтилъ, что «мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ осуждаетъ, что де и въ самой книжкѣ значится». Дѣйствительно, въ книгѣ онъ не разъ смѣется надъ мистицизмомъ мартинистовъ и надъ иллюминатами (стр. 53—56).

Книгу свою Радищевъ посвятилъ А. М. К., то есть А. М. Кутузову, одному изъ видныхъ масоновъ того времени. Но онъ сдѣлалъ посвященіе ему, не какъ масону, а какъ другу своей юности, товарищу по лейпцигскому университету. Кутузовъ, какъ разсказываетъ сынъ Радищева, старался привлечь его въ масонскую ложу, но Радищевъ не раздѣлялъ масонскаго мистицизма и оспаривалъ его въ обширной перепискѣ съ своимъ другомъ (не сохранившейся).

Насколько несправедливо было обвиненіе Радищева въ заговорѣ и мартинизмѣ, настолько же неосновательно было и обвиненіе его въ призывѣ къ возстанію. «Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, — писалъ Радищевъ.— Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ будетъ, если только того захочетъ». Свободы «ожидать должно — писалъ онъ — отъ самой тяжести порабощенія». «То есть— поясняла Екатерина—надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ». Радищевъ вполнѣ отвергъ это обвиненіе: «Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ для простого народа невнят-

нымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ»? Радищевъ, конечно, обращалъ свои рѣчи къ образованному классу, къ дворянамъ-помѣщикамъ, и Екатерина сама признала безопасность его рѣчей, язвительно замѣтивъ: «Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ».

Что книга Радищева не составляла преступленія, что наказаніе, назначенное ему Екатериной, было непомѣрно жестокимъ и несправедливымъ, объ этомъ мы можемъ судить по отзывамъ современниковъ, лицъ, близкихъ къ императрицѣ и отнюдь не зараженныхъ революціоннымъ вольнодумствомъ. Не говоря уже о графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ, который искренно сожалѣлъ объ участи Радищева и помогалъ ему, какъ могъ, и братъ этого Воронцова, Семенъ Романовичъ (посолъ въ Англіи) писалъ, что «осужденіе бѣднаго Радищева чрезвычайно его огорчаетъ». «Какой приговоръ и какое смягченіе приговора за безразсудство! — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своему брату. Какъ же накажутъ за преступленіе и мятежъ, настоящій? Десять лѣтъ Сибири хуже смерти для человѣка, у котораго есть дѣти... Это приводитъ въ содраганіе». Даже ближайшій помощникъ Екатерины II по дѣлу Радищева, безпрекословно исполнявшій ея приказанія, графъ А. А. Безбородко, и тотъ не сочувствовалъ ея суровости по отношенію къ Радищеву. Въ письмѣ къ правителю дѣлъ вліятельнаго князя Потемкина Безбородко осторожно заступился за Радищева, представивъ его дѣло не имѣющимъ особенно важнаго

значенія*). И всѣмъ въ обществѣ тяжкое наказаніе Радищева казалось незаслуженнымъ; поэтому тотчасъ послѣ ссылки его всѣ вѣрили слухамъ, то, что Радищевъ помилованъ и возвращается изъ Сибири, то, что онъ отвезенъ не въ Сибирь, а въ деревню къ отцу.

Чѣмъ же объясняется явная несправедливость Екатерины? Главнымъ образомъ, личною местью автору.

Екатерина въ это время, на 51-мъ году жизни, уже не думала о смѣлыхъ преобразованіяхъ. Она успокаивала себя мыслью, что сдѣлала все, что могла и все, что было нужно. Изысканная лесть не своихъ подкупныхъ придворныхъ, а лучшихъ европейскихъ писателей, начиная съ Вольтера, мало-по-малу усыпила ея совѣсть. «Мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества»— писалъ о ней Завадовскій еще въ 1777 году. Ея переписка съ Гриммомъ—сплошное безмѣрное самолюбованіе.

---

*) «Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, *правду сказать и правилъ изрядно и безкорыстно*, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія. Заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненую защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и *почти* бунта противъ помѣщиковъ, неуваженія къ начальствамъ, внесъ много язвительнаго и наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ, оберъ-полиціймейстеръ въ Петербургѣ, цензировалъ сію книгу не читавъ, а удовольствовавшися титуломъ, надписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у многой шали, но по счастію скоро ее узнали... *Съ свободою типографій, да съ глупостію полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ*».

Книга Радищева произвела на нее сильнѣйшее впечатлѣніе, явившись предъ нею, какъ та Странница, которая въ описаніи сна автора очищаетъ зрѣніе царя, затемненное удовольствіемъ самоодобренія, снимая съ глазъ его бѣльма (глава Спасская Полѣсть). Въ лицѣ «Сидящаго во власти на престолѣ», отуманеннаго похвалами и не видящаго, что его блестящія одежды замараны кровію и омочены слезами, — Екатерина сразу узнала самое себя. Она не могла не признать вѣрности общей картины, и тѣмъ сильнѣе должны были ее оскорбить два-три личныхъ намека на нее и ея приближенныхъ. Въ военачальникѣ, который, будучи посланъ на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи, — легко можно было узнать Потемкина. Замѣчаніе о любовницѣ властителя, ищущей въ любви его удовлетворенія своему тщеславію, когда сердце ея ощущаетъ къ нему отвращеніе,—Екатерина легко могла принять за личный оскорбительный намекъ на отношенія къ ней ея фаворитовъ. При такомъ пониманіи, многія, сами по себѣ только колкія, замѣчанія Радищева должны были показаться ей чрезвычайно дерзкими, какъ, напримѣръ, слѣдующіе его вопросы, предшествующіе описанію сна: «Возможно ли, чтобы въ столь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, толикія производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судьи, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь»? Чрезмѣрно язвительными должны были казаться имцератрицѣ также замѣчанія Радищева о «свѣтильникѣ науки, носящемся надъ законоположеніемъ нашимъ» (намекъ на Наказъ), и о любезномъ отечествѣ нашемъ, доведенномъ постепенно до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится, о

наукахъ, художествахъ и рукодѣліяхъ, возведенныхъ до высочайшія совершенства степени (стр. 133).

Личная обида, личное раздраженіе Екатерины видны во всемъ, что она писала и говорила о книгѣ Радищева. Чтобы скрыть личные мотивы, она искусно воспользовалась возможностью связать его книгу съ французской революціей и обвинить его въ бунтовскихъ намѣреніяхъ, хотя не могла не сознавать лучше другихъ, что имѣетъ дѣло лишь съ литературнымъ произведеніемъ хорошо извѣстной ей школы. Она говоритъ съ Храповицкимъ о Радищевѣ «съ жаромъ и чувствительностью» и, умалчивая о личной обидѣ, увѣряетъ, что онъ «бунтовщикъ, хуже Пугачева» (!). Какъ бы въ оправданіе свое, она показываетъ Храповицкому страницы книги съ похвалами Франклину, и говоритъ, что Радищевъ и «себя такимъ же представляетъ» (7 іюля 1790 г.).

Лично оскорбленная, Екатерина въ своихъ замѣчаніяхъ старается и у Радищева также найти личные мотивы. «Подвигъ же (т. е. побужденіе) сочинителя, — писала она, — объ закладъ биться можно, по которому онъ ее (книгу) написалъ, есть тотъ, для чего входъ не имѣетъ въ чертоги». «Скажите сочинителю— такъ заканчиваетъ она свои замѣчанія,—что я читала его книгу отъ доски до доски, и прочтя, усомнилась, не сдѣлана ли ему мною какая обида» *). Всѣ разсужденія Радищева, даже общаго характера, Екатерина принимаетъ на свой счетъ и спѣшитъ оправдаться: «О

*) „Вѣроятно, кажется, что родился съ необузданной амбиціей и готовясь къ вышнимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось повсюду, на все установленное“.

чемъ прилагается къ пресѣченію, то обращается въ укоризну».

Нѣкоторыя замѣчанія Екатерины очень неожиданны въ ея устахъ, и могутъ быть объяснены только тѣмъ, что она писала не возраженія собственно, а обвинительный актъ, обращаясь не къ просвѣщенной публикѣ, а къ Шешковскому, слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Въ другомъ случаѣ она едва ли бы отозвалась такъ презрительно о Руссо: «разные полумудрецы сего вѣка, какъ Руссо, аббе Рейналъ и тому гипохондрику подобные»; едва ли бы она написала, что «лучшее есть врагъ нынѣшнему доброму и лучше держаться извѣстнаго, нежели неизвѣстному проложить дорогу» *).

Становясь на точку зрѣнія Шешковскаго, Екатерина вмѣняетъ въ вину Радищеву не только политическія, но и философскія его умозрѣнія, называя ихъ «произвольными бреднями суемудрыми», осуждаетъ ихъ, какъ «противныя закону Божію, десяти заповѣдямъ, святому писанію, православію и гражданскому закону».

Выдавая личное свое раздраженіе въ рѣзкихъ насмѣшкахъ, какъ, напримѣръ: «Мудрецъ тутъ остается дуракомъ», Екатерина не знаетъ мѣры, обвиняя автора въ «необузданныхъ», «бунтовскихъ», «криминальныхъ», «суще возмутительныхъ» намѣреніяхъ. На его теоретическихъ разсужденіяхъ, она смѣло строитъ главный пунктъ обвиненія—призывъ къ революціи. О многихъ

*) Странно слышать также отъ Екатерины замѣчанія такого рода: „ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“, или: „Начинается прежалкая повѣсть о семіи, проданной съ молотка за долги господина“.

страницахъ книги она дѣлаетъ такія замѣчанія: «Клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ, противу начальства». О словахъ Радищева: «како власть съ свободою сочетать должно на взаимную пользу», она замѣчаетъ: «сіе думать можно, что цѣлитъ на французской развратный нынѣшній примѣръ». Все усиливая обвиненія, она, наконецъ, доходитъ до предположенія, что авторъ «себя опредѣлилъ быть начальникомъ, книгою ли или инако, исторгнуть скиптры изъ рукъ царей, но какъ сіе исполнить единъ не могъ, показываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ» *).

Впослѣдствіи, передавая дѣло на распоряженіе государственнаго совѣта, Екатерина просила, чтобы «не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ». На самомъ дѣлѣ, она не «презирала», а, какъ видно изъ хода процесса, жестоко мстила автору.

VI. Слѣдствіе и судъ (1790 г.).

Самодержецъ долженъ воздержаться, чтобъ самому не судить..
Наказъ, § 419.

Руководимые императрицей слѣдствіе и судъ шли быстро слѣдующимъ порядкомъ:

26 іюня 1790 г., на другой день послѣ того, какъ Екатерина начала читать книгу Радищева, былъ арестованъ книгопродавецъ Зотовъ. 27 іюня Екатерина от-

*) Въ крайнемъ раздраженіи Екатерина грозитъ автору пыткою: „И ежели не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательство и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго“.

дала приказаніе о допросѣ Радищева, а вслѣдъ затѣмъ онъ былъ арестованъ, и 30 іюня заключенъ въ крѣпости. Допросъ порученъ былъ С. Шешковскому, отличавшемуся жестокостью розысковъ и получившему въ народѣ прозвище «духовника». Услышавъ его имя, арестованный Радищевъ упалъ въ обморокъ.

Вопросные пункты, числомъ 29, составлены были по замѣчаніямъ Екатерины, и большею частью, были взяты изъ нихъ дословно. Радищевъ написалъ обстоятельные отвѣты на каждый пунктъ. Главное обвиненіе въ злоумышленіи бунта и въ призывѣ къ возмущенію онъ опровергъ безъ особыхъ затрудненій, какъ мы уже говорили выше. Онъ объяснилъ, что книга его была литературнымъ произведеніемъ, или какъ онъ говорилъ: «главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобы прослыть писателемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожно оправдывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои взгляды и описанія, онъ отрекался съ полнымъ раскаяніемъ отъ своей книги и взывалъ къ милосердію императрицы.

Свои показанія онъ заключилъ слѣдующей полною повинной: «Что очищалъ я вышеописанные пункты, то признаюсь чистосердечно, что я исполнялъ только волю всемилостивѣйшей государыни. Впрочемъ, я вижу теперь очень ясно, что оная моя книга наполнена столь гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, что я почитаю себя достойнѣйшимъ всякаго отъ правосудія ея истязанія и не принося никакихъ болѣе оправданій, ожидаю и прошу единственно матерняго ея, если не для меня, то, по крайней мѣрѣ, ради престарѣлыхъ моихъ родителей и ради малолѣтнихъ дѣтей, коихъ четверо,—помилованія».

Кромѣ этихъ показаній, данныхъ 8, 9 и 10 іюля Радищевъ въ нѣсколькихъ повинныхъ старался увѣрить Екатерину въ полномъ своемъ раскаяніи и умолялъ ее «пощадить мгновенное заблужденіе».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого допроса, по указу императрицы, Радищевъ 15 іюля былъ преданъ суду уголовной палаты. Документы, такъ сказать, предварительнаго слѣдствія, произведеннаго Шешковскимъ, въ палату переданы не были. Руководствуясь указомъ Екатерины, который въ сущности былъ обвинительнымъ актомъ, палата задала Радищеву слѣдующіе вопросы:

Вопросъ 1-й: Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? *Отвѣтъ*: Намѣренія при сочиненіи сей книги другого не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, то есть сочинителемъ остроумнымъ.

Вопросъ 2-й: Кто именно вамъ были въ томъ сообщники? *Отвѣтъ*: Никого сообщниковъ въ ономъ не имѣлъ.

Вопросъ 3-й: Чувствуете-ли вы важность своего преступленія. *Отвѣтъ*: Чувствую во внутренности души моей, что моя книга дерзновенна и приношу въ томъ мою повинность.

Вопросъ 4-й касался числа напечатанныхъ и розданныхъ экземпляровъ, и *вопросъ 5-й* — службы подсудимаго.

Допросъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу печатанія и продажи книги, подтвердилъ вполнѣ, что сообщниковъ у автора не было. Обративъ вниманіе на поправки, сдѣланныя на корректурныхъ листахъ, палата также скоро убѣдилась, что поправки эти сдѣланы рукою Радищева.

Тѣмъ не менѣе, черезъ 10 дней судебнаго слѣдствія, которое было пустою формальностью, палата 24 іюля признала его виновнымъ въ томъ, что онъ издалъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными, неистовыми изображеніями противу сана и власти царской». Формулируя это обвиненіе, палата повторяла слова указа и прямо ссылалась на него: «Какъ въ имянномъ ея императорскаго величества указѣ сказано». Вмѣстѣ съ тѣмъ, приводя съ большою натяжкою статьи Уложенія, воинскихъ артикуловъ и морскаго устава, палата приговорила Радищева къ смертной казни.

Черезъ два дня (26 іюля) дѣло было внесено изъ уголовнаго суда въ сенатъ, и 8 августа 1790 года сенаторы, подтвердивъ приговоръ палаты, приказали: «Наказать смертію, а именно, по силѣ воинскаго устава 20-го артикула, отсѣчь голову».

Екатеринѣ мало было приговоровъ двухъ, вполнѣ послушныхъ ей, судебныхъ инстанцій. Она говоритъ съ Храповицкимъ о сенатскомъ приговорѣ «съ примѣтною чувствительностью» и рѣшаетъ передать дѣло на разсмотрѣніе совѣта, для того, какъ она объясняетъ, «чтобы не быть пристрастною». Между тѣмъ, внося дѣло въ совѣтъ, она выставляетъ новый пунктъ обвиненія, упущенный раньше: нарушеніе присяги, и подчеркиваетъ личную свою заинтересованность въ дѣлѣ, приказавъ объявить совѣту, что она «презираетъ все, что въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбитель-

наго особѣ ея высказано». Совѣтъ въ засѣданіи 10 августа, обративъ главное вниманіе на новый пунктъ обвиненія, призналъ, что «сочинитель книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное».

Императрица болѣе трехъ недѣль медлила съ окончательнымъ приговоромъ. Наконецъ, указомъ 4 сентября 1790 года замѣнила смертную казнь десятилѣтнею ссылкою въ одно изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири,—Илимскій острогъ, болѣе 500 верстъ къ сѣверу отъ Иркутска. Смягченіе наказанія было объяснено въ указѣ особымъ милосердіемъ императрицы, «для всеобщей радости» заключенія мира со Швеціей (Верельскій миръ 1790 года) *).

---

*) Къ указаннымъ пунктамъ обвиненія: 1) „вредныя умствованія" (сенатскій приговоръ), 2) нарушеніе присяги (приговоръ совѣта), указъ прибавилъ 3-й пунктъ: „лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ книгу". Объ этомъ обвиненіи см. ниже статью П. Е. Щеголева.

Именной указъ, данный сенату 4 сентября 1790 года.

Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги и должности его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ с.-петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи госу-

Когда вслѣдъ затѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ отобраніи и сожженіи книги Радищева, то властямъ удалось отобрать только 10 экземпляровъ, въ томъ числѣ 7 экземпляровъ, розданныхъ авторомъ знакомымъ; относительно большей части экземпляровъ, не удалось розыскать, кто ихъ купилъ, а одинъ изъ получившихъ книгу, И. И. Шуваловъ, не вернулъ ея, заявивъ, что онъ ее сжегъ.

«Путешествіе» сохранилось въ довольно большомъ числѣ экземпляровъ. Кромѣ 25 экземпляровъ, полученныхъ на комиссію отъ Радищева, книгопродавецъ Зотовъ какими то окольными путями, чрезъ его людей, успѣлъ достать еще 50 экземпляровъ, а можетъ быть и больше. 21 августа онъ былъ выпущенъ на свободу; когда же въ сентябрѣ состоялся окончательный приговоръ о ссылкѣ Радищева, и управа благочинія вознамѣрилась отобрать книги у Зотова, то ей не удалось найти ни Зотова, ни его книгъ. Очевидно, напуганный

дарственныхъ узаконеній къ смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ Него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ со Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ". (Полное собраніе законовъ, № 16901).

долгимъ заключеніемъ, онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга *).

Кромѣ этихъ печатныхъ экземпляровъ, въ публикѣ обращалось много списковъ. Пушкинъ, поэтому, сказалъ съ полнымъ правомъ:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ.

VII. Ссылка. Трактатъ о безсмертіи (1790—1796).

Нечаянное преселеніе
въ страну отдаленную.
О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи.

Какъ только петербургское губернское правленіе 8 сентября 1790 года получило помянутый указъ сената, оно немедленно, въ тотъ же день распорядилось отправить Радищева въ далекій путь, не обративъ вниманія на его болѣзнь. Его повезли въ оковахъ, и такъ какъ у него не было теплой одежды, то на него надѣли первую попавшуюся, «гнусную», нагольную шубу, взявъ ее у сторожа.

Но тутъ въ средѣ придворныхъ Екатерины, раболѣпно исполнявшихъ ея приказанія, нашелся человѣкъ, не побоявшійся придти на помощь Радищеву, хотя онъ и зналъ, что молва называетъ его соучастникомъ автора «Путешествія». Это былъ графъ А. Р. Воронцовъ, давній

*) О судѣ надъ Радищевымъ см. обстоятельную статью В. Е. Якушкина: „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ", Русская Старина, 1882 г., т. 35, с. 452 и сл. Того же автора, біографія Радищева въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и въ книгѣ: Главные дѣятели освобожденія крестьянъ, 1903 г. Кромѣ того статья М. Сухомлинова въ его Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русск. литерат. и просвѣщенію, Спб. 1889.

покровитель Радищева. Благодаря его стараніямъ, на другой же день послѣ отправленія Радищева въ ссылку, императрица приказала послать вслѣдъ за нимъ куріера, съ повелѣніемъ снять съ него оковы и доставить ему все нужное въ пути. Это повелѣніе догнало его только въ Нижнемъ Новгородѣ.

Тогда же графъ Воронцовъ написалъ длинное письмо тверскому губернатору, обнаруживъ чрезвычайную дружескую заботливость о Радищевѣ. Онъ писалъ губернатору, что не только былъ знакомъ съ опальнымъ писателемъ, но и «любилъ его», послалъ губернатору 200 р., съ просьбой снабдить его одеждой и пищей на дорогу, просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы съ нимъ въ дорогѣ обращались человѣколюбиво, говорилъ, что всѣ услуги Радищеву онъ приметъ за личное себѣ одолженіе, наконецъ, просилъ увѣрить Радищева, что онъ не оставитъ его дѣтей, во время ссылки будетъ ему помогать, и желаетъ только, чтобы онъ здоровъ туда доѣхалъ. Съ такими же письмами графъ Воронцовъ обратился къ губернаторамъ Нижняго Новгорода, Перми, Иркутска. Очень можетъ быть, что только благодаря этой дружеской заботливости его, Радищевъ и вынесъ далекій путь въ Сибирь, несмотря на свою болѣзнь. Благодаря заступничеству Воронцова, онъ вездѣ на пути, и въ особенности въ Иркутскѣ, видѣлъ «отъ начальниковъ милость и снисхожденіе», а отъ общества «благопріятство и ласку». Въ Тобольскѣ ему позволили остановиться на семь мѣсяцевъ, въ Иркутскѣ— на два мѣсяца. Въ Илимскъ онъ пріѣхалъ 4 января 1792 года; генералъ-губернаторъ отвелъ ему здѣсь бывшій воеводскій домъ, въ пять комнатъ.

Ссылку Радищева раздѣлила сестра его жены, Ели-

завета Рубановская. Она пріѣхала въ Тобольскъ съ двумя младшими его дѣтьми и затѣмъ вышла за него замужъ. Двое старшихъ сыновей остались въ Россіи, и это очень тяготило Радищева. Очень тяготила его также невольная разлука съ немногими друзьями. Несмотря на отличное отношеніе къ нему генералъ-губернатора, мѣстное начальство съ Илимскѣ не забывало, что Радищевъ преступникъ, хотя съ него и сняты оковы, и докучало ему своимъ надзоромъ. Радищевъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ усиленныхъ, разнообразныхъ умственнымъ занятіяхъ. Графъ Воронцовъ присылалъ ему книги и деньги и поддерживалъ съ нимъ дружескую переписку, конечно, не довѣряя своихъ писемъ почтѣ. Впечатлѣнія жизни въ далекомъ неизвѣданномъ краю доставляли обильную пищу пытливому уму Радищева и въ началѣ его жизни въ Илимскѣ заглушали тоску ссылки: «Минуты отрады въ моей жизни,— писалъ онъ (въ апрѣлѣ 1792 г.),— несомнѣнно перевѣшиваютъ минуты скорби».

Въ Илимскѣ онъ начинаетъ изучать природу, надѣясь въ «наблюденіяхъ естественности» сдѣлать научныя открытія и сожалѣя, что въ молодости мало занимался естественными науками, минералогіей и ботаникой. Графа Воронцова онъ просилъ выслать описанія путешествій по Сибири Штеллера и Гмелина и минералогическія описанія горъ Урала, Алтая и Финляндіи, учебники ботаники и минералогіи. Въ Иркутскѣ въ это время жилъ замѣчательный естествоиспытатель, финляндецъ Эрикъ Лаксманъ; Радищеву не удалось съ нимъ свидѣться, но онъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку, пользуясь случаемъ пополнить свои знанія въ ботаникѣ. Радищевъ познакомился и съ другимъ замѣчательнымъ изслѣдователемъ, жившимъ тогда въ восточ-

ной Сибири, путешественникомъ купцомъ Григоріемъ Шелеховымъ. Оба они умерли незадолго до отъѣзда Радищева изъ Сибири: Шелеховъ въ 1795 и Лаксманъ—въ 1796 году; въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Илимска Радищевъ оплакивалъ ихъ смерть (9 іюня 1796 г.).

Отсутствіе врачей въ Илимскѣ заставило его вспомнить университетскіе уроки медицины и, пользуясь аптечкой, которую ему прислалъ графъ Воронцовъ, Радищевъ началъ лечить мѣстныхъ жителей и даже дѣлать операціи.

Изучая природу Сибири, Радищевъ изучалъ также и ея исторію. Онъ началъ писать очеркъ сибирской исторіи, но, повидимому, не закончилъ. Въ бумагахъ его сохранилось только начало этого труда до завоеванія Сибири Ермакомъ. Здѣсь, въ связи съ исторіей Сибири, онъ излагаетъ кратко и свои этнографическія и геологическія наблюденія. Здѣсь же встрѣчается нѣсколько замѣчаній, показывающихъ, что ссылка не искоренила въ Радищевѣ его свободомыслія. Говоря, что въ завоеваніи Сибири проявились вполнѣ качества русскаго народнаго характера: «предпріимчивость и неутомимость въ исполненіи», Радищевъ замѣчаетъ, что эти качества поведутъ къ величію и славѣ, если «онѣ обращены будутъ на снисканіе всего того, что содѣлать можетъ блаженство общественное» *).

Сохранивъ интересъ къ предметамъ прежней своей служебной спеціальности, Радищевъ во время своего недолгаго пребыванія въ Иркутскѣ собралъ свѣдѣнія

*) Въ одномъ изъ примѣчаній онъ говоритъ, что въ древности въ Россіи «собранія общественныя были употребительны», указывая на «остатокъ оныхъ»—крестьянскій сходъ.

о торговлѣ съ Китаемъ и затѣмъ, въ 1792 году, написалъ довольно большое разсужденіе о выгодахъ и невыгодахъ закрытія торга съ Китаемъ черезъ Кяхту. Онъ изложилъ это разсужденіе очень живо и легко, въ видѣ письма къ графу Воронцову, который интересовался этимъ вопросомъ, какъ президентъ коммерцъ-коллегіи. Воронцову онъ писалъ обо всемъ откровенно и въ этой запискѣ сдѣлалъ слѣдующій смѣлый намекъ на свой процессъ:« Хотя мнѣнія мои относительно многихъ вещей по несчастію моему стали болѣе извѣстными, нежели тщеславіе быть сочинителемъ иногда требуетъ, но я признаюсь въ превратности моихъ мыслей охотно, если меня убѣдятъ доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были».

Работы Радищева по естествознанію и исторіи остались незаконченными. Его гораздо больше интересовали политика и философія. Опасныя политическія темы пришлось оставить; но въ области чистаго умозрѣнія оставалась еще возможность писать, не отрекаясь отъ своихъ убѣжденій.

Въ январѣ 1792 года, тотчасъ послѣ пріѣзда въ Илимскъ, онъ начинаетъ писать обширный философскій трактатъ: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи». Онъ работалъ надъ этимъ сочиненіемъ нѣсколько лѣтъ, но не успѣлъ дать ему окончательной отдѣлки. Оно напечатано было вскорѣ послѣ смерти Радищева, въ собраніи его сочиненій, части 2 и 3, всего 345 страницъ малаго формата изданій того времени, in 16^{0}.

Въ исторіи русской философіи этотъ трудъ Радищева долженъ занять очень видное мѣсто. Онъ, несомнѣнно, значительно превосходитъ первые опыты рус-

скихъ философовъ второй половины XVIII вѣка, московскаго профессора Д. Аничкова, Я. Козельскаго (Философическія предложенія 1768 г.) и другихъ. Онъ отличается широтою знакомства съ современной философіей, французской, нѣмецкой и англійской и, въ особенности, самостоятельною работою мысли, выразившеюся въ любопытной попыткѣ примиренія французскаго матеріализма XVIII вѣка съ умозрѣніями нѣмецкихъ философовъ школы Лейбница и Вольфа.

Изъ французскихъ философовъ Радищевъ нѣсколько разъ цитируетъ мнѣнія Гельвеція (опровергая ихъ), мнѣнія Ляметри и въ изложеніи матеріалистическихъ доводовъ много заимствуетъ, иногда дословно, изъ сочиненія Гольбаха Système de la nature, 1783 г., въ которомъ ученіе это было развито наиболѣе полно. Съ большой похвалой отзывается онъ о Руссо, называя его «изящнѣйшимъ учителемъ воспитанія» и сочиненія его «безсмертными». Изъ англійскихъ философовъ онъ ссылается на Локка и, въ особенности, на матеріалиста Пристли (о матеріи и духѣ— 1777 и о доктринахъ матеріализма — 1778).

Изъ нѣмецкихъ философовъ Радищевъ обнаруживаетъ большое уваженіе къ Лейбницу. Онъ называетъ его «умственнымъ исполиномъ»; беретъ эпиграфомъ его слова «Le présent est gros de l'avenir» *); цитируетъ важное положеніе его системы: «Ничто не происходитъ скокомъ (въ природѣ), говоритъ Лейбницъ, все въ ней постепенно» (стр. 12); иногда поль-

*) Въ текстѣ это же положеніе приводится дважды: «Будущее состояніе вещи уже начинаетъ существовать въ настоящемъ» (ч. III. стр. 10) и въ заключеніи: «Ты будущее твое опредѣляешь настоящимъ» (стр. 151).

зуется его спеціальной терминологіей: уничтоженіе, какъ «изъятіе изъ вселенной». Но во всемъ этомъ обнаруживается только общее знакомство съ Лейбницемъ, которое Радищевъ могъ почерпнуть еще въ университетѣ изъ лекцій Платнера. Въ разсужденіяхъ его не видно непосредственнаго вліянія ученія Лейбница; излагая доводы въ пользу безсмертія души, Радищевъ пользуется не трудами Лейбница, а сочиненіемъ Мендельсона, принадлежавшаго къ его школѣ: «Федонъ или о безсмертіи души» (1767) *).

Общее впечатлѣніе отъ сочиненія Радищева Пушкинъ выразилъ такъ: «Радищевъ, хотя и выражается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма». Дѣйствительно, по духу своему, онъ гораздо ближе къ французскимъ матеріалистамъ, чѣмъ къ Лейбницу и его ученикамъ. При всемъ своемъ уваженіи къ «умственному исполину», онъ смѣется надъ крайностями метафизическихъ умозрѣній нѣмецкихъ философовъ, надъ метафизическими «системами и ѳеоріями» и, слѣдуя англичанамъ и французамъ, предпочитаетъ держаться твердой почвы опыта. «О умствователи,—восклицаетъ онъ,—держитесь опытности... Не тщитесь угадать, чего невозможно» **).

Излагая доводы въ пользу смертности души по Голь-

---

*) Зависимость Радищева отъ Гольбаха и Мендельсона впервые прекрасно выяснилъ П. Н. Милюковъ въ «Очеркахъ исторіи русской культуры», ч. III, вып. 2, 1903.

**) Длинное критическое разсужденіе о свойствахъ вещественности онъ заключаетъ колкимъ замѣчаніемъ: «Друзья мои! Раздробляя свойства вещественности, да не исчезнетъ она совсѣмъ, и да не будемъ сами тѣнь и мечта»! (II, 143, 148).

баху и другимъ, и, видимо, раздѣляя многіе изъ нихъ, Радищевъ, однако, расходится съ ученіемъ французскихъ матеріалистовъ въ основномъ пунктѣ. Отдавая честь искуснымъ доводамъ Гельвеція, что «всѣ дѣянія разума суть ничто иное, какъ простое чувствованіе», Радищевъ опровергаетъ его, видя въ «отвлеченныхъ идеяхъ произведенія» особой «мысленной силы», и рѣзко отдѣляетъ эту мысленную силу отъ тѣла, духъ—отъ матеріи.

Столь же самостоятельно относится онъ и къ своимъ нѣмецкимъ учителямъ. Сжато излагая книжку Мендельсона, онъ доказываетъ, что духъ есть субстанція, отличная отъ матеріи, что «душа наша, или мыслящая сила», есть «существо само по себѣ, отъ тѣлесности отличное», потому что она есть «существо простое и несложное». Но «метафизическіе доводы» не кажутся ему вполнѣ убѣдительными, и онъ самостоятельно подкрѣпляетъ ихъ данными опыта, обозрѣвая для этого все окрестъ лежащую природу и, въ особенности, углубляясь въ психологію и доказывая «ежедневными опытами», что «власть души надъ тѣломъ гораздо превышаетъ властвованіе тѣла надъ душою». Изъ субстанціональности духа, согласно Лейбницу и Мендельсону, Радищевъ выводитъ его неразрушимость и, слѣдовательно, безсмертность. Но слѣдуя за ними далѣе, онъ дѣлаетъ весьма важную оговорку. Признавая неразрушимость духа, какъ особой субстанціи, онъ, видимо, сомнѣвается въ личномъ безсмертіи, и поэтому разсужденія о посмертной жизни души излагаетъ съ оговоркой о ихъ недостовѣрности, предпосылая имъ слѣдующую тираду: «Пускай разсужденіе наше воображенію будетъ смежно; но поспѣшимъ

уловить его, потечемъ ему въ слѣдъ въ радованіи, мечта ли то будетъ или истинность».

Онъ доказываетъ даже не вѣроятность («правдоподобіе»), а одну только «возможность» личнаго безсмертія и настаиваетъ на томъ, что это безсмертіе надо принять, лишь какъ постулатъ, практически необходимый. Эта основная мысль сочиненія выражена на первой его страницѣ. Авторъ понялъ необходимость для человѣка имѣть утѣшеніе въ вѣрѣ въ загробную жизнь, когда на него обрушились несчастія: «нечаянное преселеніе въ страну отдаленную» и тягостная разлука съ друзьями, которымъ онъ посвящаетъ книгу. «Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу въ страну невѣдомую и устремляюся въ область гаданій, предположеній, системъ; вы, вы тому единственною виною. Въ необходимости лишиться, можетъ быть навсегда, надежды видѣться съ вами я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но *хотя правдоподобіе, или же токмо единую возможность*, что нѣкогда, и гдѣ— не вѣдаю, облобызаю паки друзей моихъ». Вѣра въ личное безсмертіе и въ «воздаяніе добродѣтели» необходима не только для утѣшенія въ бѣдствіяхъ, но и какъ постулатъ нравственнаго совершенствованія. Горячо настаивая на необходимости этой вѣры, Радищевъ, однако, постоянно подчеркиваетъ, что это не твердое знаніе, а только возможность. «Ты будущее свое опредѣляешь настоящимъ, — такъ оканчиваетъ онъ свою книгу, — и *вѣрь*, скажу паки, *вѣрь*, вѣчность не есть мечта».

VIII. Возвращеніе въ Россію (1797) и смерть (1802).

Отче всеблагій... Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю; на землѣ она стала уже безполезна.

Путешествіе.

Радищевъ провелъ въ ссылкѣ въ Илимскѣ шесть лѣтъ. Екатерина до своей смерти не простила ему оскорбленія, но смерть ея сократила срокъ ссылки на четыре года. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ I освободилъ его, разрѣшивъ жить въ своемъ имѣньи, подъ надзоромъ мѣстнаго губернатора.

Указъ объ амнистіи, подписанный Павломъ 23 ноября 1796 года, былъ объявленъ Радищеву только черезъ два мѣсяца; курьеръ изъ Петербурга въ Иркутскъ ѣхалъ мѣсяцъ и 18 дней. Радищевъ тотчасъ собрался въ дорогу, получивъ отъ губернатора на проѣздъ 99 рублей. Остановиться въ Москвѣ, хотя бы на короткое время, ему не разрѣшили, и онъ въ іюлѣ 1797 г. проѣхалъ прямо въ свое имѣніе, село Нѣмцово, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца, въ Калужской губерніи. Помѣстье это было невелико; въ деревнѣ было всего 360 душъ крестьянъ. Хозяйство было запущено, вслѣдствіе плутовства приказчика. По возвращеніи Радищеву пришлось прежде всего приступить къ постройкѣ небольшого дома.

Возвращеніе въ Россію сначала не доставило ему большого утѣшенія, такъ, какъ, принужденный жить безвыѣздно въ имѣніи, онъ не могъ свидѣться съ своими родными. Отецъ и мать его жили въ Саратовской

губерніи; братъ его жилъ въ Петербургѣ ; два старшихъ сына—въ Кіевѣ. Радищевъ пишетъ имъ письма, умоляя брата не лѣниться и писать ему каждую почту. Письма запаздываютъ, потому что вся его переписка вскрывалась московскимъ почтъ-директоромъ Пестелемъ (отцомъ декабриста Пестеля), который доставлялъ копіи съ писемъ императору Павлу (см. примѣчанія).

Радищеву было только 50 лѣтъ, но здоровье его было совершенно разстроено. «Взглянувъ на меня,—писалъ онъ въ это время,—всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта». Ссылаясь на свою болѣзненность, онъ, 6 декабря 1797 года, обратился къ Павлу съ просьбою — разрѣшить ему съѣздить въ Саратовскую губернію повидать своего отца и мать. Получивъ разрѣшеніе, Радищевъ въ началѣ 1798 года со всѣми дѣтьми (4 сына и 3 дочери) отправился къ своему престарѣлому отцу, и въ его имѣніи, въ селѣ Преображенскомъ (иначе Верхнее Облязово), Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи, провелъ цѣлый годъ. Затѣмъ съ начала 1799 года до 1801 года жилъ въ своемъ имѣніи Нѣмцово.

Въ это время онъ съ большимъ вниманіемъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и результаты своихъ наблюденій и изученій изложилъ въ статьѣ: «Описаніе моего владѣнія». Разсужденія его о свойствахъ почвы, объ удобреніи, о «капиталѣ» крестьянскаго хозяйства, о размѣрахъ надѣловъ, о рукодѣльныхъ работахъ и проч. обнаруживаютъ разностороннюю научную подготовку, замѣчательную для того времени. Въ двухъ мѣстахъ находимъ смѣлыя замѣчанія противъ крѣпостного права. Описывая возвращеніе крестьянъ съ работы,

Радищевъ восклицаетъ: «Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! Ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую!» Говоря объ отношеніяхъ земледѣльца къ господину, Радищевъ говоритъ: «Сей (господинъ) можетъ его продать оптомъ или подробно (въ розницу); не шуткою сіе сказано: ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и можетъ быть а жена отъ мужа продается». Указывая признаки, которые приравниваютъ земледѣльца къ рабу, Радищевъ въ заключеніе говоритъ, что права господина на крестьянина ограничиваются единственно тѣмъ, что «не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей и отъ наказанія за преступленія, — заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо».

Эти замѣчанія показываютъ, что Радищевъ, несмотря на всѣ испытанія, не отрекся отъ своихъ убѣжденій. Не оставилъ онъ и прежняго интереса къ политической литературѣ; черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Нѣмцово онъ спѣшитъ выписать славившееся въ то время, обширное сочиненіе Гаетано Филанджіери, «Наука законодательства», въ семи томахъ, вышедшихъ въ 1780—1788 годахъ (La scienza della legislatione). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подписывается на «Гамбургскую Газету» и покупаетъ «Элементы химіи» (Fourcroy).

Въ годы невольной жизни въ деревнѣ Радищевъ удѣлялъ много времени поэтическимъ опытамъ. Онъ написалъ большую «богатырскую повѣсть» въ стихахъ, «Бова», не успѣвъ закончить только ея послѣдней, 12-й пѣсни. Въ собраніи его сочиненій напечатаны вступленіе и первая пѣснь этой поэмы; остальныхъ ея частей въ бумагахъ его не сохранилось. Въ поэтическомъ отно-

шеніи повѣсть эта представляется весьма слабой; она была нѣсколько архаична по стилю даже для своего времени. Она любопытна только, какъ одна изъ первыхъ попытокъ усвоенія элемента народности. Радищевъ беретъ за образецъ поэму Вольтера объ Орлеанской дѣвственницѣ, Іоаннѣ д'Аркъ (La Pucelle), но въ иностранную форму хочетъ вложить русское народное содержаніе, выбирая героемъ Бову народной повѣсти.

О Вольтеръ, о мужъ преславной!
Если-бъ можно Бовѣ было
Быть похожу, и кое какъ,
На Жанету, дѣвку храбру,
Что воспѣлъ ты, — хоть мизинца
Ея стоить, — если-бъ можно,
Чтобъ сказали: Бова только
Тоща тѣнь ея, — довольно,
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянной
Вогнѣздился-бъ въ Пантеонѣ.

Недостатки стиха только отчасти могутъ быть объяснены тѣмъ, что поэма не была вполнѣ закончена и отдѣлана. Что касается элемента народности, то Радищевъ въ усвоеніи его не возвысился надъ уровнемъ своего времени. У него встрѣчаются строфы въ ложнонародномъ, сентиментальномъ духѣ («Что возможетъ, ахъ, сравниться съ лютой горестью моею»), упоминаются славянскія божества съ именами, сочиненными однимъ изъ миѳологовъ XVIII вѣка (Позвиздъ, Чернобогъ, Зничъ, Зимгерла), наконецъ, народный элементъ является въ постоянномъ смѣшеніи съ классическимъ: рядомъ съ гуслями, — арфа и лира, гусли называются то звончатыми, то златострунными, старая

вѣдьма, изъ тѣхъ, «которыя ѣздятъ къ чертямъ съ визитомъ на ухватѣ» — говоритъ о классическомъ «священномъ образѣ Фала» *).

Полную свободу Радищевъ получилъ только въ царствованіе Александра I, когда черезъ три дня послѣ его вступленія на престолъ, 15 марта 1801 года, велѣно было «освободить немедленно изъ постоянныхъ мѣстъ пребыванія» всѣхъ заключенныхъ и сосланныхъ по дѣламъ тайной экспедиціи (всего 156 человѣкъ). Радищевъ не только былъ освобожденъ, но и принятъ на государственную службу; указомъ 6 августа 1801 года онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи сочиненія законовъ, съ жалованіемъ въ 1.500 рублей; затѣмъ ему возвращенъ былъ орденъ Владиміра 4 степени (указъ 29 сентября 1801 года). Тотчасъ по вступленіи въ должность члена комиссіи, Радищевъ поѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи, графомъ Завадовскимъ, который отправился туда по случаю коронаціи. Въ Петербургъ Радищевъ вернулся въ концѣ декабря того же 1801 года. Онъ усердно работалъ въ комиссіи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и присутствовалъ на засѣданіи 2 сентября 1802 года, за девять дней до своей смерти.

---

*) Кромѣ начала поэмы «Бова», сохранилось также начало другой поэмы, съ эпиграфомъ изъ Пѣсни слова о полку Игоревѣ, а именно первая Пѣснь, пѣтая на состязаніяхъ въ честь древнихъ славянскихъ божествъ (пѣснь Всегласа).

Не знаемъ, въ это же время или раньше (около 1773 года) написана была «Пѣснь историческая» — обозрѣніе древней греческой и римской исторіи. Отмѣтимъ въ этой пѣснѣ слѣдующіе стихи: «Такъ вѣщаетъ мужъ безсмертной Монтескье, что нѣтъ тиранства злѣй, лютѣй, когда хождаетъ подъ благой законовъ сѣнью и прикрытое шарами правосудья».

О службѣ Радищева въ комиссіи и о смерти его Пушкинъ записалъ слѣдующій разсказъ: Александръ I «опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли, касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по-прежнему! Или мало было тебѣ Сибири»? Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ по себѣ давно напророчилъ»!

Разсказъ этотъ, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя она и отразилась въ немъ не совсѣмъ точно, въ слишкомъ выпукломъ образѣ. Радищевъ, несомнѣнно, несмотря на свое притворное раскаяніе предъ Екатериной, сохранилъ свои убѣжденія, и имѣлъ смѣлость открыто заявлять ихъ въ комиссіи составленія законовъ. Сослуживецъ его по комиссіи, наивный Ильинскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Радищевъ «былъ мыслей вольныхъ и на все взиралъ съ критикою». «Когда мы разсматривали сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами, онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основанное единственно на свобо-

домысліи».—«При *каждомъ* заключеніи»—это небольшое преувеличеніе разсказчика. Но подлинныя дѣла комиссіи законовъ подтверждаютъ въ существѣ дѣла разсказы Ильинскаго и Пушкина.

Записокъ Радищева, относительно «гражданскихъ постановленій», какъ пишетъ Пушкинъ, или его «проекта гражданскаго уложенія», какъ пишетъ младшій сынъ Радищева, въ бумагахъ комиссіи не нашлось. Но въ этихъ бумагахъ сохранились мнѣнія Радищева по нѣкоторымъ частнымъ дѣламъ, которыя передавались сенатомъ на разсмотрѣніе комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли быть рѣшены на точномъ основаніи законовъ. Въ числѣ такихъ дѣлъ, называвшихся «казусными», въ комиссію передано было изъ сената, лежавшее въ немъ безъ движенія 15 лѣтъ за отсутствіемъ подходящаго закона, дѣло о вознагражденіи помѣщика Трухачева за крѣпостную крестьянку, неумышленно убитую крестьяниномъ другого помѣщика. Комиссія, примѣняясь къ законамъ, назначила цѣну за убитую крестьянку — 100 р.; но Радищевъ остался при особомъ мнѣніи и приложилъ къ протоколу замѣчательную обширную записку: «О цѣнахъ за людей убіенныхъ». Онъ доказывалъ, что «цѣны человѣку убитому, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно» и, близко слѣдуя мыслямъ своего «Путешествія», писалъ: «Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло, и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая вскормила своего господина своими сосцами и стала вторая его мать. Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ

помѣщикомъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами*» (ср. Путешествіе», стр. 341—344). Во вступленіи къ своей запискѣ онъ, затрагивая болѣе общую тему, говоритъ: «Исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даютъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ».

Въ этой запискѣ мы узнаемъ вполнѣ автора «Путешествія», сохранившаго «молодость сѣдинъ». Она и могла дать поводъ графу Завадовскому для дружескаго упрека Радищеву въ свободомысліи.

Судя по воспоминаніямъ сыновей Радищева, самоубійство его было вызвано не упреками или угрозами Завадовскаго, а его болѣзненнымъ состояніемъ и все увеличивавшеюся слабостью. Онъ дѣлался все болѣе задумчивымъ и, наконецъ, выпилъ стаканъ крѣпкой водки; въ мученіяхъ отъ отравы пытался зарѣзаться бритвою; потребовалъ священника, который его исповѣдовалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, отвѣтъ умирающаго былъ продолжительный, несвязный.

Радищевъ умеръ въ ночь на 12 сентября 1802 года и на слѣдующій день погребенъ былъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

IX. Цензурныя гоненія.

Цензура съ инквизиціею принадлежатъ къ одному корню.

Путешествіе.

Въ первые либеральные годы царствованія Александра I литературное имя Радищева пользовалось правами гражданства. Послѣ смерти Радищева, въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ почтили память его краснорѣчивою рѣчью. Ораторъ говорилъ, что «пламенное его человѣколюбіе жаждало озарить всѣхъ своихъ собратій, жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ». Въ сборникѣ: «Свитокъ музъ» за 1803 годъ напечатано было стихотвореніе И. М. Борна «На смерть Радищева».

Затѣмъ въ 1809—1811 годахъ сыновья его издали собраніе его сочиненій, кромѣ «Путешествія» и нѣкоторыхъ другихъ. Изданіе вышло подъ названіемъ «Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева». Москва. Въ типографіи Платона Бекетова. Иждивеніемъ издателей. Часть I, 1806; часть II и III, 1809, ч. IV, V, VI, 1811 года. Къ первой части приложенъ портретъ Радищева въ хорошей гравюрѣ Вендрамини. Значительная часть этого изданія сгорѣла въ 1812 году во время нашествія Наполеона. Здѣсь помѣщены:

Поэмы и стихотворенія: Бова, повѣсть богатырская, стихами. Вступленіе и первая пѣснь.—Пѣснь историческая. Съ эпиграфомъ: Не красна изба углами, но красна пирогами. — Пѣсни, пѣтыя на состязаніяхъ въ честь древнимъ славянскимъ божествамъ. Эпиграфъ

изъ пѣсни на походъ Игоря на половцовъ. — Мелкія стихотворенія, числомъ 9 (часть I).

О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи. Друзьямъ моимъ. Le temps présent est gros de l'avenir. Leibnitz. Начато 1792 года, генваря 15. Илимскъ. Въ 4-хъ книгахъ. (Части II и III).

Отрывки: Ангелъ тьмы. Отрывокъ изъ поэмы Ермакъ (прозою). Дневникъ одной недѣли.

Разсужденіе о Телемахидѣ Тредьяковскаго, подъ шутливымъ названіемъ: «Памятникъ дактилохореическому витязю, или драматико-повѣствовательныя бесѣды юноши съ пѣстуномъ его, описанныя составомъ нестихословныя рѣчи отрывками, изъ ироическія пиимы славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа NN, поборникомъ его знаменитаго творенія».

Описаніе моего владѣнія. (Вотъ описаніе моего владѣнія, помѣстья, вотчины, деревни, или назови, какъ хочешь). (Часть IV).

Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Посвящено Алексѣю Михайловичу Кутузову. (Часть V).—(Впервые издано Радищевымъ отдѣльно въ 1789 году. — Въ 1869 году перепечатано въ сборникѣ XVIII вѣкъ П. Бартенева).

Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири. Отрывокъ.—*Письмо о китайскомъ торгѣ* 1792 г. (Часть VI).

Въ это собраніе сочиненій, кромѣ «Путешествія», не вошли:

Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ, По долгу званія своего. Съ дозволенія Управы Благочинія. Въ Санктпетербургѣ 1790. Санктпетербургъ, 8 августа 1782 года. 14 страницъ (Объ открытіи мо-

нумента Петру Первому). Перепечатано въ «Русской Старинѣ», за 1871 годъ.

Повѣсть о Филаретѣ Милостивомъ. Написана въ крѣпости въ 1790 году. Впервые напечатана М. Сухомлиновымъ въ 1883 году, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. XXXII, № 6 (статья: А. Н. Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву).

Дневникъ, веденный на пути въ Сибирь и обратно. Не изданъ. Рукопись хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

Во второй половинѣ царствованія Александра I-го, имя Радищева вновь подвергается цензурному гоненію. Этимъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснить, что о немъ ничего не говоритъ ни Гречъ въ Опытѣ исторіи русской литературы, (1822), ни, въ особенности, Бестужевъ-Марлинскій въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» (Полярная звѣзда на 1823 годъ, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ). Пушкинъ, вѣроятно, не считался съ цензурными условіями, когда упрекалъ Бестужева въ томъ, что онъ забылъ Радищева. О перемѣнѣ въ отношеніи цензуры къ Радищеву въ это время свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Вскорѣ послѣ его смерти, въ 1805 году одна глава изъ его «Путешествія» (Клинъ) была безпрепятственно перепечатана въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ». Когда же, съ 1816 году Сопиковъ въ «Опытѣ библіографіи» напечаталъ посвященіе къ «Путешествію», то книга была остановлена цензурою и листокъ съ этимъ посвященіемъ вырѣзанъ.

Пушкинъ въ 1836 году сдѣлалъ попытку снять цензурное veto съ имени Радищева, но это ему не

удалось. Онъ приготовилъ статью «Александръ Радищевъ» для Современника; цензура представила ее министру, и министръ, графъ С. С. Уваровъ, написалъ на докладѣ слѣдующую, классическую въ своемъ родѣ резолюцію: «Статья сама по себѣ недурна и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ, нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія».

Пушкинъ высоко уважалъ Радищева, какъ борца за свободу, и очень цѣнилъ его, какъ писателя. Въ первоначальной редакціи «Памятника» онъ говорилъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу.
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ *).

Въ статьѣ о Радищевѣ Пушкинъ говорилъ о немъ такъ: «Человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры дерзаетъ вооружиться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины!.. Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соучастниковъ. Въ случаѣ неуспѣха, — а какого успѣха можетъ онъ ожидать?—онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ... Но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ не-

*) Третій стихъ былъ замѣненъ слѣдующимъ: «Что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу» (26 августа 1836 г.). По цензурнымъ соображеніямъ стихотвореніе это до 1880 года печаталось съ слѣдующимъ стихомъ Жуковскаго: „Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ».

обыкновеннымъ; политическаго фанатика... дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». Мы опустили слова явно прибавленныя Пушкинымъ по цензурнымъ соображеніямъ. Статья Пушкина вся представляетъ собою пеструю смѣсь замѣчаній искреннихъ, и оговорокъ и разсужденій лицемѣрныхъ. Помня о той страшной славѣ, какою пользовалась въ то время, время крѣпостного рабства, книга Радищева, рѣзко вооружившаяся противъ этого рабства, Пушкинъ постарался скрыть свои мысли въ туманѣ благонамѣренныхъ нападокъ на Радищева. Но этотъ туманъ до сихъ поръ производитъ непріятное впечатлѣніе, мѣшая разглядѣть истинныя мнѣнія Пушкина. Герценъ вѣрно замѣтилъ, что Пушкинъ «перехитрилъ» свою статью по цензурнымъ соображеніямъ. Онъ хотѣлъ не столько указать истинное значеніе Радищева, сколько, такъ или иначе, снять запретъ съ его имени, вновь обратить общее вниманіе на его книгу. И онъ едва не достигъ своей цѣли, потому что Уваровъ нашелъ статью «недурной» *).

Статья Пушкина была напечатана только въ 1857 г., спустя 21 годъ послѣ того, какъ она была написана. Ее разрѣшили не безъ затрудненій, благодаря отзывамъ двухъ цензоровъ-писателей, И. А. Гончарова и Н. Щербины; она появилась впервые въ VII дополнительномъ томѣ сочиненій Пушкина, изданныхъ Анненковымъ. Въ это время, наканунѣ освобожденія крестьянъ, она

*) Нѣсколько раньше Пушкинъ написалъ и другую статью: „Мысли на дорогѣ“ (1834 г.), въ которой слѣдовалъ внѣшней формѣ „Путешествія“, приводилъ изъ него рядъ цитатъ и критиковалъ его, опять съ тою же утрированною благонамѣренностью.

произвела какъ разъ то дѣйствіе, какое имѣлъ въ виду Пушкинъ. Статья сняла запретъ съ имени Радищева и возбудила къ нему интересъ: въ журналахъ начали появляться статьи и замѣтки о его жизни и сочиненіяхъ. Въ слѣдующемъ же году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатаны были воспоминанія о Радищевѣ его сына Павла (1858 г., № 23). Тогда же, въ 1858 г. «Путешествіе» было напечатано въ Лондонѣ. Это изданіе было сдѣлано съ дурного списка; слогъ автора былъ сильно подновленъ и многія мѣста искажены до извращенія смысла. Позднѣе, въ 1876 году это изданіе было дословно перепечатано въ Лейпцигѣ (Международная библіотека, т. XVII).

Освобожденіе крестьянъ уничтожило всякое основаніе для преслѣдованія «Путешествія» Радищева. Вслѣдствіе ходатайства сына его, Высочайшимъ указомъ 22 марта 1868 года сенату велѣно было: «Запрещеніе, наложенное вслѣдствіе Высочайшаго указа отъ 4 сентября 1790 года на сочиненіе Радищева, подъ заглавіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», отмѣнить съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати».

Воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, купецъ Шигинъ поспѣшилъ выпустить въ томъ же 1868 году изданіе: «Радищевъ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». «Путешествіе» напечатано здѣсь съ испорченнаго списка, въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ. Издатель объявилъ, что книга выпущена безъ предварительной цензуры, но, по замѣчанію одного рецензента, никакая цензура такъ не обезобразила бы «Путешествія», какъ это сдѣлалъ благонамѣренный издатель.

Въ 1872 году напечатаны были въ двухъ томахъ «Сочиненія Александра Николаевича Радищева», подъ редакціею П. А. Ефремова, но изданіе это было сожжено цензурою. Въ 1888 году А. С. Суворинъ издалъ «Путешествіе, въ 100 экземплярахъ, перепечатавъ его съ подлинника, со всѣми особенностями правописанія. Въ 1901 году А. Е. Бурцевъ издалъ полный текстъ «Путешествія», но довольно неисправно, въ V томѣ своего «Библіографическаго описанія рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ». Въ 1903 году «Путешествіе» было отпечатано П. А. Картавовымъ, но было задержано и уничтожено цензурой.

Памятникомъ, достойнымъ Радищева, является художественно-промышленный музей его имени, устроенный въ Саратовѣ въ 1885 году его внукомъ, художникомъ А. П. Боголюбовымъ.

Н. П. Сильванскій.

Рукопись «Путешествія».

Заботы Радищева о рукописи передъ арестомъ. — „Лживый поступокъ“ Радищева. — Показаніе Радищева о сдѣланныхъ имъ измѣненіяхъ.—Обзоръ рукописи. — Отдѣлы и главы, вставленные Радищевымъ послѣ цензуры. — Первоначальный конецъ „Путешествія“: разсказъ о самоубійцѣ.—Характеръ мелкихъ поправокъ и измѣненій.

Когда по нѣкоторымъ зловѣщимъ признакамъ Радищевъ понялъ, что изданіе книги грозитъ ему крупной бѣдой, онъ сильно взволновался. «Когда, — показывалъ впослѣдствіи Радищевъ передъ Шешковскимъ, — купецъ Зотовъ (книгопродавецъ) былъ посаженъ подъ стражу, и Мейснеръ (носившій «Путешествіе» на цензуру въ управу благочинія) былъ спрашиванъ, кто сочинитель книги, и хотя и тотъ и другой того не сказали, но я, ожидая, что и я о томъ же допрошенъ буду, и желая имѣть какое-либо оправданіе, собралъ разметанные листы цензированной тетради и пребывалъ въ ожиданіи, что меня спросятъ. Но, чувствуя мой великій проступокъ въ изданіи сей книги, я всю ее велѣлъ собрать и всѣ принадлежащія къ ней маклатуры, поправки, черные листы сжечь велѣлъ, наконецъ, велѣлъ то же сдѣлать и со всѣми экземплярами, что думалъ исполнено, а если которые и остались бы, того не вѣдаю».

Рукопись «Путешествія», бывшая на цензурѣ въ управѣ благочинія и состоявшая изъ разметанныхъ листовъ, при арестѣ была собрана и отдана полицейскимъ властямъ въ запечатанномъ пакетѣ. Она находилась при дѣлѣ во время предварительнаго слѣдствія, веденнаго Шешковскимъ, и въ настоящее время хранится въ государственномъ архивѣ при дѣлѣ о книгопродавцѣ Зотовѣ и Радищевѣ, содержащемъ производство Шешковскаго (госуд. арх., отд. VII, № 2.760).

Рукопись была вещественнымъ доказательствомъ и могла бы служить важной уликой противъ Радищева, но ни слѣдствіе, ни судьи уголовной палаты, куда, впрочемъ, врядъ ли была передана рукопись, не воспользовались ею.

Высочайшій указъ отъ 4-го сентября, подводившій итоги всему дѣлу, ставилъ въ вину Радищеву преступленіе противъ присяги или, вѣрнѣе, призывъ къ возмущенію и «лживый поступокъ», состоявшій въ томъ, что Радищевъ сдѣлалъ добавленія и измѣненія въ своей книгѣ послѣ цензуры ея въ управѣ благочинія. Екатерина придавала особенное значеніе этому «поступку» Радищева. Въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу императрица писала: «О строкѣ *съ дозволенія управы благочинія* скажу, что прибавить къ книгѣ послѣ подписи подписавшаго есть лживый поступокъ». Въ указѣ о преданіи суду отъ 13 іюля императрица упоминаетъ о сдѣланномъ Радищевымъ признаніи въ томъ, что «послѣ цензуры управы благочинія взнесъ онъ многіе листы въ книгу». Казалось бы, что и слѣдователь Шешковскій, и совѣтники петербургской палаты уголовнаго суда должны были бы внимательно мотивировать этотъ пунктъ обвиненія, выяснить, какъ велики

и значительны допущенныя Радищевымъ дополненія и измѣненія книги послѣ цензуры. Но, насколько можно судить по сохранившемуся производству Шешковскаго и палаты судьи ограничились только признаніями Радищева, какъ бы совершенно забывъ о томъ, что находящаяся при дѣлѣ рукопись могла бы точно выяснить размѣры «поступка».

Самъ Радищевъ сдѣлалъ слѣдующія признанія по этому вопросу. Третій вопросный пунктъ, предложенный Радищеву Шешковскимъ, касался этого «поступка». «При печатаніи книги не прибавили ли еще чего, и буде прибавили, или же и исключили что, то объяснить, что прибавили и что убавили»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ: «Послѣ цензуры перемѣнялъ только реченіи, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однако-жъ важности не заключалось». Въ первомъ своемъ показаніи Радищевъ, какъ кажется, желалъ затушевать свой поступокъ и объявлялъ измѣненія весьма незначительными. Впослѣдствіи Радищевъ въ своемъ пространномъ признаніи далъ болѣе точныя указанія. «Въ «Путешествіи», при самомъ печатаніи, я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалося, что не хорошее, а прибавленія къ оной не велики, какъ я о томъ объявилъ, въ чемъ можно удостовѣриться, если въ отданномъ запечатанномъ пакетѣ всѣ письменные листы находятся. Но, по несчастію моему, думаю, многіе изъ нихъ утрачены. Сколько изъ головы вспомнить могу,— прибавлены въ статьяхъ: *Спасская Полисть*—въ разсказѣ присяжнаго, въ статьѣ *Подберезье*, въ семинаристской тетрадкѣ, которой, если не ошибаюсь, въ цензурѣ не было. Въ статьѣ *Торжокъ* только прибавлено окончаніе о цензурѣ и новыя о ней учрежденія; въ

статьѣ *Черная Грязь* я конецъ не помѣстилъ, ибо показался мнѣ дуренъ, а на мѣсто того Слово о Ломоносовѣ, равнымъ образомъ за цензурою». Но Радищевъ далъ и болѣе подробныя показанія:—«напечатанныя безъ цензуры, если хорошо припомнить могу, суть слѣдующія мѣста:

Отъ стр. 42 до 48 (26 — 29 стр. нашего изданія) въ разговорѣ присяжнаго во многихъ мѣстахъ.

Отъ стр. 86 до 98 (50 — 56), кажется, также я много прибавлялъ, но точно утвердить не могу.

Отъ стр. 105 до 112 (60—64) все прибавлено, если не ошибаюсь.

Отъ стр. 148 до 153 (84 — 87) также прибавлено.

Въ повѣствованіи о цензурѣ значительно прибавлено о новѣйшихъ о ней положеніяхъ, но точно что не упомню.

Перемѣненъ конецъ стр. 418 и стр. 419 (135) почти вся».

Для того, чтобы выяснить дѣйствительные размѣры измѣненій, сдѣланныхъ Радищевымъ послѣ цензуры, необходимо обратиться къ рукописи.

Изученіе рукописи можетъ дать отвѣтъ на два вопроса: 1) повиненъ ли былъ Радищевъ въ дерзкомъ поступкѣ и 2) каковъ былъ первоначальный составъ «Путешествія».

Изъ показаній Радищева, извѣстно, что рукопись «Путешествія», представленная досмотрщикомъ Мейснеромъ на цензуру управы благочинія, была переписана съ черновиковъ Радищева таможеннымъ надзирателемъ Царевскимъ. Надо думать, еще до представленія рукописи въ цензуру Радищевъ просмотрѣлъ, исправилъ ошибки и заполнилъ пропуски, сдѣланные

переписчикомъ. Быть можетъ, часть мелкихъ поправокъ была сдѣлана и послѣ цензуры, при сдачѣ въ наборъ.

О числѣ листовъ можно заключить по помѣтамъ, сдѣланнымъ на первой и послѣдней страницахъ рукописи. На первомъ (1) листѣ читаемъ «съ позволенія управы благочинія», а на послѣднемъ (229 об.) «печатать позволяется. 22 іюня 1789 года. Никита Рылѣевъ».

Рукопись «Путешествія», сохраняющаяся въ дѣлѣ государственнаго архива о книгопродавцѣ Зотовѣ и Радищевѣ, состоитъ изъ 214 отдѣльныхъ не сшитыхъ листовъ писчей бумаги по 2 страницы каждый. Текстъ написанъ на одной половинѣ страницы, другая оставлена чистой. На ней встрѣчаются нѣкоторыя исправленія и замѣтки автора. Рукопись написана различными почерками на листахъ различнаго достоинства съ различными водяными знаками. Провѣрка разложенныхъ при помощи книги «Путешествія» въ систематическомъ порядкѣ листовъ обнаружила, что въ рукописи не хватаетъ очень многихъ листовъ и что основная часть рукописи написана однимъ почеркомъ и имѣетъ свою нумерацію. Въ ней заключалось 229 листовъ. Эта именно часть и была представлена въ цензуру, потому что и первый листъ и послѣдній листъ имѣютъ подлинныя цензурныя помѣты, а трудно допустить, чтобы при представленіи рукописи въ цензуру она не была перенумерована.

Итакъ, въ той рукописи, которую Радищевъ получилъ изъ управы благочинія, было 229 листовъ, но текстъ ея—далеко не тожественный печатному тексту книги. Имъ были вставлены цѣлыя главы и отдѣлы; рукописи этихъ главъ и отдѣловъ тоже сохранились,

но не вполнѣ. Даже поверхностный взглядъ сразу выдѣляетъ въ общей массѣ листовъ эти вставки, написанныя и иной рукой, и на бумагѣ и другого достоинства и формата. До присоединенія къ главной части рукописи эти тетради имѣли, очевидно, свою нумерацію. Можно думать, что Радищевъ, получивъ извѣстія о грозившей ему опасности и предвидя, что его будутъ обвинять въ измѣненіяхъ текста рукописи, сдѣлалъ опытъ приспособленія вставленныхъ имъ послѣ цензуры тетрадей къ разрѣшенной рукописи. Слѣды такого приспособленія носитъ на себѣ нумерація рукописи. Изъ болѣе подробнаго описанія рукописи мы съ достовѣрностью убѣдимся въ этомъ.

Первый листъ рукописи, имѣющій надпись «съ позволенія управы благочинія», открывается главой «Выѣздъ». Такимъ образомъ посвященіе книги А. М. К. (стр. 1 — 2) добавлено уже послѣ цензуры. 2 и 3 листы не сохранились; на второмъ начиналась, очевидно, глава Софія. На оборотѣ четвертаго начинается «Тосна». Листъ 5 не сохранился; на 7 об. идетъ «Любань»; 10 и 11 не сохранились, а здѣсь начинается «Систербецкая повѣсть», входящая въ составъ главы «Чудово». Листъ 20, на которомъ находилось обратившее вниманіе Екатерины примѣчаніе, «полное жестокости» объ англичанахъ въ Калькутѣ, не сохранился. Если обратить вниманіе на количество текста, умѣшающееся на 2 страницахъ рукописи, то увидимъ, что текстъ книги, соотвѣтствующій утраченному 20-му листу, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ больше 2-хъ страницъ или листа рукописи. Очевидно, и къ 20 листу, разрѣшенному цензурой, Радищевъ сдѣлалъ большое добавленіе, состоявшее — можно догадывать-

ся—въ примѣчаніи. На 21 листѣ рукописи закончена Систербецкая повѣсть, а вмѣстѣ съ нею и глава «Чудово». Въ печати идетъ глава «Спасская Полѣсть», заключающая въ себѣ три повѣсти: разсказъ присяжнаго о намѣстникѣ, любившемъ устрицы; разсказъ проѣзжаго о причиненной ему судомъ несправедливости, и разсказъ о сновидѣніи, въ которомъ авторъ представляетъ себя правителемъ.

Первая повѣсть -о намѣстникѣ,—несомнѣнно, добавлена уже послѣ цензуры. Въ показаніяхъ Радищевъ признаетъ, что въ разсказѣ присяжнаго онъ кое-что добавилъ; на самомъ дѣлѣ, вся повѣсть добавлена. Въ рукописи находятся три листа 22, 23, 24, съ текстомъ этого отрывка; хотя по нумераціи этого отрывка эти листы представляютъ непосредственное продолженіе рукописи, но изъ внимательнаго разсмотрѣнія этихъ листовъ, написанныхъ другой рукой и на бумагѣ другого достоинства, оказывается, что они имѣли отдѣльную пагинацію; помѣта листа 22 передѣлана изъ помѣты 1, помѣта 23 изъ 2, помѣта 24 вырвана. Но главное—листъ 28, слѣдующій нынѣ въ рукописи за 24, былъ, какъ это видно изъ помѣтъ, первоначально 24. На этомъ листѣ находимъ продолженіе разсказа о судебной несправедливости. Начало его, очевидно, и находилось на утраченныхъ 22 и 23 листѣ цензурованной рукописи. На 22 листѣ, очевидно, начинается «Спасская Полѣсть». Съ окончательной достовѣрностью внесеніе повѣсти о намѣстникѣ, любившемъ устрицы, доказываютъ дальнѣйшія исправленія первоначальной нумераціи рукописи. Вотъ табличка, въ первомъ ряду которой находится первоначальная нумерація, во второмъ—позднѣйшая:

24	утрач.		26	27	{ безъ па-		}	29
28			29	30	{ гинаціи		}	32
30	31	32	33	утрач.		35		36
33	34	35	36					37
37	38	38	40	41	утрач.			41
38	39							

Листы 25, 34, 35 были утрачены уже до того времени, когда Радищеву пришлось передѣлывать нумерацію, а листъ 35, сохранившій одну старую пагинацію, очевидно, нашелся уже послѣ второй перемѣтки. Перемѣтка не была доведена до конца и закончилась на 38 листѣ. Онъ былъ помѣченъ 39, а 39 и слѣдующіе сохранили только одну помѣтку. Такимъ образомъ получились два 39 листа.

Итакъ, первоначально въ рукописи разсказа о намѣстникѣ не было. Глава, которая нынѣ носитъ, да быть можетъ, и въ рукописи носила названіе «Спасская Полѣсть», начиналась прямо съ разсказа о судебной несправедливости. Третій же разсказъ, (о сновидѣніи), входящій въ составъ четвертой главы, въ рукописи составляетъ главу «Подберезье». Глава печатнаго экземпляра, носящая заглавіе «Подберезье», ничего общаго по содержанію не имѣетъ съ «Подберезьемъ» рукописи и, какъ увидимъ ниже, вставлена послѣ цензуры.

На 43 листѣ рукописи заканчивается повѣсть о сновидѣніи или, иначе, глава «Подберезье» рукописи или глава «Спасская Полѣсть» книги. На оборотѣ 44 листа начинается «Новгородъ». Въ изданіи между «Спасской Полѣстью» и «Новгородомъ» вставлена цѣлая глава «Подберезье». Содержаніе ея—разсказъ о встрѣ-

чѣ съ семинаристомъ и изложеніе потерянной семинаристомъ тетради. Въ показаніи Радищевъ сознавался: — прибавленія сдѣланы въ статьѣ «Подберезье», въ семинаристской тетрадкѣ, которой, если онъ не ошибается, вовсе въ цензурѣ не было. Дѣйствительно, въ рукописи мы находимъ четыре листа, относящіеся къ этой главѣ и по формату и по почерку совершенно не похожіе на предыдущіе, образующіе основную часть «Путешествія». Ихъ помѣтка тоже носитъ слѣды передѣлки, причемъ одинъ изъ листовъ не подвергся перемѣткѣ и сохранилъ старую нумерацію:

44 (4), 45 (5), 6, 48.

Очевидно, вся эта глава представляла отдѣльное произведеніе и была внесена авторомъ послѣ цензуры.

Глава «Новгородъ» начинается на оборотѣ 43 листа; слѣдующій листъ рукописи, непосредственно примыкающій къ основной рукописи, носитъ помѣтку 56, явно передѣланную изъ 46. На этомъ листѣ начинаются размышленія о божествѣ, которыя мы находимъ въ печатномъ экземплярѣ въ текстѣ главы «Бронницы». Такимъ образомъ, отъ главы «Новгородъ» мы имѣемъ въ рукописи только начало. Радищевъ показалъ, что страницы 105—112 (60—64 нашего изданія), содержащія разсказъ о посѣщеніи Карла Дементьевича, имъ прибавлены послѣ цензуры. Въ рукописи находятся обрывки и этого разсказа: листы съ помѣтой 33, 34, 35, иного формата и иного почерка, чѣмъ основная рукопись. Обращая вниманіе на то, что въ основной рукописи на оборотѣ 43 листа начинается глава «Новгородъ», а на

46 листѣ идетъ текстъ, входящій въ составъ главы «Бронницы», можно придти къ заключенію, что или первоначально глава «Новгородъ» была очень коротка, или же текстъ «Новгорода» и «Бронницы» находился въ одной главѣ.

Вслѣдъ за листомъ 56 или 46 старой нумераціи, сохранившейся въ неприкосновенномъ видѣ на 50 листѣ, идутъ большіе пропуски въ основной части рукописи. Недостаетъ листовъ 47—49, 51, 52. На 63 листѣ заканчивается глава «Зайцево» (листа рукописи съ этимъ заглавіемъ, сохранившимся въ книгѣ, не сохранилось) и начинается «Крестцы». Въ рукописи глава заканчивается разсказомъ крестьянина «Сказавъ сіе, мы разсталися, и поѣхали всякъ въ свою сторону» (стр. 84 нашего изданія). Въ книгѣ находимъ еще одинъ эпизодъ—встрѣча съ знакомымъ и письмо о свадьбѣ Дурындиныхъ... Какъ разъ страницы, содержащія этотъ разсказъ (148—153 1 изд. или 84—87 нашего изданія), Радищевъ призналъ вставленными послѣ цензуры. Отъ этой вставки сохранилось два листа: одинъ съ помѣтой 67, другой безъ помѣты

Листъ 64 основной рукописи не сохранился. Въ повѣсти Крестицкаго дворянина пропущено мало. Но послѣ 69 листа нумерація вдругъ идетъ съ 90 листа и такъ далѣе, хотя листъ 90 составляетъ и по содержанію, и по почерку и бумагѣ непосредственное продолженіе 69 листа. Изъ слѣдующихъ листовъ не сохранились листы 95, 96, 106, 107. На 107 должно было бы находиться начало главы, названной въ первомъ изданіи «Яжелбицы». На 111 начинается «Валдай». Листъ 112 утраченъ. На об. 115 начинается «Едрово». Листы 116, 124, 126, 127 утрачены. На об-

131 листа кончается «Едрово» словами: «и сыны сыновъ монхъ наслѣдятъ въ нихъ» (стр. 131 нашего изданія). Въ печатномъ изданіи находимъ еще два абзаца (стр. 131 и 132), находящихся въ рукописи на отдѣльномъ листѣ безъ помѣты, но съ выноской, относящейся къ основному тексту. Этотъ отрывокъ, очевидно, вставленъ безъ цензуры.

«Хотиловъ» начинается на об. 131 листа. Главы «Хотиловъ, Вышній Волочекъ, Выдропускъ, Торжокъ» занимаютъ 132—176 листы рукописи. Утрачены листы 141, 150, 152, 153, 158, 159, 166, 174. Вслѣдъ за «Торжкомъ» идетъ «Краткое повѣствованіе о цензурѣ». Въ одномъ показаніи Радищевъ признаетъ, что въ статьѣ Торжокъ только прибавлено окончаніе о цензурѣ и новыя о ней учрежденія; въ другомъ показаніи Радищевъ говоритъ: «въ повѣствованіи о цензурѣ зналъ, что прибавлено, о новѣйшихъ о ней положеніяхъ, но точно что, не упомню». На самомъ дѣлѣ все «повѣствованіе» о происхожденіи цензуры (стр. 171—189) добавлено цѣликомъ послѣ цензуры. Объ этомъ можно съ достовѣрностью заключить изъ внѣшняго вида рукописи повѣствованія. Она, несомнѣнно, представляетъ вставку и прежняя пагинація замѣнена новой. Въ первомъ ряду предлагаемой таблицы указана новая пагинація, во второмъ—старая.

177	178	179	180	181	181	182	183
1	3	4	5	6	8	10	11

184	185	186	187	188	189	190
12	14	15	16	17	19	20

Въ тетради о цензурѣ утеряны листы 2, 7, 9, 13 18, 21 и слѣд.

Такимъ образомъ въ рукописи за Торжкомъ непосредственно слѣдовало «Мѣдное». Начало «Мѣднаго» утрачено; въ рукописи идетъ 178 листъ, а Торжокъ заканчивается 176 листомъ. Листъ, соотвѣтствующій началу «Мѣднаго» — 177 — утраченъ. Въ дальнѣйшемъ утраченъ 183 листъ. На 186 листѣ начинается ода «Вольность». Сохранились слѣдующіе листы со стихами, (стр. 198—207): 186, 189, 187, 188. Ода «Вольность» очевидно подверглась большимъ измѣненіямъ. Вслѣдъ за отрывками стиховъ находимъ 197 листъ, на которомъ идетъ продолженіе текста главы «Городни». Въ дальнѣйшемъ текстѣ рукописи находимъ существенныя отличія отъ текста книги въ началѣ главы «Завидово». Утрачены 209, 216, 215 листы. Но между 222 и 223, 224 и 225 имѣется по одному листу не помѣченному. На второмъ изъ нихъ начинается «Черная грязь». Въ показаніи Радищевъ говоритъ, что въ статьѣ «Черная Грязь» онъ конецъ не помѣстилъ, ибо показался ему дуренъ. Дѣйствительно, вслѣдъ за фразой «О горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ»... (въ рукописи—конецъ 234 страницы; въ книгѣ—конецъ 234 страницы), въ книгѣ мы читаемъ слѣдующій переходъ къ слову о Ломоносовѣ.

«Я тебѣ, читатель позабылъ сказать, что парнаской судья, съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чемъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешъ, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко, ка-

ково тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать то сложи книгу, и усни. Береги ее для безсонницы».

Дальше идетъ «слово о Ломоносовѣ». Въ рукописи, представленной въ цензуру, «слова о Ломоносовѣ» совсѣмъ не было, а «путешествіе» имѣло свой любопытный конецъ, текстъ котораго занималъ оборотную страницу 225 листа, 226, 227, 228 и 229. Къ величайшему сожалѣнію, листы 227 и 228 не сохранились и мы можемъ читать первоначально конецъ путешествія лишь въ слѣдующемъ видѣ.

Погруженный въ сихъ мысляхъ я выѣхавъ съ почтоваго стана приближался уже къ Москвѣ. Проѣхалъ уже Всесвятское и сравнялся съ краемъ прекрасной рощи по конецъ его стоящей. Вдругъ услышалъ выстрѣлъ, и послѣ того стенаніе болящаго человѣка. На мысль пришло мнѣ, что нѣкто можетъ быть неосторожностію какого нибудь стрѣлка раненъ. Трепещущь отъ сея мысли я выскочилъ изъ кибитки и поспѣшалъ на помощь страждущаго. Не совсѣмъ я ощибся въ моемъ заключеніи. При входѣ въ рощу я обрѣлъ человѣка изрядно одѣтаго сѣдящаго на земли; подлѣ него къ соснѣ привязана была осѣдланная лошадь. Въ правой рукѣ держалъ онъ пистолетъ, коимъ произведенъ былъ выстрѣлъ, и сквозь его кавтанъ на разорванномъ рукавѣ видны были капли крови. — Какой нещастной случай, допустилъ тебя уязвить самаго себя, говорилъ я сѣдящему въ задумчивости. Конечно неосторожно пущенной курокъ былъ тому причиною. Позволь я скину съ тебя кавтанъ, я потщусь если могу подать тебѣ облегченіе— Благодарю тебя за предлагаемую услугу. Но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что нещастный

случай причиною, что рука моя уязвленна, но зарядъ не ей былъ опредѣленъ, а сюда (указывая лобъ), признаюсь робость, и недовольное можетъ размышленіе о мужественности, виною что выстрѣлъ былъ неудаченъ. Въ пользу мнѣ онъ послужитъ, ибо я не робѣю. — Я хотѣлъ было воспользоваться болѣзнію его и спасти его отъ отчаянія, выхватилъ у него изъ руки пистолетъ.—Сей отдамъ тебѣ не прекословно.— Но не трудись тщетно о мнѣ. Вотъ другой, да и самъ отойди подалѣе, [устремляя на меня] если желаешъ мнѣ мѣшать. На что жизнь тому, кому она стала въ тягость? На что она коли нѣтъ въ ней болѣе пріятностей? Я родился въ изобиліи, возрощенъ въ нѣгѣ, не вѣдалъ нужды николи, былъ почитаемъ, отличенъ и въ уваженіи; касался, казалося, возкраія сосуда сладостей, любилъ и былъ любимъ. Но все сіе изчезло яко прахъ и сонъ. — Нищъ, презрѣнъ въ горячности моей, уготованъ на поруганіе, что остается дѣлать тому, кто лишенъ и надежды. Не шевелись, потрясъ онъ съ угрозою своимъ смертоноснымъ орудіемъ, ежели не хочешъ быть моимъ предтечею къ смерти.—Отчаенному сему движеніе мое при послѣднемъ его изреченіи, казалося, что я хочу его лишить послѣдняго его убѣжища.—Конечно злой духъ тебя напра

(Листы 227 и 228 утрачены).

И отъ того, что сердце его терзается мздою а не добрымъ именемъ. Къ нареканію общему ухо его привыкло; къ общему къ нему мерзенію присовокупится только мерзеніе судіи его. Но похитель казны не рѣдко бываетъ любимъ въ обществѣ всѣми, имѣя самъ къ себѣ не лестное почтеніе, казнится единою мыслію потерять общее уваженіе. Для сохраненія сего ты меня

здѣсь видишь. Вѣдаю, что Кесарь похитивъ казну общественную преступникомъ не почитается ни отъ кого; вѣдаю, что Филиппъ Орлеанскій вводя бумагу на пособіе денгамъ ограбилъ Францію, но не былъ наказанъ. Вѣдаю, что Султанъ Турецкій удавлялъ богачей, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ, и преступникомъ не почитается. Но что мнѣ въ примѣрахъ? Добро на семъ свѣтѣ не есть добро само по себѣ, но добро въ отношеніи. Мое блаженство теперь еще въ моихъ рукахъ; и дабы и ты не былъ жестокъ сохраняя еще мнѣ жизнь...

Съ проворствомъ несказаннымъ вложивъ пистолетъ въ ротъ, спустилъ взведенной курокъ, и приникъ къ землѣ не произнося ни малѣйшаго стона.

Я съ поспѣшностью удалился отъ сего полоумнаго. И въѣздъ мой въ Москву былъ скорбенъ.

Москва! Москва!..

Этотъ показавшійся Радищеву дурнымъ конецъ «Путешествія» представляетъ высокій интересъ для біографіи Радищева. Онъ еще разъ ярко характеризуетъ необыкновенное его тяготѣніе къ разрѣшенію вопроса о правѣ человѣка на свою жизнь. Извѣстно, какъ притягивало всегда мысли Радищева самоубійство. *).

«Слово о Ломоносовѣ», вставленное Радищевымъ въ книгу послѣ цензуры, сохранилось въ бумагахъ дѣ-

*) Вторая часть первоначальнаго конца «Путешествія» по мыслямъ и даже изложенію имѣетъ близкое отношеніе къ разсужденіямъ Радищева въ „Житіи Ушакова». Достаточно привести слѣдующую параллель: „Онъ (властитель) ищетъ токмо ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы. Не тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ татемъ когда похищалъ общественную казну".

ла. Нѣкоторые листы утрачены; всѣ остальные заключены какъ въ обложку, въ отдѣльный листъ зеленой бумаги. На первомъ листѣ обложки читаемъ заглавіе рукой переписчика.

Слово похвальное
Ломоносову
въ 1780 году.

Это заглавіе подверглось слѣдующей передѣлкѣ.

Слово похвальное
Ломоносову
начато въ 1780 году
окончено въ 1788 году
Съ позволенія управы благочинія.

Слова, набранныя курсивомъ, вписаны, очевидно, самимъ Радищевымъ и имъ же зачеркнуты вторая и третьи строки.

Послѣдній листъ «Слова» имѣетъ слѣдующую помѣту: «печатать позволено 25 сентября 1789 года. Никита Рылѣевъ».

Эти данныя позволяютъ установить время писанія «Слова». Начато оно было въ 1780 году и закончено въ 1788 году. Основная часть листовъ «Слова», дошедшихъ до насъ написана, какъ и обложка, на зеленоватой бумагѣ. Эти зеленоватые листы имѣютъ свою нумерацію, начиная съ 1. Имъ предшествуютъ два листа бѣлой бумаги, иного формата. На этихъ двухъ листахъ набросано вступленіе къ «Слову», составленное—надо думать—позже основного текста. На первомъ листѣ зеленой бумаги съ средины начинается біографія Ломоно-

сова. Утрачены листы 3, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16. Листъ 17 и слѣдующіе—уже бѣлой бумаги; быть можетъ тоже позднѣйшей вставки. Не хватаетъ листовъ 19 и 20. На оборотѣ 22 листа „Слово" заканчивается.

Кромѣ указанныхъ нами крупныхъ отступленій отъ текста цензурованной рукописи, мы можемъ отмѣтить еще огромное количество мелкихъ отступленій, состоящихъ въ исправленіи, исключеніи и добавленіи отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ фразъ. Всѣ эти измѣненія указаны нами въ добавленіяхъ къ тексту книги (стр. 259 283). Здѣсь мы остановимся только на характерѣ отступленій. Цѣлый рядъ поправокъ внесенъ Радищевымъ до внесенія рукописи на цензуру; исправленія, сдѣланныя въ рукописи, перешли и въ книгу.

Затѣмъ рядъ поправокъ и измѣненій сдѣланъ до сдачи рукописи въ наборъ. Любопытно, что большая часть этихъ поправокъ зачеркнута. Вотъ примѣры. Въ рукописи было яже; это слово зачеркнуто и надъ нимъ написано слово „которая", которое мы находимъ и въ книгѣ. Но слово которая тоже зачеркнуто. Такихъ примѣровъ можно бы привести десятки. Получается такое впечатлѣніе, будто Радищевъ старался уничтожить всѣ сдѣланныя имъ исправленія рукописи. Затѣмъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ поправокъ, сдѣланныхъ уже въ корректурѣ. Въ рукописи, напр., остается „Но сіе уповаю" а въ книгѣ—„Оно, уповаю" и т. д. Въ рукахъ слѣдователей были корректурные листы книги съ поправками и измѣненіями. Радищевъ призналъ ихъ собственноручными, но его для вящшаго подтвержденія попросили написать ихъ вторично на отдѣльномъ листѣ.

Въ поправкахъ отдѣльныхъ словъ необходимо от-

мѣтить стремленіе Радищева избѣжать архаизмовъ и церковнославянизмовъ. Такъ, онъ неоднократно исправляетъ *егда* на *если*, *оной* на *которой*, *возрыдавый* на *возрыдавшій*, *бразду* на *борозду*, *сіе* на *оно* и т. д. Интересно то, что Радищевъ, въ рукописи писавшій «рифмы и рифмованный», въ книгѣ исправилъ «краесловіе и краесловный». Другой рядъ поправокъ вызванъ стилистическими требованіями.

Изъ исправленій отдѣльныхъ фразъ одни вызваны желаніемъ выяснить точнѣе смыслъ рѣчи, другія—желаніемъ смягчить или подчеркнуть тонъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ болѣе значительныхъ поправокъ. Въ рукописи Радищевъ удачно отмѣчаетъ особенность рабскаго духа, прилагая къ нему отсутствующій въ книгѣ эпитетъ «не дерзающій уподобиться тому, кого выше себя ощущаетъ» (стр. 114). Столь часто цитируемое мѣсто «Путешествія»: «Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ» (стр. 123) въ рукописи звучало совсѣмъ не такъ, гораздо скромнѣе «Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, слѣдовательно, противъ господина своего—возрыдавъ скажу—судиться не можетъ. Средство къ сему, конечно, будетъ то, чтобы и помѣщичьи крестьяне судимы были въ расправахъ и выбираемы были бы въ засѣдатели нижнихъ судовъ». Въ рукописи Радищевъ указывалъ на то, что свобода печати «стѣсняется токмо въ самодержавныхъ правленіяхъ». Характеренъ для Радищева слѣдующій выброшенный имъ отрывокъ: «Мудрый правитель (боюсь назвать великимъ, ибо прилагая таковыя именованія государю живу, почтенъ буду или рабомъ, или льстецомъ, или ханжей, или корыстолюбцемъ; хвалитель

будетъ скаредной подлецъ; а хвалимый въ опасности будетъ замараться въ хвалѣ мерзавца. «Не лишнее отмѣтить и слѣдующее отсутствующее въ книгѣ воззваніе о Декартѣ: «Забудемъ ли Декарта за то, что могъ токмо усумниться? Онъ усумнился и се рушился оплотъ предразсужденій схоластики и разумъ устремился по истиннѣ быстротечно».

Подводя итоги обзору рукописи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Послѣ цензуры управы благочинія Радищевымъ прибавлены или вставлены слѣдующіе отрывки: посвященіе А. М. Кутузову, разсказъ присяжнаго о намѣстникѣ, любившемъ устрицы, разсказъ о встрѣчѣ съ семинаристомъ и извлеченія изъ тетради семинариста, бесѣда съ Карпомъ Дементьевичемъ, отрывокъ о свадьбѣ Дурындиныхъ, повѣствованіе о цензурѣ и слово о Ломоносовѣ. Это—крупнѣйшія измѣненія; изъ болѣе мелкихъ отмѣтимъ вставку передъ главой «Хотиловъ» и исключеніе конца главы «Черная грязь».

По какимъ же соображеніямъ сдѣланы эти вставки и добавленія? Исключеніе конца главы «Черная грязь» и включеніе «Слова о Ломоносовѣ», эпизода о Дурындиныхъ, бесѣды съ Карпомъ Дементьевичемъ сдѣлано, несомнѣнно, въ цѣляхъ литературныхъ, въ цѣляхъ разнообразія матеріала и его оживленія. Относительно другихъ эпизодовъ возможно предположить, что Радищевъ не разсчитывалъ на то, что они будутъ пропущены цензурой. Понятно, съ достовѣрностью сказать этого нельзя. Но съ точки зрѣнія Екатерины II эти отрывки, несомнѣнно, криминальны: по крайней мѣрѣ, страницы книги, соотвѣтствующія листамъ, включеннымъ въ книгу послѣ цензуры, вызвали не мало

отмѣтокъ и замѣчаній императрицы. Между прочимъ, сильнѣйшее мѣсто (на стр. 189) какъ разъ оказывается внесеннымъ въ книгу уже послѣ цензуры.

Такимъ образомъ, обвиненіе Радищева въ «лживомъ поступкѣ» имѣло свои основанія, но несомнѣнно, что если бы Радищевъ отпечаталъ исключительно разрѣшенное ему Никитой Рылѣевымъ, то и тогда онъ не спасся бы отъ жестокой критики Екатерины: и безъ включенныхъ послѣ цензуры мѣстъ «Путешествіе» было бы и достаточно рѣзко, и достаточно сильно, чтобы привлечь тяжкое вниманіе императрицы.

П. Е. Щеголевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно,
и лаяй„

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. стих: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно -- и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрестъ меня -- душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою -- и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка произходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой воспрепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чув„ствованія — и блаженъ буду.„ Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего,

въ которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, что бы противиться заблужденію; и ---- веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобныхъ. -- Се мысль побудившая меня начертать что читать будетъ. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду коголибо, кто намѣреніе мое одобритъ; кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?..... Почто почто мнѣ искать далеко кого либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешъ -- и имя твое да озаритъ сіе начало.

ВЫѢЗДЪ.

Отужинавъ съ моими друзьями я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенїю своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытїя нашего. Разставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаяся любовь или дружба стрегутъ его утѣшенїе. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращенїи твоемъ, и да изчезнутъ слезы твои при семъ воображенїи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшїй надѣяйся на утѣшителя; блаженъ живущїй иногда въ будущемъ; блаженъ живущїй въ мѣчтанїи. Существо его усугубляется, веселїя множатся и спокойствїе упреждаетъ нахмурен-

ность грусти, разпложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. — Я лежу въ кибишкѣ. Звонъ почтоваго колокольчика наскучивъ моимъ ушамъ призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе представила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ, оставленъ, среди природы пустынникъ! Возтрепеталъ. — Нещастной возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалося все, что тѣбя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сонъ и мѣчта? — По щастію моему случившаяся на дорогѣ рытьвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила —

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно—и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня—душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка произходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой востребетался отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду“. Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, что бы противиться заблужденію; и—

веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ.—Се мысль побудившая меня начертать что читать будешъ. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду коголибо, кто намѣреніе мое одобритъ; кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?.. Почто почто мнѣ искать далеко кого либо? Мой другъ! ты близь моего сердца живешъ—и имя твое да озаритъ сіе начало.

ВЫѢЗДЪ.

Отужинавъ съ моими друзьями я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаяся; любовь или дружба стрегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращеніи твоемъ, и да изчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшій надѣяйся на утѣшителя; блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мѣчтаніи. Существо его усугубляется, веселія множатся и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, разпложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. —Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика наскучивъ моимъ ушамъ призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе представила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ,

ду ли Г. комисаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашелъ въ оной лошадей до двадцати; хотя правду сказать, кости у нихъ были видны, но меня бы дотащили до слѣдующаго стана. Изъ конюшни я опять возвратился къ комисару; потрясъ его гораздо покрѣпче. Казалося мнѣ, что я къ тому имѣлъ право, нашедъ, что комисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ, и не продравъ еще глазъ спрашивалъ кто пріѣхалъ не . . . но опомнившись увидя меня, сказалъ мнѣ, видно молодецъ ты обыкъ такъ обходится съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками; но нынѣ не прежняя пора. Со гнѣвомъ Г. комисаръ легъ спать въ постѣлю. Мнѣ его такъ же хотѣлось поподчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ приличались; но щедрость моя давая на водку городскому повощику побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ комисарской, зазвѣнелъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ доброй гражданинъ. И такъ двадцать мѣдныхъ копѣекъ, избавили миролюбиваго человѣка отъ слѣдствія; дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса рускихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго.—На семъ музыкальномъ разположеніи народнаго уха, умѣй учреждать бразды правленія. Въ нихъ найдешъ образованіе души нашего народа. Посмотри на рускаго человѣка;

найдешъ его задумчива. Если захочетъ разгнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что либо случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву.—Бурлакъ идущей въ кабакъ повѣся голову, и возвращающейся обагренной кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ Исторіи Россійской.

Извощикъ мой поетъ.—Третей былъ часъ по полуночи. Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его песня произвела опять во мнѣ сонъ.—О природа объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденіи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. — Уснулъ и все скончалось. — Несносно пробужденіе нещастному. О сколь смерть для него пріятна. А есть ли она конецъ скорби. — Отче всеблагій, не ужели отвратишъ взоры свои, отъ скончевающаго бѣдственное житіе свое мужественно. Тебѣ источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешъ крѣпость когда естество трепещетъ, содрогается. Се гласъ Отчій взывающій къ себѣ свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю, на земли она стала уже безполезна.

ТОСНА.

Поѣхавши изъ Петербурга я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ Государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля насыпанная на дорогѣ, здѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее не проходимою. . . . Обезпокоенъ дурною дорогою, я вставъ изъ кибитки вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я проѣзжающаго, которой сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго комисара, что бы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ былъ? узналъ я, что то былъ стараго покрою стряпчей, ѣдущей въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которые онъ тогда разбиралъ. Я немѣдля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бѣседа: Милостливый Государь! Я нижайшій вашъ слуга, бывъ регистраторомъ при разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу. Посильными моими трудами я собралъ родословную на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россискихъ. Я докажу Княжеское или благородное ихъ

произхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю не рѣдкаго въ Княжеское достоинство, показавъ отъ Владимира Мономаха или отъ самаго Рюрика его произхожденіе. Милостивый государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни закакой товаръ не платятъ. Но съ дозволенія вашего высокородія, благородія или высокоблагородія, невѣдаю какъ честь ваша, они не знаютъ что имъ нужно. Извѣстно вамъ сколько блаженныя памяти благовѣрный Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, Россійское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многія честныя Княжескія и Царскія роды наравнѣ съ Новогородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный же Государь Императоръ Петръ Великій со всемъ привѣлъ ихъ въ затмѣніе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ, къ приобретенію дворянскаго титла, и древнее дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ Всемилостивѣйше Царствующая Наша Мать, утвердила прежніе Указы Высочайшимъ о дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ степенныхъ нашихъ востревожило, ибо древніе роды поставлены въ дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ изданъ будетъ Указъ и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое произхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло Маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ милостивѣйшій государь! трудъ мой долженъ весма быть пріятенъ всему древнему бла-

городному обществу; но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ завернулся я въ компанію молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы; но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣщенія. Сказавъ сіе поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись прямо, стоялъ передомною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ кошелька . . . и давъ ему совѣтовалъ, что пріѣхавъ въ Петербургъ онъ продалъ бы бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ, для обвертки; ибо мнимое Маркизство скружить можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденію изстребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древнія породы.

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ думаю равно. Можетъ быть и зимою и лѣтомъ. Не рѣдко то бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ а возвращаются на тѣлегахъ.— Лѣтомъ.—Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пешкомъ. Лежа въ кибиткѣ мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляяся душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче.—Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ: и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пешкомъ. —Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы.—Перваго сорокъ минутъ.—Я выѣхалъ въ субботу.—Сего дня праздникъ.—Пашущей крестьянинъ принадлежитъ конечно помѣщику, которой оброку съ него не беретъ.—Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ.—Нива, конечно не господская.—Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію.—Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, которой не остонавливаясь доканчивалъ зачатую борозду.—Богъ въ помощь, повторилъ я.—Спасибо баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду.—Ты конечно рас-

кольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. Нѣтъ баринъ я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенныя три перста. А Богъ милостивъ съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья.—Развѣ тѣбѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешъ да еще и въ самой жаръ.—Въ недѣлѣ то баринъ шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да поягоды. Дай Богъ, крестяся, чтобы подъ вечеръ сего дня дожжикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они, того же у Господа молятъ.—У меня мой другъ мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не кленетъ. Велика ли у тебя семья? —Три сына и три дочки. Перьвинькому то десятый годокъ.—Какъ же ты успѣваешъ доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешъ свободнымъ?—Не одни праздники и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ; а какъ ета устанетъ, возмусь за другую; дѣло то и споро.—Такъ ли ты работаешъ на господина своего.— Нѣтъ баринъ грѣшно бы было такъ же работать. Унего на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ, для семи ртовъ, самъ ты щетъ знаешъ. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. То ли житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей

съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье, заводится отдавать, деревни какъ то называется, на аренду. А мы называемъ ето отдавать головой. Голой наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ неоставляетъ. Зимою не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ; все работай на него, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка, отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу. На дурнаго прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — Другъ мой ты ошибаешся, мучить людей законы запрещаютъ. — Мучить? Правда; но небось баринъ, не захочешъ въ мою кожу.—Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и начавъ новою борозду со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Перьвое представилось мнѣ не равенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ.—Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ возспалила.—Страшись помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе.—Углубленный въ сихъ размышленіяхъ я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, которой сидя на кибиткѣ передо мной, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я

быстрый мразъ протекающій кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ нудилъ его разспростиратся по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешся на гордаго Господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешъ. Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешъ пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы нещастному, сномъ.—Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, ни когда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. (О умѣренной человѣкъ!)—и ты думаешъ, что кусокъ хлѣба, и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и темъ ты только хвастаешъ, что не часто подсѣкаешъ его въ его вертѣніи. Вѣдаешъ ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ сердцѣ каждаго написано? Если я кого ударю тотъ и меня ударить можетъ.— Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его пощечинѣ. О есть ли бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тѣбѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! — А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ?—Законъ.—Законъ? И ты смѣешъ поносить сіе священное имя? Нещастный... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ таковомъ положеніи почтовые клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

ЧУДОВО.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч . . . Я его оставилъ въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое произшествіе побудило человѣка нраву крутаго, какъ то былъ мой пріятель, удалиться изъ Петербурга и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Но желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштатъ и на Систербекъ, гдѣ сказывали мнѣ, въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштатѣ прожилъ я два дни съ великимъ удовольствіемъ, насыщаяся зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштатской, и строеній стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштату плана, и съ удовольствіемъ предъусматривалъ красоту намѣреваемаго строенія; словомъ, второй день пребыванія моего кончился весело и пріятно.

Ночь была тихая, свѣтлая; и воздухъ благоразствореннои вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы, и насладиться еще одинъ хотя разъ въ жизни, великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюбку и отправился на С . . .

Версты съ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностію своею, возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣніе, едвали воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины веселъ. Стихотворческое воображеніе преселяло уже меня въ прелѣстные луга Пафоса и Амаѳонта. Внезапу острый свистъ, возникающаго въ дали вѣтра, разгналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ, представлялися сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и паденіемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ, ахъ какъ хорошо! Но вѣтръ усиливаяся постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты непрозрачныхъ облаковъ, совсемъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей,

отнимало у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра, мы носилися на удачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей часъ казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не разспростирала ужаснаго своего величества, свѣркая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда преслѣдуя человѣка до крайности, насъ укрѣпляла, и мы елико намъ возможно было ободряли другъ другъ друга.

Носимые валами, внезапу судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы совокупно употребленныя, не были въ состояніи совратить его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Упражняясь въ сведеніи нашего судна съ мѣли, какъ то мы думали, мы непримѣтили, что вѣтръ между тѣмъ почти со всѣмъ утихъ. Небо помалу очистилося отъ затмѣвавшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря вмѣсто того, чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мѣли находилась; но погрязла между двухъ большихъ камней, и что не было никакихъ силъ для ея избавленія оттуда невредимо. Вообрази мой другъ наше положеніе, все что я ни скажу, все слабо будетъ въ отношеніи моего чувствія. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моея движенію, то слабы еще были бы онѣ для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія въ душѣ моей возникали и тѣснилися тогда. Судно наше стояло на срединѣ гряды каменной замыкающей заливъ до С..... простирающійся. Мы находилися отъ берега на пол-

торы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходить начинаетъ и отверзается вѣчность, низпадаютъ тогда всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутые. Человѣкъ тогда становится просто человѣкъ: такъ видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ отливая воду какъ кому споручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было изчерпаемо, толико во мгновеніе паки накоплялося. Къ крайнему сердецъ нашихъ сокрушенію ни въ дали ни въ близи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляяся отъ насъ и избѣгая равныя съ нами участи. Наконецъ судна нашего правитель, болѣе нежели всѣ другіе къ опасностямъ морскихъ произшествій обыкшій, взиравшій по неволѣ, можетъ быть, на смерть хладнокровно, въ разныхъ морскихъ сраженіяхъ въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ; рѣшился или насъ спасти спасаяся самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи: ибо стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышедъ изъ судна и перебираяся съ камня на камень направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Съ начала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень; переходя воду, гдѣ она была мелка, переплывая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его неспускали. Наконецъ увидѣли, что силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ

камни медлительнѣе, останавливаяся почасту, и садяся на камень для отдохновенія. Казалося намъ, что онъ находился иногда въ размышленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающа въ достиженіи берега; или достигнуть онаго, если первому въ томъ будетъ неудача. Взоры наши стремилися во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненіи была нелицемѣрна. Наконецъ послѣдней изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденіи, безъ чуда, морскія пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя такъ сказать ужасомъ, начали являться при изчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалася, и трудъ нашъ возрастая въ отливаніи оной утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкія души и чувствовавшій долго можетъ быть тягость удручительныя неволи, рыдалъ орошая слѣзами своими скамью, на которой ницъ разпростертъ лежалъ. Иной воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ яко окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо они питалися его трудами. Каково было моей души положеніе, мой другъ самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебѣ то, что я прилѣжно молился Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянію; ибо судно наше болѣе половины водою натекло, и мы стояли всѣ въ

водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы вытьти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе одного изъ нашихъ сопутниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ, и скрытіе другаго изъ виду, представляло намъ опасность перехода, болѣе можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близъ противоположеннаго берега, въ разстояніи отъ насъ какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя казалося, двигалися. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалося, помалу увеличивалось; наконецъ приближаяся представило ясно взорамъ нашимъ, два малыя судна прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находилися среди отчаянія, во сто кратъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ свѣту совсемъ неприступной, вдругъ отверзается дверь, и лучь дѣнный влѣтѣвъ стремительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, разспростираяся по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ; тако увидѣвъ суда, лучь надежды ко спасенію, протекъ наши души. Отчаяніе превратилося въ восторгъ, горесть въ восклицаніе, и опасно было, что бы радостныя тѣлодвиженія и плесканія не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житія возвращаяся въ сердца, возбудила паки мысли о различіи состояніи, въ опасности уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбачьи лодки къ намъ приближающіяся, и при настиженіи ихъ до насъ, увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, которой прошедъ

каменною грядою до берега, сыскалъ сіи лодки для нашего извлеченія изъ явной гибели. Мы немешкавъ ни мало вышли изъ нашего судна и поплыли въ пріѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, которой на ономъ около семи часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и развалилося со всемъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенія, Павелъ, такъ звали спасшаго насъ сопутника, разсказалъ намъ слѣдующее.

Я оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ по камнямъ къ берегу. Желаніе васъ спасти дало мнѣ силы чрезъестественныя: но саженъ за сто до берега силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаяваться въ вашемъ спасеніи и моей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камени, вспрянувъ съ новою бодростію, и неотдыхая болѣе доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ я растянулся на травѣ, и отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С . . . . . что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но воспоминая о васъ добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я ненашелъ ни вдоль берега ни въ самомъ С . . . никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что нигдѣ неможно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ седьмой часъ. Въ передней комнатѣ нашелъ я тамошней команды сержанта. Разказавъ ему коротко за чемъ я пришелъ, и ваше положеніе, просилъ его что бы онъ разбудилъ Г . . . ,

которой тогда еще почивалъ. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: другъ мой, я не смѣю. — Какъ; ты несмѣешъ? Когда двадцать человѣкъ тонутъ, ты не смѣешъ разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты бездѣльникъ лжешъ, я самъ пойду . . . . Г. сержантъ взявъ меня за плечо неочень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я нелопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о своей обидѣ и о жестокосердіи начальника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстояніемъ, отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ ѣздя по заливу собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, я и неошибся въ моей надеждѣ. Нашелъ сіи двѣ не большія лодки и радость теперь моя несказанна; вы всѣ спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду. Говоря сіе Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна я палъ на колѣни, возвелъ руки на небо. — Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно да живемъ, Ты насъ водилъ на испытаніе, да будетъ воля Твоя. — Се слабое мое другъ изображеніе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу, я видѣлъ то мгновеніе, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность. Теперь чувствую; часъ бьетъ; я мертвъ; движеніе, жизнь, чувствіе, мысль, все изчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ на краю гроба, не почувствуешъ ли корчущей мразъ ліющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій. О мой другъ! — Но я удалился отъ моего повѣтствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ Великаго Государя совершалося такое безчеловѣчіе! Я воспомянулъ о заключенныхъ Агличанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба *).

Воздохнулъ я во глубинѣ души.—Между тѣмъ дошли мы до С . . . . . Я думалъ, что начальникъ проснувшись накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я

---

*) Агличане приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калкуту чиновника Бенгальскаго, подвергшаго себя казни своимъ мздоимствомъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу, и оной взялъ. Аглинскихъ военноплѣнныхъ, велѣлъ ввергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсутки издохли. Осталося отъ нихъ только двадцать три человѣка. Нещастные сіи сулили стражѣ великія дѣньги, да возвѣститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стенаніе, возвѣщало о томъ народу о нихъ соболѣзнующему; но никто нехотѣлъ возвѣстить о томъ властителю. Почиваетъ онъ, отвѣтствовано умирающимъ Агличанамъ; и ни единъ человѣкъ въ Бенгалѣ немнилъ что для спасенія жизни ста пятидѣсяти нещастныхъ, должно отъяти сонъ мучителя на мгновеніе.

Но чтожъ такое мучитель? Или паче, чтожъ такое народъ обыкшій къ игу мучительства? Благоговѣніель или боязнь, тягчитъ его согбенна. Если боязнь, то мучитель ужаснѣе боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу, во время нощи или въ часы дѣнныя. Если благоговѣніе, то возможно человѣка возбудить на почитаніе содѣлателей его бѣдствій; чудо возможное единому суѣвѣрію. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости несмѣющаго его разбудить. Реналь. Исторія о Индіяхъ. Томъ II.

прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ; что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его, сказалъ, государь мой! Извѣстили ли васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ двадцать человѣкъ, находились въ опасности потерять животъ свой на водѣ, и требовали вашея помощи. Онъ мнѣ отвѣчалъ, съ наивеличайшею холодностію, куря табакъ: мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ.—Тутъ я задрожалъ въ ярости человѣчества. — Ты бы велѣлъ себя будить, молоткомъ по главѣ, буде крѣпко спишъ, когда люди тонутъ и требуютъ отъ тебя помощи. Отгадай, мой другъ, какой его былъ отвѣтъ. Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: не моя то должность. Я вышелъ изъ терпѣнія.—Должность ли твоя людей убивать, скаредной человѣкъ; и ты носишъ знаки отличности, ты начальствуешъ надъ другими!.. Окончать не могъ моея рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Сто дѣлалъ расположеній, какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминовеніемъ многихъ примѣровъ, что мое мщеніе будетъ безплодно, что я же могу прослыть или бѣшенымъ или злымъ человѣкомъ; смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, которой насъ принялъ съ великою радостію, согрѣлъ насъ, накормилъ, далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлыя сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ разсказывалъ тому и дру-

гому. Всѣ сочувствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердіе начальника, никто незахотѣлъ ему о семъ напомнить. Если бы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убицею.—Но въ должности ему непредписано васъ спасать, сказалъ нѣкто.—Теперь я прощусь съ городомъ на вѣки. Не въѣду николи въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе грысть другъ друга; отрада ихъ, томить слабаго до издыханія, и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ. Нѣтъ мой другъ, говорилъ мой повѣтствователь вскочивъ со стула, заѣду туда, куда люди неходятъ, гдѣ незнаютъ что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно. Прости; — сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

СПАССКАЯ ПОЛѢСТЬ.

Я въ слѣдъ за моимъ пріятелемъ скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ, связи его неразрушатъ; какъ дробинка падая въ пространство моря, неможетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ на отрѣзъ: когда бы я малая дробинка пошелъ на дно, то бы конечно на Финскомъ заливѣ бури несдѣлалось, а я бы пошелъ жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку, и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занесъ, что бы влѣзть въ кибитку; какъ вдругъ дождь пошелъ. — Бѣда невелика размышлялъ я; закроюся цѣновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролѣтѣла, то какъ будто меня окунули въ пролубь. Небо неспросясь со мною разверзло облако и дождь лилъ ведромъ.—Съ погодою несладишъ; по пословицѣ тише ѣдешъ далѣ будешъ—вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать и въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и что было посуше, положивъ подъ голову, на

лавкѣ скоро заснулъ. Но постеля моя была непуховая, долго нѣжится непозволила. Проснувшись услышалъ я шопотъ. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. — Ну мужъ, раскажитка, говорилъ женской голосъ.—Слушай жена.—

Жилъ былъ; — и подлинно на сказку похоже; да какъ же сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая ото сна; повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или Соловѣй разбойникъ.—Да кто тебя толкаетъ въ шею, вѣрь коли хочешь. Но то правда что встарину силы тѣлесныя были въ уваженіи, и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Палканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай мать моя истолкователей Рускихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради.—Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ то Государевъ Намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы, и былъ до нихъ великой охотникъ. Пока денжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и то когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ Намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ разпоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но вочто бы то ни стало а устерсы ѣсть будетъ.—Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немѣдленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями.

Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись а прогоны выдавай. На казенныя денешки дыръ много. Гонецъ снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ Его Высокопревосходительство.--Поспѣшай мой другъ вѣщаетъ ему унизанной Орденами, поспѣшай, возми сей пакетъ, отдай его въ большой морской.—Кому прикажите—прочти адресъ—его... его...—не такъ читаешъ — государю моему гос... — вріошъ... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, въ С.Петербургѣ въ большой морской. — Знаю Ваше Высокопревосходительство. — Ступай же мой другъ и какъ скоро получишъ, то возвращайся поспѣшно и ни мало не мѣдли; я тебѣ скажу спасибо неодно.

И ну ну ну, ну ну ну; по всѣмъ по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо на дворъ. — Добро пожаловать. Куды какой Его Высокопревосходительство затѣйникъ, изъ за тысячи верстъ, шлетъ за какою дрянью. Только баринъ доброй. Радъ ему служить. Вотъ устерсы теперь лишъ съ биржи. Скажи неменьше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостію сочтемся.—Бочку взвалили въ кибитку; поворотя оглобли курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишъ зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тинь тинь... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика; караульной Офицеръ бѣжитъ уже къ Намѣстнику, (толи дѣло какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Неуспѣлъ выговорить, какъ шасть курьеръ въ двери. — Привезъ Ваше Высокопревосходительство. Очень къ статѣ —;

(оборотясь къ предстоящимъ:) Право человѣкъ достойной, исправенъ и непьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза въ годъ ѣздитъ въ Петербургъ; а въ Москву сколько разъ, упомнить немогу. Секретарь пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды, и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ.—

Въ расходной книгѣ у Казначея записано: по предложенію Его Высокопревосходительства дано курьеру Н. Н. отправленному въ С:П: съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ екстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами непахнетъ.

По представленію Господина Генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. Прапорщикомъ.— Вотъ жена, говорилъ муской голосъ какъ добиваются въ чины а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, неподамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но Царь жалуетъ а псарь нежалуетъ. Такъ то нашъ Г. Казначей; уже другой разъ по его представленію меня отсылаютъ въ уголовную палату. Когда бы я съ нимъ былъ заодно, то бы было нежитье а масленица.—И... полно Клементьичь пустяки то молоть. Знаешъ ли за что онъ тебя нелюбитъ, за то что ты промѣнъ берешъ со всѣхъ а съ нимъ не дѣлишся.—Потише Кузминична, потише; не равно кто подслушаетъ.—Оба голоса умолкли и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я что въ одной избѣ со мною, ночевалъ присяжной съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ моей повозкѣ запрягали ло-

шадей, пріѣхала еще кибитка тройкою запряженная. Изъ нее вышелъ человѣкъ закутанной въ большую япанчу, и шляпа съ разпущенными полями глубока надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть его лице. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; и какъ многіе повозчики окруживъ его съ нимъ торговались, то онъ недожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: запрягай поскорѣй, я дамъ по четыре копѣйки на версту. Ямщикъ побѣжалъ за лошадьми. Другіе видя, что договариваться уже было неочемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженяхъ. Онъ подошедъ комнѣ и неснимая шляпы сказалъ: милостивый государь снабдите чемъ ниесть человѣка нещастнаго. Меня сіе удивило чрезмѣрно, и я немогъ вытерпѣть, чтобъ ему не сказать, что я удивляюсь прозбѣ его о вспоможеніи, когда онъ нехотѣлъ торговаться о прогонахъ, и давалъ противъ другихъ въ двое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что въ жизнь вашу поперечнаго вамъ ничего невстрѣчалося. Столь твердой отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я немедля ни мало вынувъ изъ кошелька... неосудите, сказалъ, болѣе теперь вамъ служить немогу; но если доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть, сдѣлаю что нибудь больше. Намѣреніе мое присемъ было то, что бы сдѣлать его чистосердѣчнымъ; я и не ошибся. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что обращеніе свѣта и снисканіе собственной пользы незатворили входъ ея въ ваше сердце. Позвольте мнѣ сѣсть на вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей. Между тѣмъ лошади наши были впряжены, я исполнилъ его желаніе — и мы ѣдемъ.

Ахъ государь мой, немогу себѣ представить, что я нещастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ веселъ, въ удовольствіи, недостатка нечувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалося; ибо домъ мой всякой день былъ полонъ, людьми заслужившими уже знаки почестей; столъ мой былъ всегда какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславіе толикое имѣло удовлѣтвореніе, равно и душа наслаждалася истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ, и неудачахъ наконецъ получилъ я въ жену, ту которую желалъ. Взаимная наша горячность услаждая и чувства и душу, все представляла намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенія. Все сіе блаженство, опредѣлила судьба да рушится однимъ мгновеніемъ.

У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшись, насыщали праздной свой голодъ на мой щетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, которой внутренно меня нелюбилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса но довольно громко, что бы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. Не ужели вы незнаете, что дѣло нашего хозяина въ уголовной палатѣ уже рѣшено...

Вамъ покажется мудрено, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, что бы человѣкъ неслужащей и въ положеніи мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло прошедъ нижніе суды, достигло до вышшаго. Вотъ въ чемъ оно со-

стояло: я былъ въ купечествѣ записанъ; пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, которой лично попавшись въ преступленіи, былъ отъ откупу отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался по видимому нанемъ большой начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ и начетъ положено взыскать съ меня. Я сдѣлавъ выправки, сколько могъ, нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы небыло или бы былъ очень малой, и для того просилъ, чтобы сдѣлали разщетъ со мною; ибо я по немъ былъ порукою. Но вмѣсто того, что бы сдѣлать должное по моему прошенію удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Перьвое неправосудіе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время какъ я сдѣлался въ откупу порукою, имѣнія за мною ни какого небыло, но по обыкновенію послано было запрещеніе на имѣніе мое въ гражданскую палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ, и другія сдѣлалъ пріобрѣтенія. Въ то же самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званія въ званіе дворянское получа чинъ. Наблюдая свою пользу я нашелъ случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе поставлено мнѣ въ преступленіе; ибо были люди которыхъ удовольствіе помрачалось, блаженствомъ моего житія. Стряпчей казенныхъ дѣлъ, сдѣлалъ на меня доносъ, что я избѣгая платежа казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ гражданскую палату, назвав-

шись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно я говорилъ, что запрещеніе неможетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что покрайнѣй мѣрѣ надлежало бы сперьва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сей продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего неутаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступокъ лишить чиновъ,—и требуютъ теперь говорилъ повѣствователь хозяина здѣшняго въ судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Сіе послѣднее повѣтствуя, разсказывающій возвысилъ свой голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня вскричала: нѣтъ мой другъ и я съ тобою.— Болѣе выговорить немогла. Члены ея всѣ ослабѣли и она упала безчувственна въ мои объятія. Я поднявъ ее со стула вынесъ въ спальную комнату и невѣдаю какъ обѣдъ окончался.

Пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ себя она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду съ тобою. Сіе нещастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцомъ, и всѣ способы бабки и Доктора для пособія призванныхъ, были тщетны и немогли воспретить, что бы жена моя не родила чрезъ сутки. Движенія ея души нетокмо съ рожденіемъ младенца неуспокоились, но усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку. — По что распростра-

няться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ея страданіе, можете повѣрить, что я ее неоставлялъ ни наминуту. Дѣло мое и осужденіе, въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной, недозрѣлой плодъ нашея горячности, такъ же умеръ. Болѣзнь матери его, занимала меня совсемъ, и потеря сія была для меня тогда невелика. Вообрази, вообрази, говорилъ повѣтствователь мой взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною разставалася на всегда.—На всегда! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Но за чемъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ темницу; я уже нечувствителенъ; пускай меня мучатъ, пускай лишаютъ жизни. — О варвары, тигры, змѣи лютые, грызите сіе сердце, пускайте въ него томной вашъ ядъ.—Извините мое изступленіе, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалася, то я все позабываю и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей прибѣжавъ ко мнѣ. — Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсель кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву, или куда хочешъ и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить твою судьбу.—Я невнималъ его рѣчамъ, но онъ усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку; но вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ въ которомъ было только пятьдесять рублей. Самъ пошелъ въ мой кабинетъ,

что бы найти тамъ денегъ и мнѣ вынести; но нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, что бы я ѣхалъ. Непомню какъ меня везли первую станцію. Слуга пріятеля моего разсказавъ все произшедшее простился со мною, а я теперь ѣду, по пословицѣ,—куда глаза глѣдятъ.

Повѣсть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли говорилъ я самъ себѣ, что бы въ толь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, толикія производилися жестокости? Возможно ли, что бы были столь безумные судіи, что для насыщенія казны (можно дѣйствительно такъ назвать всякое неправильное отнятіе имѣнія для удовлѣтворенія казеннаго требованія), отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я размышлялъ, какимъ бы образомъ могло сіе произшествіе достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи она одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна. — Но немогу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобнищу въ вышшее правительство. Уподроблю все произшествіе и представлю неправосудіе судившихъ и невинность страждущаго. — Но жалобницы отъ меня непримутъ. Спросятъ, какое я на то имѣю право; потребуютъ отъ меня вѣрющаго письма. — Какое имѣю право? Страждущее человѣчество. Человѣкъ лишенный имѣнія, чести, лишенный половины своея жизни, въ самовольномъ изгнаніи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенія. И на сіе надобно вѣрющее письмо? Отъ кого? Ужели сего мало, что страждетъ мой согражданинъ?—Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ человѣкъ: вотъ мое право, вотъ вѣрющее письмо.— О Богочеловѣкъ! Почто пи-

салъ ты законъ твой для варваровъ. Они крестяся во имя твое, кровавыя приносять жертвы злобѣ. Почто ты для нихъ мягкосердъ былъ? Вмѣсто обѣщанія будущія казни, усугубилъ бы казнь настоящую, и совѣсть возжигая по мѣрѣ злодѣянія, недалъ бы имъ покоя денноночно, доколь страданіемъ своимъ незагладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленія толико утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и непросыпался долго.

Возмущенные соки мыслію, стремилися, мнѣ спящу, къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ моего мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Нещетныя картины представлялись мнѣ во снѣ, но изчезали, какъ легкіе въ воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно, восходящими изъ внутреннихъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грѣзилъ.

Мнѣ представилось что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на Престолѣ.

Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться немогло со блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцемъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки власть мою изъявляющіе. Здѣсь мѣчь лежалъ на столпѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображалися морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и протчее сего рода; вездѣ видно было въ верьху имя мое носимое Геніемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ видѣнъ былъ скипетръ мой,

возлежащей на снопахъ обильными класами отягченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвѣшенныя зрѣлися вѣсы. Въ единой изъ чашъ лежала книга съ надписью Законъ Милосердія; въ другой книга же съ надписью Законъ Совѣсти. Держава изъ единаго камня изсѣченная, поддерживаема была грудою младенцевъ изъ бѣлаго мрамора изсѣченныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлѣжалъ на раменахъ сильнаго исполина, возкраіе же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змія, изъ свѣтлыя стали изкованная, облежала вокругъ всего сѣдалища при его подножіи, и конецъ хвоста въ зевѣ держаща изображала вѣчность.

Но неединыя бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ, и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины Государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего, толпилося безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло мѣня, что они всѣ воли моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелѣстнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли удовольствіе на меня смотрѣть, и желанія ихъ стремились, на предъупрежденіе моихъ, если бы онѣ возродились.

Глубочайшее въ собраніи семъ присудствовало молчаніе; казалося, что всѣ въ ожиданіи были важнаго какого произшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ

въ себя и чувствуя глубоко вкорѣнившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ отдалъ естеству, и ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ во всюмочь. Всѣ вняли чувствованію души моей. Внезапу смятеніе разпростерло мрачной покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улѣтала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланидъ удовольствія. Изкаженные взгляды и озираніе, являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящія бѣды. Слышны были вздохи, колющіе предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присудствіемъ страха стенаніе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стопами шествовало отчаяніе и смертныя содроганія, самыя кончины мучительнѣе.—Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланидныя мышцы нечувствительно стянулися ко ушамъ моимъ, и разтягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучь. Лѣтитъ отъ жизненной его жаркости сгущенная парами влага, и раздѣленная въ составѣ своемъ частію улегчася, стремительно возносится въ неизмѣримое пространство еѳира, и частію удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ падаетъ низу стремительно. Мракъ присудствовавшій повсюду въ небытіи свѣтозарнаго шара изчезаетъ весь вдругъ, и сложивъ поспѣшно непроницательной свой покровъ, улѣтаетъ на крылѣхъ мгновенности, неоставляя по себѣ ниже знака своего присудствованія. Тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали на лицахъ всего собранія посѣлившійся;

радость проникла сердца всѣхъ быстротечно, и неосталося косаго вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ нашъ великій Государь, да здравствуетъ на вѣки. Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листвія деревъ, и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, тако во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, разширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой возклицалъ: онъ обогатилъ Государство, разширилъ внутренную и внѣшную торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины съ нѣжностію вѣщали: онъ недалъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ избавя ихъ до сосца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество съ восторгомъ руки на Небо простирая рѣкло: онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ Царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавалися въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ пріемля душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнія кругомъ; въ существѣ своемъ разширялась и вся объемля, касалася степеней Божественной пре-

мудрости. Но ничто несравнилося съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я ити съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ Небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣлѣнной. Государь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени твоего, побѣдитъ народы оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращуся приносяй дань Царей сильныхъ.—Учредителю плаванія я рекъ; да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на Севѣрѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ. Исполню Государь. — И полѣтѣлъ на исполненіе яко вѣтръ опредѣленный надувать вѣтрила корабельные. — Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ домы свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути. — Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедраго существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ.— Да воздвигнутся, рекъ я, первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища муссъ, да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ онѣ ненарушимы, яко небесныя жительницы, для нихъ же онѣ уготовляются.—О премудрый отвѣчалъ онъ мнѣ, егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ

будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. — Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику. — О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго да будетъ твоя воля. — При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно и плесканіе рукъ нетокмо сопровождало мое слово, но даже предъупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облегшаяся твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другіе обнаженными стояли главами. Кто сія? вопрошалъ я близь стоящаго меня. Сія есть странница намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачемъ. Но есть Волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренна, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже нещадитъ въ руганіи своємъ священныя твоея главы.— Почтожъ злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день, есть день милости и веселія. Пріидите сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія, пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда возставъ отъ мѣста моего, возлагалъ я различныя знаки почестей на предстоящихъ; отсудствующіе забыты небыли, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ, словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: пойдемъ столпы

моея державы, опоры моея власти, пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я къ учредителю веселій. Мы тебѣ послѣдуемъ.—Постой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, постой, и подойди ко мнѣ. Я врачь присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое.—Какія бѣльма сказала она съ восклицаніемъ.—Нѣкая невидимая сила, нудила меня ити предъ нее; хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали дѣлая даже мнѣ насиліе.

На обоихъ глазахъ бельма, сказала странница, а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ. Потомъ коснулася обоихъ моихъ глазъ, и сняла съ нихъ толстую плену, подобно роговому разствору. Ты видишъ сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно. — Я есмь Истина. Всевышній подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, низпослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представятся днѣсь въ естественномъ ихъ видѣ, взорамъ твоимъ. Ты проникнешъ во внутренность сердецъ. Неутаится болѣе отъ тебя змія, крыющаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которыя въ дали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество; которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабощеніе человѣка. Но невозмутятъ они гражданскаго покоя безвременно, и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ

предстоящую и прикрывшую, срамоту души своей, позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои, и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающіе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда неоставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое неесть въ чертогахъ царскихъ. Стража обсѣвшая ихъ вокругъ и бдящая денноночно стоглазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оные. Если когда проникну сію сплоченную толпу, то поднявъ бичь гоненія, всѣ тебя окружающіе, тщатся меня изгнать изъ обиталища твоего; бди убо да паки неудалюся отъ тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающія, бельма твои паки возродятъ, и кора свѣтомъ непроницаемая покрыетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ, взоры твои досязать будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои невозмутятся стенаніемъ; но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обыдутъ на лесть отверстую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда нераздеретъ благотворная шероховатость, въ тебѣ нервовъ осязательности. Возтрепещи теперь за таковое состояніе. Туча вознесется надъ главой твоей, и стрѣлы карающаго грома, готовы будутъ на твое пораженіе. Но я вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхощешь меня видѣти, егда осажденная козьнями ласкательства душа твоя, взалкаетъ моего взора; воззови меня изъ твоея отдаленности; гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и обрящешъ. Неубойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ порицаю-

щій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и недерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешъ. Ибо вѣдай, что ты первѣйшій въ обществѣ можешъ быть убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нарушитель общія тишины, врагъ лютѣйшій устремляющій злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешъ, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ убіенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое. Ты виною будешъ, если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя лишатся жизни у тощаго безъ здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя несодрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отъиду отъ тебя и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей.

Изрекшія странницы лице, казалося веселымъ и и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже нечувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надутлости высокомѣрія. Я

ощущалъ въ ней тишину; волненіе любочестія и обуреваніе властолюбія ея некасалися. Одежды мои, столь блестящія, казалися замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлися мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлися того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга изкаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности небыло; воины мои почиталися хуже скота. Нерадѣли ни о ихъ здравіи ни прокормленіи; жизнь ихъ ни вочто вмѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна опредѣленная на содержаніе всеополченія была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единаго знамѣнитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества небыло ему даже случая; ибо онъ издали невидалъ непріятеля. Отъ такихъ то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоялся нѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготованномъ велѣніемъ его чертежѣ, совершеннаго въ мечтаніи плаванія, уже видны были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленные народы израждалися изъ кисти новыхъ сихъ путешествователей. Уже при блескѣ нощныхъ свѣтильниковъ, начерталося величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ приобрѣтеній, слогомъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ. Уже златыя дски уготовлялися на одежду столь важнаго сочиненія. О Кукъ! по что ты жизнь свою провелъ въ трудахъ и лишеніяхъ? По что скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Если бы возсѣлъ на сіи корабли, то въ веселіяхъ начавъ путешествіе, и въ веселіяхъ его скончая, столь же бы много сдѣлалъ открытій, сидя на одномъ мѣстѣ, (и въ моемъ государствѣ) толико же бы прославился; ибо ты бы почтенъ былъ твоимъ Государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое, или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія превратнымъ онаго толкованіемъ, и медлительнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше,

стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ. Удержи свое милосердіе, вѣщали тысящи гласовъ, невозвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, если нехощешъ его исполнити. Несоплощай съ обидою насмѣшку, съ тяжестію, ея ощущеніе. Мы спали и были покойны, ты возмутилъ нашъ сонъ, мы бдѣть нежелали; ибо не надъ чемъ...—Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственныя казны, нерѣдко омытой кровію и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженіи великолѣпныхъ зданій къ разточенію нерѣдко присовокуплялося и непонятіе о истинномъ искуствѣ. Я зрѣлъ расположеніе ихъ внутренное и внѣшное безъ малѣйшаго вкуса. Виды оныхъ принадлежали вѣку Готфовъ и Вандаловъ. Въ жилищѣ для Муссъ уготованномъ незрѣлъ я ліющихся благотворно струевъ Касталіи и Ипокрены; едва пресмыкающееся искуство дерзало возводить свои взоры выше очерченой обычаемъ округи. Зодчіе согбенные надъ чертежемъ зданія, не о красотѣ онаго помышляли, но какъ приобрѣтутъ ею себѣ стяжаніе. Возгнушался я моего пышнаго тщеславія и отвратилъ очи мои.—Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослеплѣніи моемъ, что ненужная казна общественная, на государственныя надобности, неможетъ лучше употребиться, какъ на вспоможеніе нищаго, на одѣяніе нагаго, на прокормленіе алчущаго, или на поддержаніе погибающаго противнымъ случаемъ, или на мзду нерадящему о стяжаніи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои

изливалися на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену кичащуюся своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты, застенчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія, безразсудной моей щедроты...—Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставалися въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостію духа, на снисканіе почестей, вожделенной смертныхъ мечты; но влача косвенно стопы свои, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогало, и довольствоваться было осуждаемо, собственнымъ своимъ одобреніемъ, во увѣреніи, что почести мірскія суть пеплъ и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ произтекшую; видя что нѣжность моя обращалася на жену, ищущую въ любви моей удовлѣтворенія своего только тщеславія, и внѣшность только свою на услажденіе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе; возревѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Возтрепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чемъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Пріиди вѣщалъ я старцу,

коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, кроющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, пріиди облегчить мое бремя; пріиди и возврати покой томящемуся сердцу и возтревоженному уму.—Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ откуду произтекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился.—Еще неопомнившись, схватилъ я себя за палѣцъ, но терноваго кольца на немъ небыло. О если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешся съ насмѣшкою, или нахмуришъ чело, вѣдай, что видѣнная мною странница, отлетѣла отъ тебя далеко, и чертоговъ твоихъ гнушается.

Радищевъ.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

Насилу очнуться я могъ отъ Богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрѣзилъ.—Голова моя была свинцовой тяжелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмелья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состояніи я былъ продолжать пути и трестися на деревянныхъ дрогахъ, (пружинъ у кибитки моей небыло). Я вынулъ домашней лѣчебникъ; искалъ нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и наяву. Лѣкарство со мною хотя всегда ѣздило въ запасѣ; но по пословицѣ на всякаго мудреца довольно простоты; противъ бреду я себя непредостерегъ и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовой станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клеменьтьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говаривала она, такъ и свѣтъ вижу, а безъ того умерла бы въ три дни.

Я взялся за нянюшкино лѣкарство, но непривыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне для меня свареннымъ, молодаго человѣка, которой сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна.—Благодарю усердно, сказалъ онъ, взявъ

чашку съ кофеемъ.—Привѣтливый видъ, взглядъ неробкой, вѣжливая осанка, казалось не къ статѣ были къ длинному полукафтанью, и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня читатель въ моемъ заключеніи, я родился и выросъ въ столицѣ, и если кто некудрявъ и ненапудренъ, того я ни вочто нечту. Если и ты деревенщина и волосъ непудришъ, то неосуди буде я на тебя невзгляну и пройду мимо.

Слово за слово я съ новымъ моимъ знакомцомъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новогородской Семинаріи, и шелъ пешкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядѣю, которой былъ Секретаремъ въ Губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было, чтобъ сыскать случай для приобрѣтенія науки.—Сколь великой недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ. Одно свѣденіе Латинскаго языка неможетъ удовлѣтворить разума алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита Ливія, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню знаніи Семинаристовъ съ тѣмъ, что я имѣлъ случай по щастію моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Классическіе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что ихъ доднесь дѣлаетъ пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учатъ философіи, проходимъ мы логику, метафизику, иѳику, богословію, но пословамъ Кутейника въ Недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться; Аристотель и Схоластика до нынѣ царствуютъ въ Семинаряхъ. Я по щастію моему знакомъ сталъ, въ домѣ одного изъ Губернскихъ члѣновъ въ Новѣгородѣ,

имѣлъ случай приобрѣсти въ ономъ малое знаніе во Французскомъ и Немѣцкомъ языкахъ и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ Латинской языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки несуть таинства, для свѣдущихъ Латинской языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ!—Но для чего, прервавъ онъ свою рѣчь продолжалъ, для чего незаведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ бы преподавалися науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ Россійскомъ? Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе; просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже, за одного латинщика, нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайнѣй мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе. — Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ, если бы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствованій судей нашихъ о дѣлахъ! Что бы сказали Гроцій, Монтескью, Блекстонъ. — Ты читалъ Блекстона,—читалъ первыя двѣ части на Россійской языкъ переведенныя. Нехудо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцовъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ непотужить, повторилъ онъ, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавалися на языкѣ народномъ.

Вошедшей почталіонъ помѣшалъ продолженію нашей бесѣды. Я успѣлъ Семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повелѣніе о учрежденіи новыхъ Университетовъ гдѣ науки будутъ

преподаваться по его желанію.—Пора, государь мой, пора...

Между тѣмъ какъ я платилъ почталіону прогонныя деньги, Семинаристъ вышелъ вонъ. Выходя выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упадшее, и неотдалъ ему. Необличи, меня любезной читатель въ моемъ воровствѣ; съ такимъ условіемъ, я и тебѣ сообщу, что я подтибрилъ. Когдаже прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу невыведешь; ибо нетотъ одинъ воръ кто кралъ, но и тотъ кто принималъ, такъ писано въ законѣ Рускомъ. Признаюсь, я на руку нечистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотъ часъ стяну; смотри,ты неклади мыслей плохо.—Читай,что мой Семинаристъ говоритъ:

Кто міръ нравственной уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истину, неиное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглой образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихся тѣлъ, изрѣкъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, откроютъ можетъ быть смертные, тайную связь, веществъ духовныхъ или нравственныхъ, съ веществами тѣлесными или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превращеній, превратностей міра нравственнаго или духовнаго, зависитъ можетъ быть отъ кругообразнаго вида, нашего обиталища, и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно кругообразныхъ, и коловращающихся... На Мартиниста похоже; на ученика Шведенборга... Нѣтъ мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу немалое услажденіе чувствъ. И покаюся тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ при-

гоженькою дѣвочкою, и усну упоенный сладострастіемъ въ объятіяхъ ее, нежели зарывшись въ Еврейскія или Арабскія буквы, въ цыфири, или Египетскіе Іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ Витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится до сыта.

Оглянись назадъ, кажется еще время то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе, и весь, его причетъ, невѣжество, рабство, инквизиція, и многое кое что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно ли Фридрихъ неутолимой его былъ врагъ нетокмо словомъ своимъ и дѣяніями, но что для него страшнѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на прежнюю степень, ибо все въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное, прозябаемое, родится, ростетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящіе народы, собираются во грады, основываютъ Царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ невидно; даже имена ихъ погибнутъ. Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко, скрывалося въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суевѣрію; въ изступленіи шло стезею народамъ обыкновенною; воздвигло начальника, разширило его власть, и Папа сталъ всесильный изъ Царей. Лутеръ началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ подъ власти его, и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предъубѣжденія о власти Папской

рушиться стало, стало изчезать и суевѣріе; истина нашла любителей, попрала огромной оплотъ предразсужденій, но недолго пребыла въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности. Небыло ничего святаго, на все посягали. Дошедъ до краевъ возможности, вольномыслiе возвратится вспять. Сія перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Недошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію. Разверни новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопрѣній, когда о рѣченіяхъ заботился разумъ человѣческій, немысля о томъ, былъ ли въ рѣченіи смыслъ. Когда задачею любомудрія почиталося и на рѣшеніе изслѣдователей истинны, отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остріи можетъ умѣститься душъ.

Если потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденіе, если оставя естественность гоняться будутъ за мечтаніями, то весьма полезной бы былъ трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній, шествіе разума человѣческаго, когда сотрясшій мглу предъубѣжденій онъ началъ преслѣдовать истину до выспренностей ея, и когда утомленный такъ сказать своимъ бодрствованіемъ, растлѣвать начиналъ паки свои силы, томиться и низпускаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя безполезенъ небудетъ: ибо обнажая шествіе нашихъ мыслей къ истинѣ и заблужденію, устранитъ хотя нѣкоторыхъ отъ пагубныя стези, и заградитъ полетъ невѣжества блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго, блаженъ если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель.

Щастливыми назваться мы можемъ: ибо небудемъ свидѣтели крайняго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки щастливѣе насъ еще быть могутъ. Но пары въ грязи омерзѣнія почившіе, уже воздымаются и предъопредѣляются объяти зрѣнія кругъ. Блаженны, если не узримъ новаго Магомета; часъ заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ, когда въ сужденіяхъ о вещахъ нравственныхъ и духовныхъ начинается ферментація и возстаетъ мужъ твердый и предпріимчивый, на истинну или на прельщеніе, тогда послѣдуетъ премѣна Царствъ, тогда премѣна въ исповѣданіяхъ.

На лѣствицѣ, по которой разумъ человѣческій низходить долженствуетъ во тьму заблужденій, если покажемъ что либо смѣшное и улыбкою содѣлаемъ добро, блаженны наречемся.

Бродя изъ умствованія въ умствованіе, о возлюбленные, блюдитеся, да невступите на путь слѣдующихъ изслѣдованій.

Вѣщалъ, Акиба: вошедъ по стезѣ Равви Іозуа въ сокровенное мѣсто, я позналъ тройственное. Позналъ I-е: не на Востокъ и не на Западъ но на Сѣверъ и Югъ обращатися довлѣетъ. Позналъ 2-е: не на ногахъ стоящему но возсѣдая надлежитъ изпражняться. Позналъ 3-е: не дѣсницею, но шуйцею отирать надлежитъ задняя. На сіе возразилъ Бенъ Газасъ: дотолѣ обезстудилъ еси чѣло свое на учителя, да извергающаго присматривалъ? Отвѣтствовалъ онъ: сіи суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное, и ихъ познаю.

Смотри Белввъ словарь, статью Акиба.

НОВГОРОДЪ.

Гордитеся, тщеславные созидатели градовъ, гордитесь, основатели Государствъ; мечтайте, что слава имени вашего будетъ вѣчна; столпите, камень на камень до самыхъ облаковъ; изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ, и надписи дѣла ваши возвѣщающія. Полагайте, твердыя основанія правленія, закономъ непремѣннымъ. Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему киченію. Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы вольность Афинъ и Спарты утверждавшіе?—Въ книгахъ.—А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. — Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳага.—Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо онѣ стояли.—Курится ли таинственно единому существу, нетлѣнная жертва, во славныхъ храмахъ древняго Египта. Великолѣпные оныхъ остатки, служатъ убѣжищемъ блѣющему скоту во время средиденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренія всевышнему Отцу они орошаемы, но смрадными изверженіями скотскаго тѣла.—О! гордость, О! надмѣнность человѣческая, возри на сіе, и познай колико ты ползуща!

Въ таковыхъ размышленіяхъ подъѣзжалъ я къ Новугороду смотря на множество монастырей вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на пятнатцать верстъ растояніемъ отъ города находя-

щіеся, заключалися въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до ста тысячь войска. Извѣстно, по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у ихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія, заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ, былъ истинный Государь. Область Новогородская простиралася на Северѣ даже за Волгу. Сіе вольное Государство стояло въ Ганзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь; кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новагорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенія. Внутреннія несогласія и хищной сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей, дабы насладиться зрѣлищемъ теченія Волхова. Неможно было, что бы непришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Васильевича по взятіи Новагорода. Уязвленный сопротивленіемъ сея республики, сей гордый, звѣрскій, но умный властитель, хотѣлъ ее раззорить до основанія. Мнѣ зрится онъ съ долбнею на мосту стоящъ, такъ иные повѣствуютъ, приносяй на жертву ярости своей, старѣйшихъ и начальниковъ Новогородскихъ. Но какое онъ имѣлъ право, свирѣпствовать противъ нихъ; какое онъ имѣлъ право присвоять Новгородъ? То ли, что первые великіе Князья Россійскіе жили въ семъ городѣ? Или что онъ писался Царемъ всея Русіи? Или что Новгородцы были Славенскаго племени? Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запѣчатлеется кровію народовъ? Можетъ ли существовать право, когда нѣтъ силы на приведѣніе его въ дѣйствитель-

ность. Много было писано о правѣ народовъ; нерѣдко имѣютъ на него ссылку; ни законоучители непомышляли, можетъ ли быть между народами судія. Когда возникаютъ между ими вражды, когда ненависть, или корысть устремляетъ ихъ другъ на друга, судія ихъ есть мечь. Кто палъ мертвъ или обезороженъ, тотъ и виновенъ; повинуется непрекословно сему рѣшенію, и аппеллаціи на оное нѣтъ.—Вотъ по чему Новгородъ принадлежалъ Царю Ивану Васильевичу. Вотъ для чего онъ его раззорилъ и дымящіяся его остатки себѣ присвоилъ.—Нужда, желаніе безопасности и сохранности, созидаютъ Царства; разрушаютъ ихъ, несогласіе, ухищреніе и сила.—Чтожъ есть право народное?—Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденіи другаго въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ находится въ отношеніи другаго, въ естественномъ состояніи.—Вопросъ: въ естественномъ состояніи человѣка какія суть его права? Отвѣтъ: взгляни на него. Онъ нагъ, алчущъ, жаждущъ. Все что взять можетъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, все присвояетъ. Если бы что тому возпрепятствовать захотѣло, онъ препятствіе удалитъ, разрушитъ, и приобрететъ желаемое. Вопросъ: если на пути удовлетворенія нуждамъ своимъ, онъ обрящетъ подобнаго себѣ, если на примѣръ, двое чувствуя голодъ, восхотятъ насытится однимъ кускомъ; кто изъ двухъ большее къ приобретенію имѣетъ право? Отвѣтъ: тотъ кто кусокъ возметъ. Вопросъ: кто же возметъ кусокъ? Отвѣтъ: кто сильнѣе.—Неужели сіе есть право естественное, неужели се основаніе права народнаго!—Примѣры всѣхъ времянъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы, было всегда въ исполненіи почитаемо, пустымъ словомъ.—

Вопросъ: что есть право гражданское? Отвѣтъ: кто ѣдѣтъ на почтѣ тотъ пустяками незанимается, и думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ НОВОГОРОДСКОЙ.

Новогородцы съ великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну, и заключили писменное примиреніе. —

Новогородцы сочинили писмо для защищенія своихъ вольностей и утвердили оное пятидѣсятью осьмію печатьми. —

Новогородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введѣнной Татарами въ обращеніе.—

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету.—

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.—

Въ Новѣгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго народъ собирался на вечѣ, для разсужденія о вещахъ общественныхъ.—

Царь Иванъ писмо и колоколъ у Новогородцевъ отнялъ.—

— Потомъ. Въ 1500 году—въ 1600 году—въ 1700 году—году — году Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

Но, не все думать о старинѣ, не все думать о завтрешнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, несмотря на то что подъ ногами, то скоро спотнусь и упаду въ грязь... размышлялъ я. Какъ ни тужи, а Новагорода по прежнему не населишъ. Что Богъ дастъ въ передъ.—Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Деменьтьичу.

Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуды Богъ принесъ, говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Деменьтьичь, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ имянитой гражданинъ. По пословицѣ щастливой къ обѣду. Милости просимъ садиться.—Да что за пиръ у тебя.—Благодѣтель мой я женилъ вчера парня своего.—Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ. Я ему какъ и другіе пособилъ за-

писаться въ имянитые граждане. Дѣдъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей; кому, того незнаю, съ 1737 году. Карпъ Деменьтьичь въ 1780 вексель гдѣ то купилъ, и какой то приладилъ къ нему протестъ. Явился онъ ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво, одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятой капиталъ мнѣ весь подарили.—Карпъ Деменьтьичъ человѣкъ признательной.—Невѣстка водки нечаянному гостю.—Я водки непью.—Дахотя прикушай.—Здоровья молодыхъ... и сѣли ужинать.

По одну сторону меня, сѣлъ сынъ хозяйской, а по другую посадилъ Карпъ Деменьтьичъ свою молодую невѣстку.

...Прервемъ рѣчь читатель. Дай мнѣ карандашъ, и листочикъ бумашки. Я тебѣ во удовольствіе, нарисую всю честную компанію; и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю, свадѣбной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныхъ неспишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуетами. Лаватеръ и по нихъ учитъ узнавать кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Деменьтьичъ сѣдая борода, въ восемь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладитъ, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой.—Аксинья Парѳентьевна, любезная его супруга. Въ шесдесятъ лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго непьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину на щетѣ показываетъ... По приказанію Аксиньи Пар-

ѳентьевны куплено годоваго запасу 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ... Прикащики мужнины Аксиньины камердинеры.—Алексей Карповичь сосѣдъ мой застольной. Ни уса ни бороды а носъ уже багровой, бровями моргаетъ въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, то спускаетъ на вершекъ; за то его отецъ любить какъ самъ себя; на пятнадцатомъ году матери далъ оплѣуху.—Парасковья Денисовна его новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы какъ уголь. Брови въ нитку, чернѣе сажи. Въ компаніи сидитъ потупя глаза, но во весь день отъ окошка неотходитъ, и пялитъ глаза на всякаго мущину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки.—Глазъ одинъ подбитъ. Подарокъ ее любезнова муженька, для перваго дни;—а у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что.

Но любезный читатель ты уже зѣваешъ. Полно видно мнѣ снимать силуеты. Твоя правда; другова небудетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того непонимаю какъ ты на силуетѣ бѣлилы и румяна распознаешъ.

Карпъ Деменьтьичь, чѣмъ ты нынѣ торгуешъ? Въ Петербургъ неѣздишъ, льну непривозишъ, ни сахару ни кофе, ни красокъ непокупаешъ. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ.—Отъ него то было я и раззорился. Но на силу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядной барышокъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ. На слѣдующей годъ былъ льну неурожай, и я немогъ поставить что законтрактовалъ. Вотъ отъ чего я торговать пересталъ.—Помню Карпъ Деменьтьичь, что за тридцать

тысячь рублей забранныхъ въ передъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ нараздѣлъ.—Ей больше неможно было повѣрь моей совѣсти.—Конечно и на заморскіе товары былъ въ томъ году неурожай. Ты забралъ тысячь на двадцать... Да, помню; на нихъ пришла головная боль.—Подлинно благодѣтель, у меня голова такъ болѣла; что чуть не трѣснула. Да чемъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все мое имѣніе.—По три копѣйки на рубль.—Никакъ нѣтъ ста по пятнадцати. — А женнинъ домъ.—Какъ мнѣ до него коснуться; онъ не мой.—Скажи же чѣмъ ты торгуешъ?—Ни чемъ, ей ни чемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на двадцать тысячь.—На будущее конечно законтрактуетъ на пятьдесятъ, возметъ половину денегъ впередъ, и молодой женѣ построитъ домъ... Алексей Карповичь только что улыбается.—Старинной шутникъ, благодѣтель мой. Полно молоть пустяки; возмемся за дѣло. Невестка встань да поднеси гостямъ.—Я непью ты знаешъ.—Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай,—я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы какъ и другіе напился пьянъ. Но по щастію, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ какъ всегда быть умнымъ невозможно. И по той самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Деменьтьича, я впалъ въ размышленіе. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обя-

зательствамъ взысканіе, почиталъ я доселѣ, охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ; почиталъ счастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ, для усугубленія быстраго въ торговлѣ обращенія, чего древнимъ народамъ на умъ неприходило. Но отъ чего же буде нѣтъ честности, въ дающемъ вексельное обязательство, отъ чего оно тщетная только бумашка. Еслибы строгаго взысканія, по векселямъ несуществовало, уже ли бы торговля изчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пещися доженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли теряющій свой капиталъ, для того что незналъ кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ. Съ одной стороны легковѣрность, съ другой почти воровство. Тотъ повѣрилъ надѣяся на строгое законоположеніе, а сей... А если бы взысканіе по векселямъ небыло столь строгое? Небыло бы мѣста легковѣрію, небыло бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ... Я началъ опять думать, прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

БРОННИЦЫ.

Между тѣмъ, какъ въ кибиткѣ моей лошадей перемѣняли, я захотѣлъ посѣтить, высокую гору, близь Бронницъ находящуюся; на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю, Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ, многіе сѣвѣрные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ сѣло Бронницы, стоялъ, извѣстной въ Сѣверной древней исторіи, городъ Холмоградъ. Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища, построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразилъ себя пресѣленнаго въ древность, и пришедшаго, да познаю отъ державнаго Божества грядущее, и обрящу спокойствіе моей нерѣшимости. Божественный ужасъ объемлетъ мои члѣны, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои тупѣютъ и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Мнѣ слышится гласъ грому подобный, вѣщаяй: безъумный! по что желаешъ познати тайну, которую я сокрылъ отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? По что, о дерзновенный! познати жаждешъ то, что едина мысль предвѣчная постигать можетъ? Вѣдай, что не-

извѣстность будущаго, соразмѣрна бренности твоего сложенія. Вѣдай, что предъузнанное блаженство, теряетъ свою сладость долговременнымъ ожиданіемъ, что прелѣстность настоящаго веселія, нашедъ утомленныя силы, немощна произвести въ душѣ, столь пріятнаго дрожанія, какое веселіе получаетъ отъ нечаянности. Вѣдай что предузнанная гибель, отнимаетъ безвременно спокойствіе, отравляетъ утѣхи, ими же наслаждался бы, если бы скончанія ихъ непредузналъ. Чего ищеши чадо безразсудное? Премудрость моя все нужное насадила въ разумѣ твоемъ и сердцѣ. Вопроси ихъ во дни печали, и обрящешъ утѣшителей. Вопроси ихъ во дни радости, и найдешъ обуздателей наглаго щастія. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей; успокой востревоженныя мысли; вниди во внутренность свою, тамъ обрящешъ мое Божество, тамъ услышишъ мое вѣщаніе.—И трескъ сильнаго удара гремящаго во власти Перуна, раздался въ долинахъ далеко.—Я опомнился.—Достигъ вершины горы, и узрѣвъ церковь возвелъ я руки на небо. Господи возопилъ я, се храмъ твой, се храмъ вѣщаютъ истиннаго, единаго Бога. На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но немогу повѣрить о Всесильный! что бы человѣкъ, мольбу сердца своего возсылалъ ко другому какому либо существу а не къ тебѣ. Мощная дѣсница твоя, невидимо всюду простертая, и самаго отрицателя всемогущія воли твоея, нудитъ признавати, природы строитѣля и содержателя. Если смертный въ заблужденіи своемъ, странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его однако же, стремится къ тебѣ

предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго; но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу; хваля тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо проникнутый до глубины своея, изящностію твоего творенія, ему предстоитъ трепѣтенъ. — Ты ищешъ отецъ всещедрый искренняго сердца и души непорочной; они отверсты вездѣ на твое пришествіе. Сниди Господи и воцарися въ нихъ.—И пребылъ я нѣсколько мгновеній отриновенъ окрестныхъ мнѣ предмѣтовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко. — Возведъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близь стоящія сѣленія; се хижины уничиженія, вѣщалъ я, на мѣстѣ гдѣ нѣкогда градъ великій гордыя возносилъ свои стѣны. Ни малѣйшаго даже признака оныхъ неосталося. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти; столь жаждущь онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ.—И все, что зримъ, прейдетъ; все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ, пребудетъ нѣчто во вѣки живо.

> Съ теченіемъ временъ, всѣ звѣзды помрачатся, померкнѣтъ солнца блескъ; природа обвѣтшавъ лѣтъ дряхлостью, падетъ.

Но Ты, во юности безсмертной процвѣтешъ,
незыблимый, среди сраженія стихіевъ,
развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья *).

---

*) Смерть Катонова, трагедія Еддесонова. Дѣйст. V. Явлен. I.

ЗАЙЦОВО.

Въ Зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнышняго моего пріятеля Г. Крестъянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ; но бѣседы наши хотя нечасты, были однакоже откровенны. Г. Крестъянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ жестокостями оной а особливо во время войны, гдѣ великія насилія, именемъ права войны прикрываются, перешелъ въ статскую. По нещастію его, и въ статской службѣ неизбѣгнулъ того, отъ чего оставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце человѣколюбивое. Дознанныя его столь превосходныя качества, доставили ему мѣсто предсѣдателя уголовной палаты. Сперьва нехотѣлъ онъ на себя принять сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ: мой другъ, какое обширное поле, отверзается мнѣ на удовлѣтвореніе любезнѣйшей склонности моея души! какое упражненіе для мягкосердія! Сокрушимъ скипетръ жестокости, которой столь часто тягчитъ рамена невинности; да опустѣютъ темницы, и да неузритъ ихъ оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодѣяніе да невмѣнится николи. О мой другъ! исполненіемъ моея должности, источу слезы родителей о чадахъ, возды-

ханія супруговъ; но слезы сіи, будутъ слезы обновленія во благо. Но изсякнутъ слезы, страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ. Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой. Можетъ быть, скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замѣдля, могу быть убійцею, непредупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ, или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятѣль мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу, и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ мой другъ, говорилъ мнѣ Г. Крестъянкинъ, что услаждающую разсудокъ, и обильную найду жатву въ исполненіи моея должности. Но вмѣсто того нашелъ я въ оной желчь и терніе. Теперь наскучивъ оною, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время онъ заслужилъ похвалу, скорымъ рѣшеніемъ залежавшихся дѣлъ; а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали мѣня иногда мздоимцемъ, за то, что неспѣшилъ отягчить жребія нещастныхъ, впадающихъ въ преступленіе нерѣдко по неволѣ. До вступленія моего въ статскую службу, приобрѣлъ я лѣстное для меня названіе, человѣколюбиваго начальника. Теперь самое то же качество, коимъ сердце мое толико гордилося, теперь почитаютъ послабленіемъ или непозволительною понаровкою. Видѣлъ я рѣшенія мои осмѣянными въ томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало; видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія. Съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя, и вреднаго обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступленія, лишеніемъ имѣнія, чести, жизни, начальникъ мой будучи не въ си-

лахъ, меня преклонить на беззаконное очищеніе злодѣйства, или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко, я видѣлъ, благія мои расположенія изчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду своего гнуснаго послушанія, получили почести, кои въ глазахъ моихъ, столь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ, меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ подпору моей нерѣшимости; но часто въ немъ находилъ вмѣсто человѣколюбія, жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обвѣтшалости. Несоразмѣрность наказанія преступленію, часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе), что законъ судитъ о дѣяніяхъ, некасаяся причинъ оныя производившихъ. И послѣдней случай къ таковымъ дѣяніямъ относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо невозмогши спасти винныхъ, мощною судьбы рукою, въ преступленіе вовлеченныхъ, я нехотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Невозмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки мои въ моей невинности, и удалился жестокосердія.

Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, которой за нѣсколько уже лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужной списокъ. Началъ службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакѣемъ, камерлакѣемъ, потомъ мундшенкомъ; какія достоинства надобны для прехожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15,

отосланъ былъ въ Герольдію, для опредѣленія по его чину. Но онъ чувствуя свою неспособность къ дѣламъ, выпросился въ отставку, и награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассессора; съ которымъ онъ пріѣхалъ въ то мѣсто, гдѣ родился, то есть въ нашу губернію лѣтъ шесть тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ, нерѣдко основаніе имѣетъ въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившейся въ знатность, или бѣднякъ приобрѣтшій богатство, сотрясши всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распростертіе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро Ассессоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой посѣлился съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ то бы обильное нашелъ поле на карикатуры въ семѣйствѣ Г. Ассессора. Но я худой живописецъ; или если бы я могъ въ чертахъ лица читать внутренности человѣка, съ Лаватеровою проницательностію, то бы и тогда картина Ассессоровой семьи была примѣчанія достойна. Неимѣя сихъ свойствъ заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. Ассессоръ произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотѣнъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловатся можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ вышшаго чина, крестъянъ почиталъ скотами, данными ему (едва недумалъ ли онъ, что власть его надъ ними, отъ Бога произтекаетъ) да употребляетъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, а по тому надъ сла-

бѣйшими его, надмѣнѣнъ. Изъ сего судить можешъ, какъ онъ обходился съ крестъянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ, по цѣнѣ какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они неумирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если которой казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плѣтьми, батожьемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности; за дѣйствительныя преступленія, какъ то, кражу, не у него но у постороннихъ, неговорилъ ни слова. Казалося будто хотѣлъ въ деревнѣ своей возобновить нравы, древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія, на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другаго потомъ убили. Онъ ихъ въ судъ за то неотдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявя правительству, что они бѣжали; говоря, что ему прибыли небудетъ, если крестъянина его высѣкутъ кнутомъ и сошлютъ въ работу за злодѣяніе. Если кто изъ крестъянъ что нибудь укралъ у него, то онъ сѣкъ какъ за лѣность, или за дерзской или остроумной отвѣтъ, но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы могъ я тебѣ разказать его мудрыхъ распоряженій; но сего довольно, для познанія моего Ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея веленій, были ея сыновья и дочери, какъ то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, что бы ни для какой нужды крестъянъ отъ работы неотвлекать. Во дворѣ людей было, одинъ мальчикъ, купленной имъ въ Москвѣ,

парикмахеръ дочерьнинъ; да повариха старуха. Кучера у нихъ небыло, ни лошадей; разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ. Плѣтьми или кошками сѣкли крестъянъ сами сыновья. По щекамъ били, или за волосы таскали, бабъ и дѣвокъ, дочери. Сыновья въ свободное время, ходили по деревнѣ или въ полѣ, играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и ни какая неизбѣгала ихъ насилія. Дочери неимѣя жениховъ, вымѣщали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчали. Суди самъ мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что Руской народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнію, то ничто неможетъ его удержать, чтобы непреклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ Ассессоромъ. Случай къ тому подалъ неистовой и безпутной, или лучше сказать, звѣрской поступокъ, одного изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестъянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодаго крестъянина той же деревни. Она понравилась середнему сыну Ассессора, которой употребилъ все возможное, что бы ее привлѣчь къ себѣ въ любовь; но крестъянка вѣрна пребывала, въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестъянствѣ случается, но возможно. Въ воскресеньѣ должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха по введѣнному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господской дворъ, и понесъ повѣнечные два пуда меду, къ своему господину. Сію то послѣднюю минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своея страсти. Взялъ съ собою обоихъ сво-

ихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту, чрезъ постороннягo мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣть, зажавъ ей ротъ. Небудучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодаго Господина. На конецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ; и уже сіе скарѣдное чудовище начиналъ исполненіемъ умышленное, какъ женихъ возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ, и увидя одного изъ господчиковъ у клѣти, усумнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего къ себѣ на помощь, онъ быстрѣе молніи полѣтѣлъ ко клѣти. Какое зрѣлище представилося ему. При его приближеніи затворилась клѣть; но совокупныя силы двухъ братьевъ, немощны были удержать стремленія разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близь лѣжащей колъ, и вскоча въ клѣть, ударилъ вдоль спины хищника своея невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но видя отца женихова бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ догнавъ одного изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу, и сказали ему, что ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ невѣстою, съ ней пошутили; что увидя женихъ ея, началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцемъ. Въ доказательство, показывали проломленную у одного изъ братьевъ голову. Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія отецъ, возкипѣлъ гнѣвомъ ярости. Немедля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ, такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Пред-

ставшимъ имъ предъ него, первой вопросъ его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ здѣланномъ неотперся, разсказавъ все произшествіе. Какъ ты дерзнулъ, говорилъ старой Ассессоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоею невѣстою и ночь переспалъ на канунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней неженишся; она у меня отстанѣтся въ домѣ, а вы будете наказаны. По таковомъ рѣшеніи, жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердо, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Побои вытерпѣлъ онъ мужественно; неробкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцемъ его, то же производить изтязаніе. Но немогъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскіе дѣти, хотѣли вести въ домъ. Наказаніе происходило на дворѣ. Въ одно мгновеніе, выхватилъ онъ ее, изъ рукъ ее похищающихъ, и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя барскіе сыновья перестали сѣчь старика, и побѣжали за ними въ погоню. Женихъ видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину, и сталъ защищаться. Между тѣмъ, шумъ привлекъ другихъ крестъянъ ко двору господскому. Они соболѣзнуя о участи молодаго крестъянина, и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе Ассессоръ подбѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго кто встрѣтился ударилъ своею тростію столь сильно, что упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ, и коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ нехотѣлъ миновать,

что бы небыть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ призналися. Въ самое то время, случилося ѣхать тутъ исправнику той округи, съ командою. Онъ былъ частію очевиднымъ свидѣтелемъ сему произшествію. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ было половина деревни, произвѣлъ слѣдствіе, которое по степенно дошло до уголовной полаты. Дѣло было выведѣно очень ясно, и виновные во всемъ признавалися; въ оправданіе свое приводя только мучительскіе поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу, я обязанъ былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сіе дѣло, я ненаходилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестъяне убившіе господина своего были смертоубійцы. Но смертоубійство сіе небыло ли принужденно? Непричиною ли онаго самъ убитой Ассессоръ? Если въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ числъ третіе слѣдуетъ непрекословно; то и въ семъ произшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійцъ, для меня по крайнѣй мѣрѣ, была математическая ясность. Если идущу мнѣ, нападетъ на меня злодѣй, и вознесши надъ главою моею кинжалъ, возхочетъ меня имъ пронзить; убійцею ли я почтуся, если я предъупрежду его въ его злодѣяніи, и бездыханнаго его къ ногамъ моимъ повергну. Если нынѣшняго вѣка скосырь, привлекшій должное на себя презрѣніе, восхочетъ оное на мнѣ отомстить, и встретясь со мною въ уединенномъ мѣстѣ, вынувъ шпагу сдѣлаетъ на

меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или по крайнѣй мѣрѣ да уязвитъ меня; виновенъ ли я буду, если извлекши мой мечь на защищеніе мое, я избавлю общество отъ тревожущаго спокойствіе его члена? Можно ли почесть дѣяніе, оскорбляющимъ сохранность члена общественнаго, если я исполню его для моего спасенія, если оно предъупредитъ мою пагубу, если безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно на вѣки?

Исполненъ таковыми мыслями, можешъ самъ вообразить, терзаніе души моей, при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію, сообщилъ я мои мысли моимъ сочленамъ. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ. Мягкосердіе и человѣколюбіе, почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній; называли меня поощрителемъ убійства; называли меня сообщникомъ убійцевъ. По ихъ мнѣнію при распространеніи моихъ вредныхъ мнѣній, изчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ ли дворянинъ, говорили они, отънынѣ жить въ деревнѣ покоенъ? Можетъ ли онъ видѣть, велѣнія его исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убійцы, невинными признаваемы будутъ, то повиновеніе прервется, связь домашняя рушится, будетъ паки Хаосъ въ начальныхъ обществахъ обитающій. Земледѣліе умретъ, орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и безплоднымъ поростетъ злакомъ; посѣляне неимѣя надъ собою власти, скитаться будутъ въ лѣности, тунеядствѣ и разъидутся. Города почувствуютъ властнодержавную десницу разрушенія. Чуждо будетъ гражданамъ ремѣсло, рукодѣліе скончаетъ свое прилѣжаніе и рачительность, торговля изсякнетъ въ источникѣ своемъ, богатство уступитъ

мѣсто скаредной нищетѣ, великолѣпнѣйшія зданія обвѣтшаютъ, законы затмятся и поростутъ недѣйствительностію. Тогда огромное сложеніе общества, начнетъ валиться на части, и издыхати въ отдаленности отъ цѣлаго; тогда престолъ царскій, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженіе общества зиждутся, обвѣтшаетъ и сокрушится; тогда Владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество узритъ свою кончину. Сію достойную адскія кисти картину, тщилися мои сотоварищи, предлагать взорамъ всѣхъ до кого слухъ о семъ дѣлѣ доходилъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестъянъ. Спросите какого онъ происхожденія? Если неошибаемся, онъ самъ въ молодости своей изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворяньчики, странныя имѣютъ понятія, о природномъ надъ крестъянами дворянскомъ правѣ. Если бы отъ него зависѣло, онъ бы, думаемъ, всѣхъ насъ поверсталъ въ однодворцы, дабы тѣмъ уравнять съ нами свое происхожденіе. Такими то словами, мнили сотоварищи мои, оскорбить меня, и ненавистнымъ сдѣлать всему обществу. Но симъ неудовольствовались. Говорили, что я пріялъ мзду, отъ жены убитаго Ассессора, да нелишится она крестъянъ своихъ, отсылкою ихъ въ работу, и что сія то истинная была причина страннымъ и вреднымъ моимъ мнѣніямъ, право всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ меня уязвитъ, что клевета поругаетъ, что лживое представленіе добраго намѣренія, отъ онаго меня отвлечетъ! Сердце мое имъ было неизвѣстно. Незнали они, что нетрепетенъ всегда предстою, собственному моему суду, что ланиты мои нердѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое, основали они на томъ, что Ассессорша за мужнину смерть мстить нежелала, а сопровождаема своею корыстію, и слѣдуя правиламъ своего мужа, желала крестъянъ избавить отъ наказанія, дабы не лишиться своего имѣнія, какъ то она говорила. Съ таковою прозьбою она пріѣзжала и ко мнѣ. На прощеніе за убіеніе ея мужа, я съ ней былъ согласенъ; но разнствовали мы въ побужденіяхъ. Она увѣряла меня, что сама довольно ихъ накажетъ; а я увѣрялъ ее, что оправдывая убійцевъ ея мужа, ненадлежало ихъ подвергать болѣе, той же крайности, дабы паки небыли злодѣями, какъ то ихъ называли несвойственно.

Скоро Намѣстникъ извѣстенъ сталъ о моемъ по сему дѣлу мнѣніи, извѣстенъ, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли, и что они начинали колебаться въ своихъ разсужденіяхъ; къ чему однако же не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали, но деньги Ассессорши. Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестъянами власти, съ моими разсужденіями онъ немогъ быть согласенъ, и вознегодовалъ усмотревъ' что они начинали въ сужденіи сего дѣла преимуществовать, хотя ради различныхъ причинъ. Посылаетъ онъ за моими сочленами, увѣщеваетъ ихъ, представляетъ гнусность такихъ мнѣній, что они оскорбительны для дворянскаго общества, что оскорбительны для верховной власти нарушая ея законоположенія; обѣщаетъ награжденіе исполняющимъ законъ, претя мщеніемъ неповинующимся оному; и скоро сихъ слабыхъ судей не имѣющихъ ни правилъ въ размышленіяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнія ихъ мнѣнія. Не-

удивился я увидѣвъ въ нихъ перемѣну, ибо недивился и прежде въ нихъ воспослѣдовавшей. Сродно хвилымъ, робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти, и радоваться ея привѣтствію.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнія моихъ сотоварищей, вознамѣрился и ласкалъ себя, можетъ быть, превратить и мое. Для сего намѣренія позвалъ меня къ себѣ, поутру въ случившейся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ меня позвать, ибо я нехаживалъ ни когда на сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ въ подчиненныхъ должностію, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными и человѣчеству поносными. Онъ избралъ нарочно день торжественной, когда у него много людей было въ собраніи; избралъ нарочно для слова своего публичное собраніе, надѣяся, что тѣмъ разительнѣе убѣдитъ меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души, или слабость мыслей. Противъ того и другаго устремилъ онъ свое слово. Но я за нужное ненахожу пересказывать тебѣ все то, чемъ надмѣнность, ощущеніе власти, и предъубѣжденіе къ своему проницанію и учености, одушевляло его витійство. Надмѣнности его отвѣтствовалъ я равнодушіемъ и спокойствіемъ, власти непоколебимостію, доводамъ доводами, и долго говорилъ хладнокровно. Но наконецъ содрогшееся сердце, разліяло свое избыточество. Чемъ больше видѣлъ я угожденіи въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился мой языкъ. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ я наконецъ сице. Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу,

есть существо ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ своей единой повиноваться волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго, словомъ становится гражданиномъ. Какія же ради вины, обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть? по что безпредѣленъ въ исполненіи своея воли, послушанія чертою оную ограничиваетъ? Для своея пользы скажетъ разсудокъ; для своея пользы скажетъ внутреннее чувствованіе; для своея пользы скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего, онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ, или не въ силахъ его заступить, или того нехочетъ, или власть его неможетъ мгновенное, въ предстоящей бѣдѣ дать вспомоществованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія. Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, неперестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность изъ сложенія его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояніе. Убіенной крестъянами Ассессоръ, нарушилъ въ нихъ право гражданина своимъ звѣрствомъ. Въ то мгновеніе, когда онъ потакалъ насилію своихъ сыновей, когда онъ къ болѣзни сердечной супруговъ, присовокуплялъ поруганіе, когда на казнь подвигался, видя сопротивленіе своему адскому властвованію; тогда законъ стрегущій гражданина былъ въ отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возро-

ждался законъ природы, и власть обиженнаго гражданина, неотъемлемая закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность; и крестъяне убившіе звѣрскаго Ассессора, въ законѣ обвиненія неимѣютъ. Сердце мое ихъ оправдаетъ опираяся на доводахъ разсудка, и смерть Ассессора хотя насильственная, есть правильна. Да невозмнитъ кто либо искать въ благоразуміи политики, въ общественной тишинѣ, довода къ осужденію на казнь убійцевъ, въ злобѣ духъ испустившаго Ассессора. Гражданинъ, въ какомъ бы состояніи небо родится ему ни судило, есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, въ немъ неизсякнетъ никогда; и тотъ, кто дерзнетъ его уязвить въ его природной, и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему если законъ гражданскій его ненакажетъ. Онъ замѣченъ будетъ, чертою мерзѣнія въ своихъ согражданахъ, и всякъ имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду имъ содѣланную.—Умолкъ. Намѣстникъ неговорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка подымалъ на меня поникшіе взоры, гдѣ господствовала ярость безсилія, и мести злоба. Всѣ молчали въ ожиданіи, что оскорбитель всѣхъ правъ, я взятъ буду подъ стражу. Изрѣдка изъ устъ раболѣпія слышалося журчаніе негодованія. Всѣ отвращали отъ меня свои очи. Казалося, что близь стоящихъ меня, объялъ ужасъ. Непримѣтно удалилися они, какъ отъ зараженнаго смертоносною язвою. Наскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенія гордыни съ нижайшею подлостію, я удалился изъ сего собранія лстецовъ.

Ненашедъ способовъ спасти невинныхъ убійцъ,

въ сердце моемъ оправданныхъ, я нехотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ; подалъ прошеніе объ отставкѣ и получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестъянскаго состоянія, и услаждать мою скуку, обхожденіемъ съ друзьями.—Сказавъ сіе мы разстались, и поѣхали всякъ въ свою сторону.—

Сей день путешествіе мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались по минутно; наконецъ спускаяся съ небольшей горы, ось у кибитки переломилась и я далѣе ѣхать немогъ.—Пешкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ, неочень пріятна для петербургскаго жителя, непохожа на гулянье, въ лѣтнемъ саду или въ Баба, скоро она меня утомила, и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ я сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой какія, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя; думалъ я и то и сіо, скачетъ мимо меня коляска. Сидящей въ ней увидѣвъ меня велѣлъ остановится—и я въ немъ узналъ моего знакомаго.—Что ты дѣлаешъ сказалъ онъ мнѣ?—Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе; ось переломилась. Что новаго?—Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро. А!... Вотъ новинькое, Дурындинъ женился.—Неправда. Ему уже лѣтъ съ восемдесятъ.—Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо... Читай на досугѣ; а мнѣ нужно поспѣшать. Прости,—и разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержалъ слово. Между тѣмъ, къ

кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая по щастію была въ запасѣ.—Ѣдучи я читалъ:

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78-лѣтнимъ молодцомъ и 62-лѣтней молодкою. Причину толь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ трудненько, если оной нескажу. Распусти уши мой другъ, и услышишъ.—Госпожа Ш.... витязь въ своемъ родѣ непослѣдней, 62 лѣтъ, вдова съ 25-лѣтняго своего возраста. Была за мужемъ за купцомъ неудачно торговавшимъ; лицомъ смазлива; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою, и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, незахотѣла прибѣгнуть къ прошенію надмѣнной милостыни, но заблаго разсудила, кормиться своими трудами. Доколѣ красота юности, водилась на ея лицѣ, во всегдашней была работѣ, и щедрую получала отъ охотниковъ плату. Но сколь скоро примѣтила, что красота ея начинала увядать, и любовныя заботы уступили мѣсто скучливому одиночеству, то взялась она за умъ, и ненаходя больше покупщиковъ на обветшалые свои прелѣсти, начала торговать чужими, которые если невсегда имѣли достоинство красоты, имѣли хотя достоинство новости. Симъ способомъ наживъ себѣ нѣсколько тысячь, она съ честію изъялась изъ презрительнаго общества сводѣнь, и начала въ ростъ отдавать деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитыя. По времени забыто прежнее ее ремѣсло; и бывшая сводня стала, нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкое надоумило ее собраться за мужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятель-

ница ее ближняя Н.. пріѣхала къ ней.—Слухъ носится, душа моя, говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется солгано. Какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ сію басню.

Ш.—Правда совершенная. Завтра сговоръ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н.—Ты съ ума сошла. Неужели старая кровь разъигралась; неужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылошко?

Ш.—Ахъ матка моя! не къ статѣ ты меня наравнѣ съ молодыми щитаешь вѣтреницами. Я мужа беру по себѣ...

Н.—Да то я знаю, что придетъ по тебѣ. Но вспомни, что уже насъ любить нельзя и недля чего, развѣ для денегъ.

Ш.—Я такого невозьму, которой бы мнѣ могъ измѣнить. Женихъ мой меня старѣе 16 годами.

Н.—Ты шутишъ!

Ш.—По чести правда; баронъ Дурындинъ.

Н.—Нельзя етому статься.

Ш.—Пріѣзжай завтра къ вечеру; ты увидишь, что лгать нелюблю.

Н.—А хотя и такъ, вѣть онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш.—А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ необезумѣю, что бы ему отдать все мое имѣніе; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебреные, и другая дрянь оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть. Вотъ весь барышъ любезнаго моего женишка. А естли онъ неугомонно спитъ, то сгоню съ постѣли.

Н.—Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ въ немъ что проку?

Ш.—Какъ матка? Сверхъ того, что въ нынѣшнія времена, нехудо имѣть хорошей чинъ, что меня называть будутъ: ваше Высокородіе, а кто по глупѣе, ваше Превосходительство; но будетъ таки кто нибудь, съ кѣмъ въ долгія зимнія вечера, можно хоть поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна; да и того удовольствія неимѣю, когда чхну, чтобъ кто говорилъ: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду: здраствуй мой свѣтъ, здраствуй моя душинька...

Н.—Прости матушка.

Ш.—Завтра сговоръ а черезъ недѣлю свадьба.

Н. (Уходитъ).

Ш. (Чхаетъ). Небось неворотится. То ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ!

Недивись мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сего дня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишъ дурындиныхъ. Если неженидьбою всегда они отличаются, то другимъ чемъ либо. А безъ дурындиныхъ Свѣтъ непростоялъ бы трехъ дней.

КРЕСТЬЦЫ.

Въ Крестьцахъ былъ я свидѣтелемъ разстанія у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я самъ отецъ и скоро можетъ быть съ дѣтьми разставаться буду. Нещастной предразсудокъ дворянскаго званія, велитъ имъ ити въ службу. Одно названіе сіе приводитъ всю кровъ въ необычайное движеніе! Тысячу противъ одного держать можно, что изо ста дворянчиковъ, вступающихъ въ службу, 98 становятся повѣсами, а два подъ старость, или правильнѣе сказать два въ дряхлыя ихъ, хотя нестарыя лѣта, становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣніе, и проч. . . . . Смотря иногда на большаго моего сына, и размышляя, что онъ скоро войдетъ въ службу, или другими сказать словами, что птичка вылѣтитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся. Недля того, что бы служба сама по себѣ, развращала нравы; но для того, что бы со зрѣлыми нравами надлежало начинать службу.—Иной скажетъ: а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шѣю.—Кто? Примѣръ общій. Штабъ Офицеръ семнадцати лѣтъ; Полковникъ двадцатилѣтней; Генералъ двадцатилѣтней; Камергеръ Сенаторъ, Намѣстникъ, начальникъ войскъ. И какому отцу незахочется, что бы дѣти его, хотя въ малолѣт-

ствѣ, были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ въ слѣдъ богатство, честь и разумъ.—Смотря на сына моего представляется мнѣ: онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть въ карты, картами доставать прокормленіе, говорить обо всемъ ни чего немысля, таскаться по дѣвкамъ, или врать чепуху барынямъ. Какимъ то образомъ фортуна вертясь на курей ножкѣ, приголубила его; и сынокъ мой небрѣя еще бороды, сталъ знатнымъ бояриномъ. Возмѣчталъ онъ о себѣ что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого полководца или градоначальника?—Скажи по истиннѣ отецъ чадолюбивый, скажи о истинный гражданинъ! незахочется ли тебѣ сынка твоего, лучше удавить нежели отпустить въ службу. Небольно ли сердцу твоему, что сынокъ твой, знатной бояринъ, презираетъ заслуги и достоинства, для того, что ихъ участь пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, пронырства гнушаяся? Невозрыдаешъ ли ты, что сынокъ твой любезной, съ пріятною улыбкою отнимать будетъ имѣніе, честь; отравлять и рѣзать людей, не своими всегда боярскими руками но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ.

Крестицкой дворянинъ, казалося мнѣ, былъ лѣтъ пятидесяти. Рѣдкія сѣдины едва пробивалися сквозь свѣтлорусыя власы главы его. Правильныя черты лица его, знаменовали души его спокойствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, незлобіемъ раждаемаго, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прельщающими; взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи

его, очи благорастворенаго разсудка, казалися подернуты легкой плѣною печали; но искры твердости и упованія пролѣтали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноши, возраста почти равнаго, единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествіи разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя, ускоряла во младшемъ развереженіе ума, а любовь братня, умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя, правила жизни знали они равно, но острота разума и движенія сердца, природа въ нихъ насадила различно. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движеніе оныхъ, необманьчивый были знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ.— На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостію, отъ горести предстоящей разлуки происходящею, а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства.—Рѣдкія капли слезъ, точилися изъ ихъ очей.—Друзья мои, сказалъ отецъ, сего дня мы разстанемся—и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей.—Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ обратясь ко мнѣ: будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ передъ Свѣтомъ, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное къ тому имѣю побужденіе, да приобрѣтутъ опытности, да познаютъ человѣка изъ его дѣяніи, и наскучивъ грѣмленіемъ мирскаго житія да оставятъ его съ радостію;

но да имутъ отишіе въ гоненіи, и хлѣбъ насущный въ скудости. А для сего то остаюся я на нивѣ моей. Недаждь владыко всещедрый, недаждь имъ скитатися за милостынею вельможъ, и обрѣтати въ нихъ утѣшителя! Да будетъ соболѣзнуяй о нихъ, ихъ сердце; да будетъ имъ творяй благостыню, ихъ разсудокъ.—Возсядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душъ вашихъ долженствуетъ.—Еще повторю вамъ, сего дня мы разлучимся.—Съ неизреченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты вашего лица. Да отнесетъ сіе души вашей зыбленіе, совѣтъ мой во святая ее, да восколеблется она при моемъ воспоминовеніи, и дабуду отсутственъ, оградою вамъ отъ золъ и печалей.

Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятіи мои, невосхотѣлъ николи, что бы кто либо былъ рачителемъ въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда, наемная рачительница некасалася тѣлеси вашего, и никогда, наемный наставникъ некоснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности, бдѣло надъ вами денноночно, да неприближится васъ оскорбленіе; и блаженъ нарицаюся, доведши васъ до разлученія со мною. Но невоображайте себѣ, что бы я хотѣлъ изторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе, или же признаніе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланнаго. Вождаемъ собственныя корысти побужденіемъ, предпріемлемое на вашу пользу, имѣло всегда въ виду собственное мое услажденіе. И такъ изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею. Вы мнѣ ни чемъ необязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, хощу искати твердости союза нашего. Онъ

оснуется на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, если его въ забвеніи оставите! Образъ мой преслѣдуя нарушителю союза нашея дружбы, поженетъ его въ сокровенности его, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже невозвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, вы мнѣ ни чемъ недолжны. Возрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ наивеличайшемъ на земли благоденствіи.— Если же оно безъ ощущенія пребудетъ—да забвени будемъ другъ друга, яко же намъ неродитися. Даждь всещедрый, сего да не узрю, отошедъ въ нѣдра твоя сіе предваряяй! Недолжны вы мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе, а меньше всего за рожденіе.—За рожденіе?—Участники были ли вы въ немъ? Вопрошаемы были ли да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имѣли, или во вредъ? Извѣстенъ ли отецъ и мать рождая сына своего, блаженъ будетъ въ житіи или злополученъ? Кто скажетъ, что вступая въ супружество, помышлялъ о наслѣдіи и потомкахъ; а если имѣлъ сіе намѣреніе, то блаженства ли ихъ ради, произвести ихъ желалъ, или же на сохраненіе своего имени. Какъ желать добра тому, кого незнаю, и что сіе? Добромъ назваться можетъ ли желаніе неопредѣленное, помаваемое неизвѣстностію?—Побужденіе къ супружеству, покажетъ и вину рожденія. Прельщенный, душевною паче добротою матери вашея, нежели лѣпотою лица, я употребилъ способъ вѣрный на взаимню горячность, любовь искренную. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги. Но какое было побужденіе нашея любви? Взаимное услажденіе; услажденіе плоти и духа. Вкушая веселіе, природой

повелѣнное о васъ мы немыслили. Рожденіе ваше намъ было пріятно, но не для васъ. Произведеніе самаго себя льстило тщеславію; рожденіе ваше было новый и чувственный, такъ сказать, союзъ союзъ сердецъ подтверждающій. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; подкрѣпляется онъ привычкою, ощущеніемъ своея власти, отраженіемъ похвалъ сыновнихъ къ отцу.— Мать ваша, равнаго со мною была мнѣнія, о ничтожности должностей вашихъ, отъ рожденія проистѣкающихъ. Негордилася она предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ, нетребовала признательности питая васъ своею кровію; нехотѣла почтенія за болѣзни рожденія, ни за скуку воскормленія сосцами своими. Она тщилася благую вамъ дать душу, яко же и сама имѣла, и въ ней хотѣла насадить дружбу, но не обязанность, не должность, или рабское повиновеніе. Недопустилъ ее рокъ зрѣти плодовъ ея насажденій. Она насъ оставила, съ твердостію хотя духа, но кончины еще нежелала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляяся ей, мы совсемъ ее непотеряемъ. Она поживетъ съ нами, доколѣ къ ней не отыдемъ. Вѣдаете, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть, бесѣдовати о родшей васъ. Тогда мнится душа ея бесѣдуетъ съ нами, тогда становится она намъ присудственна, тогда въ насъ она является, тогда она еще жива.—И отиралъ вѣщающій, капли задержанныхъ въ душѣ слезъ.—

Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденіе, толико же обязаны и за воскормленіе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу; ихъ ли

ради сіе дѣлаю?—Отраду, увеселеніе, или пользу въ томъ нахожу мою собственную. Съ таковымъ же побужденіемъ производятъ воскормленіе дѣтей. Родившися въ свѣтъ вы стали граждане общества, въ коемъ живетѣ. Мой былъ долгъ васъ воскормить; ибо если бы допустилъ до васъ кончину безвременную, былъ бы убійца. Если я рачительнѣе былъ въ воскормленіи вашемъ, нежели бываютъ многіе, то слѣдовалъ чувствованію моего сердца. Власть моя да пекуся о воскормленіи вашемъ, или небрегу о немъ; да сохраню дни ваши, или разточителемъ въ нихъ буду; оставлю васъ живыхъ, или дамъ умрети завременно; есть ясное доказательство, что вы мнѣ необязаны, въ томъ что живы. Если бы умерли отъ моего о васъ небреженія, какъ то многіе умираютъ, мщеніе закона меня бы непреслѣдовало.—Но скажутъ обязаны вы мнѣ за ученіе и наставленіе.—Немоей ли я въ томъ искалъ пользы, да благи будите. Похвалы воздаваемыя доброму вашему поведѣнію, разсудку, знаніямъ, искуству вашему, распростираяся на васъ, отражаются на меня, яко лучи солнечны отъ зеркала. Хваля васъ, меня хвалятъ. Что успѣлъ бы я если бы вы вдалися пороку, чужды были ученія, тупы въ разсужденіяхъ, злобны, подлы, чувствительности неимѣя. Нетолько сострадатель былъ бы я въ вашемъ косвенномъ хожденіи, но жертва, можетъ быть вашего неистовства. Но нынѣ спокоенъ остаюся, отлучая васъ отъ себя; разумъ прямъ, сердце ваше крѣпко, и я живу въ немъ. О друзья мои, сыны моего сердца! родивъ васъ, многія имѣлъ я должности въ отношеніи къ вамъ, но вы мнѣ ни чемъ недолжны; я ищу вашей дружбы и

любови; если вы мнѣ ее дадите, блаженъ отыду къ началу жизни, и невозмущуся при кончинѣ оставляя васъ на вѣки, ибо поживу на памяти вашей.

Но если я исполнилъ должность мою въ воспитаніи вашемъ, обязанъ сказати нынѣ вамъ вину, по что васъ такъ, а неиначе воспитывалъ и для чего сему а недругому васъ научилъ; и для того услышите повѣсть о воспитаніи вашемъ, и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Со младенчества вашего принужденія вы нечувствовали. Хотя въ дѣяніяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, неощущали однакоже ни коли ея направленія. Дѣянія ваши были предъузнаты и предваряемы; нехотѣлъ я, что бы робость или послушаніе повиновенія, малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ нетерпящь велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ, находилъ я что уклонялися отъ пути мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда остановлялъ я ваше шествіе, или лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ прежній путь, яко потокъ оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность неприсудствовала во мнѣ, когда казалося, нерачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, что бы на мгновеніе тѣло ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудите въ возрастѣ совершенномъ. И для того почасту ходили вы босы непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи возлѣжали на отдохновеніе, на скаміи или на камени. Неменьше старал-

ся я, удалить васъ отъ убійвственной пищи и питія. Труды, наши лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Воспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда, хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской!

Неробщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что неимѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а некакъ обычай или мода велитъ; что одѣваетеся не со вкусомъ, что волосы ваши кудрятся рукою природы а не чесателя. Неробщите если будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что неумѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете неутомляяся, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Неопечальтеся, что вы скакать неумѣете какъ скоморохи. Вѣдайте, что лучшее плясаніе ни чего непредставляетъ величественнаго; и если нѣкогда тронуты будете зрѣніемъ онаго, то любострастіе будетъ тому корень, все же другое оному постороннее.—Но вы умѣете изображать, животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты Царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденіе, нетокмо чувствъ, но и разума.—Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка приводя внутренность въ движеніе, дѣлаетъ мягкосердіе въ насъ привычкою.—Научилъ я васъ и варварскому искуству сражаться мечемъ. Но сіе искуство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохран-

ность того невостребуетъ. Оно, уповаю, несдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы твердой имѣете духъ, и обидою несочтете, если оселъ васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. — Небоитесь сказать ни кому, что вы корову доить умѣете, что шти и кашу сварите, или зажаренной вами кусокъ мяса, будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная всѣ въ исполненіи трудности.

Во младенчествѣ и отрочествѣ, неотягощалъ я разсудка вашего, готовыми размышленіями, или мыслями чуждыми, неотягощалъ памяти вашей излишними предмѣтами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ приобрѣли нетвѣрдя, какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока якова. Слѣдуя сему правилу доколѣ силы разума небыли въ васъ дѣйствующи, непредлагалъ я вамъ понятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу, пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній, непредразсудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ

васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, что бы вы могли сами избирать между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія неробко.

Преподавая вамъ свѣдѣніи о наукахъ, неоставилъ я ознакомить васъ съ различными народами, изъучивъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственной, да умѣете на ономъ изъяснять ваши мысли словесно и письменно, что бы изъясненіе сіе было въ васъ непринужденно, и поту на лицѣ непроизводило. Аглинской языкъ, а потомъ Латинскои, старался я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ. Ибо упругость духа вольности, переходя въ изображеніе рѣчи, приучитъ и разумъ къ твердымъ понятіямъ, столь во всякихъ правленіяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ я, направлять стопы ваши въ стезяхъ науки, тѣмъ бдѣтельнѣе тщился быть во нравственности вашей. Старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный, мщеніе производящій. Мщеніе!... душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенія, оставили только оберегательность своего сложенія, поправъ желаніе возвращать уязъвленія.

Нынѣ настало то время, что чувствы ваши дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства еще понятія о возбуждаемомъ; начинаютъ тревожиться всякою внѣшностію, и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Нынѣ достигли времени, въ которое, какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и недѣланія; а лучше сказать,

когда чувства доселѣ одержимыя плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе, или когда жизненныя соки исполнивъ сосудъ юности, превышать начинаютъ его воскраія, ища стезю свойственнымъ для нихъ стремленіямъ. Я сохранилъ васъ неприступными доселѣ превратнымъ чувствъ потрясеніямъ, но несокрылъ отъ васъ невѣденія покровомъ, пагубныхъ слѣдствій, совращенія отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество, чувственнаго насыщенія, и возгнушалися; свидѣтели были страшнаго волненія страстей, превысившихъ брега своего естественнаго теченія, познали гибельныя ихъ опустошенія, и ужаснулися. Опытность моя носяся надъ вами, яко новый Егидъ охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленій. Нынѣ будете сами себѣ вожди, и хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинаній, ибо сердце и душа ваша мнѣ отверсты; но яко свѣтъ отдаляяся отъ предмѣта менѣе его освѣщаетъ, тако и вы отриновенны моего присудствія, слабое ощутите согрѣніе моея дружбы. И для того преподамъ вамъ, правила единожитія и общежитія, дабы по усмиреніи страстей, невозгнушалися дѣяній во оныхъ свершенныхъ, и непознали, что есть раскаяніе.

Правила единожитія елико то касатся можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и нравственности. Незабывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Упражненіе оныхъ умѣренное, укрѣпитъ ихъ неистощевая, и послужитъ ко здравію вашему, и долгой жизни. И для того упражняйтеся въ искуствахъ, художествахъ и ремеслахъ вамъ извѣстныхъ. Совершенствованіе въ

оныхъ, иногда можетъ быть нужно. Неизвѣстно намъ грядущее. Если непріязненное щастіе отъимѣтъ у васъ все, что оно вамъ дало; богаты пребудете во умѣренности желаній, кормяся дѣломъ рукъ вашихъ. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга, излѣненіе и неумѣренное чувствъ услажденіе, губятъ и тѣло и духъ. Ибо изнуряяй тѣло невоздержностію, изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленіе же силъ, укрѣпитъ тѣло а съ нимъ и духъ. Если почувствуешъ отвращеніе къ яствамъ, и болѣзнь постучится у дверей; воспряни тогда отъ одра твоего, на немъ же лѣлѣешъ чувства твои, приведи уснувшіе члены твои въ дѣйствіе упражненіемъ, и почувствуешъ мгновенное силъ обновленіе; воздержи себя отъ пищи нужной во здравіи, и гладъ сдѣлаетъ пищу твою сладкою, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что на утоленіе глада, нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благодѣтельное лишеніе внѣшнихъ чувствованій, сонъ, удалится отъ твоего возглавія, и невозможешъ возобновить силъ разумныхъ и тѣлесныхъ; бѣги изъ чертоговъ твоихъ, и утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ, и почіешъ во здравіе.

Будьте опрятны въ одеждѣ вашей; тѣло содержите въ чистотѣ; ибо чистота служитъ ко здравію, а неопрятность и смрадность тѣла, нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но небудьте и въ семъ неумѣренны. Негнушайтесь, пособить поднимая погрязшую во рвѣ тѣлегу, и тѣмъ облегчить упадшаго; вымараете руки, ноги и тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины уничиженія; утѣшайте томящагося нищетою; вкусите его

брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбящему.

Нынѣ достигли вы, повторю, того страшнаго времени и часа, когда страсти пробуждатся начинаютъ но разсудокъ слабъ еще на ихъ обузданіе. Ибо чаша разсудка безъ опытности, на вѣсахъ воли воздымется; а чаша страстей опустится мгновенно долу. И такъ, къ равновѣсію неиначе приближиться можно, какъ трудолюбіемъ. Трудитеся тѣломъ; страсти ваши нестоль сильное будутъ имѣть волненіе, трудитеся сердцемъ, упражняяся въ мягкосердіи, чувствительности, соболѣзнованіи, щедротѣ, отпущеніи, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитеся разумомъ, упражняяся въ чтеніи, размышленіи, разысканіи истинны, или произшествій; и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но невозмните въ восторгѣ разсудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самою природою. Когда чувствы наши, внѣшнія и внутреннія ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нѣе же уснулъ бы онъ въ бездѣйствіи. Совершенно безстрастный человѣкъ, есть глупецъ и истуканъ нелѣпый, невозмогаяй ни благаго ни злаго. Не достоинство есть, воздержатися отъ худыхъ помысловъ, немогши ихъ сотворить. Безрукой не можетъ уязвить ни кого; но неможетъ подать помощи утопающему, ни удержати на брегѣ падающаго въ пучину моря.—И такъ умѣренность во страсти есть благо; шествіе во стезѣ средою, есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель;

безстрастіе есть нравственная смерть. Яко же шествениикъ отдаляяся среды стези, вдается опасности ввергнутися въ тотъ или другой ровъ, такого бываетъ шествія во нравственности. Но буде страсти ваши, опытностію, разсудкомъ, и сердцемъ направлены къ концу благому, скинь съ нихъ бразды томнаго благоразумія, не сокращай ихъ полѣта; мѣта ихъ будетъ всегда величіе; на немъ единомъ остановиться онѣ умѣютъ.

Но если я васъ побуждаю небыть безстрастными, паче всего потребно въ юности вашей, умѣренность любовныя страсти. Она природою насаждена въ сердцѣ нашемъ, ко блаженству нашему. И такъ въ возрожденіи своемъ никогда ошибиться неможетъ, но въ своемъ предмѣтѣ, и неумѣренности. И такъ блюдитеся, да неошибетеся въ предмѣтѣ любви вашея, и да непочтете взаимною горячностію оныя образъ. Съ благимъ же предмѣтомъ любви, неумѣренность страсти сея, будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія произтекаетъ. Разуму вашему, едва шествіе свое начинающему, сіе бы было непонятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ, была бы вамъ неощутительна, а потому и безполезна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, воспомяните о родшей васъ. Представте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимныя лобызанія, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое

содроганіе. Что оно есть? Познаете со временемъ; а днесь довольны будьте онаго ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ въ кратцѣ къ правиламъ общежитія. Предписать ихъ неможно съ точностію; ибо разполагаются они часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но дабы, колико возможно, менѣе ошибаться; при всякомъ начинаніи, вопросите ваше сердце; оно есть благо, и николи обмануть васъ неможетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности неошибетеся, если сердце имѣете благое. Но слѣдовати возмнивый разсудку, неимѣя на брадѣ власовъ, опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ.

Правила общежитія относятся ко исполненію, обычаевъ и нравовъ народныхъ, или ко исполненію закона, или ко исполненію добродѣтели. Если въ обществѣ нравы и обычаи непротивны закону, если законъ неполагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи, то исполненіе правилъ общежитія есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ, многими наполнены во нравахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ, противорѣчіями. И отъ того трудно становится, исполненіе должности человѣка и гражданина, ибо нерѣдко онѣ находятся въ совершенной противуположности.

Понеже добродѣтель, есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненіе ея, ни чемъ недолженствуетъ быть препинаемо. Небреги обычаевъ и нравовъ, небреги закона гражданскаго и священнаго, столь святыя въ обществѣ вещи, буде исполненіе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Недерзай николи нарушенія ея, прикрывати робостію благоразумія. Благоденственъ безъ нея будешъ во внѣшности, но блаженъ николи.

Послѣдуя тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы приобрѣтемъ благопріятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписаніе закона, можемъ приобрѣсти, названіе честнаго человѣка. Исполняя же добродѣтель, приобрѣтемъ общую довѣренность, почтеніе и удивленіе, даже и въ тѣхъ, кто бы не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Коварный Аѳинскій Сенатъ, подавая чашу съ отравою Сократу, трепеталъ во внутренности своей, предъ его добродѣтелію.

Недерзай никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона. Законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества. И если бы самъ Государь велѣлъ тѣбѣ нарушить законъ, неповинуйся ему, ибо онъ заблуждаетъ, себѣ и обществу во вредъ. Да уничтожитъ законъ, яко же нарушеніе онаго повелѣваетъ; тогда повинуйся, ибо въ Россіи Государь есть источникъ законовъ.

Но если бы, законъ или Государь, или бы какая либо на земли власть, подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели, пребудь въ оной неколебимъ. Небойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, яко камень среди бунтующихъ но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердь твою; и если предадутъ тебя смерти, осмѣяны будутъ, а ты поживешъ на памяти благородныхъ душъ, до скончанія вѣковъ. Убойся заранѣе, именовать благоразумiемъ, слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага. Сего дня нарушишъ ее уваженія ради каковаго, завтра нарушеніе ея казаться будетъ самою добродѣтелію; и такъ порокъ воцарится въ сердцѣ твоемъ, и исказитъ черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоемъ.

Добродѣтели суть или частныя или общественныя. Побужденія къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень всегда ихъ благъ. Побужденія къ добродѣтелямъ общественнымъ, нерѣдко имѣютъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того ненадлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ надъ нимъ же вращаются, придаетъ имъ важности. Въ спасшемъ Курціи отечество свое, отъ пагубоносныя язвы, никто незритъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго, или наскучившаго жизнію, но Ироя. Если же побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ, начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упражняйтеся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могли удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ, нѣкоторыя исполнительныя правила жизни.—Старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ, заслужить собственное свое почтеніе; дабы обращая во уединеніи взоры свои во внутрь себя, нетокмо немогли бы вы раскаяваться о сдѣланномъ, но взирали бы на себя со благоговѣніемъ.

Слѣдуя сему правилу удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболѣпствованія. Вошедъ въ свѣтъ узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ; обычай скаредной, ничего незначущей, показующей въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надмѣнности, и слабой разсудокъ. У Римлянъ было похожее сему обыкновеніе, которое они называли амбиціо, то есть снисканіе или обхожденіе; а отъ туда и любочестіе названо амбиціо, ибо посѣ-

щеніями именитыхъ людей, юноши снискивали себѣ путь, къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у Римлянъ обычай сей введѣнъ былъ для того, что бы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научалися, то сомнѣваюсь, что бы цѣль въ обычаѣ семъ, всегда непорочна сохранилася. Въ наши же времена посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею никто неимѣетъ, но снисканіе ихъ благопріятства. Итакъ да непреступитъ нога ваша, порога отдѣляющаго раболѣпство, отъ исполненія должности. Непосѣщай николи передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія твоего. Тогда среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобострастіемъ, въ душѣ своей тебя, хотя съ негодованіемъ, но отъ нее отличитъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои, прежде, нежели въ благомъ пути отвердѣете; и юны еще восхитятъ васъ страсти изъ стези разсудка; то неотчаевайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя, возлюбите добро. Разпутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надѣжду исправленія; ибо скользятъ по поверхности сердца, его неуязвляя. Я лучше желаю что бы во младыхъ лѣтахъ вашихъ, вы были разпутны, расточительны, наглы; нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ, нежели чемъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ, означаетъ всей разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій ь щеголь; но щегольство его имѣло цѣль. женщинамъ въ юности его, была къ сему

побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя, облекся бы мгновенно во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній.

Во младомъ человѣкѣ. нетокмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣяніями жизни, прикрывать будете коварство, ложъ, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство; то хотя ослѣпите современниковъ вашихъ, блескомъ ясной наружности, хотя ненайдете ни кого столь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истинны; немните однако же, затмить взоры прозорливости.—Проникнетъ она свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель черноту души вашей обнажитъ. Возненавидитъ ее сердце твое, и яко чувственница увѣдать станетъ прикосновеніемъ твоимъ, но мгновенно, но стрѣлы ея издалека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите возлюбленные мои, простите друзья души моей; днѣсь при сопутномъ вѣтрѣ, отчальте отъ брега чуждыя опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житія человѣческаго, да научитеся управляти сами собою. Блажени, непретерпѣвъ крушенія, если достигнете пристанища, его же жаждемъ. Будьте щастливы во плаваніи вашемъ. Се искренное мое желаніе. Естественныя силы мои истощавъ движеніемъ и жизнію, изнемогутъ и угаснутъ; оставлю васъ на вѣки; но се мое вамъ завѣщаніе. Если ненавистное щастіе, истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли неостанется, если доведенну до крайности, небудетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенія; тогда воспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же

щеніями именитыхъ людей, юноши снискивали себѣ путь, къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у Римлянъ обычай сей введѣнъ былъ для того, что бы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научалися, то сомнѣваюсь, что бы цѣль въ обычаѣ семъ, всегда непорочна сохранилася. Въ наши же времена посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею никто неимѣетъ, но снисканіе ихъ благопріятства. Итакъ да непреступитъ нога ваша, порога отдѣляющаго раболѣпство, отъ исполненія должности. Непосѣщай николи передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія твоего. Тогда среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобострастіемъ, въ душѣ своей тебя, хотя съ негодованіемъ, но отъ нее отличитъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои, прежде, нежели въ благомъ пути отвердѣете; и юны еще восхитятъ васъ страсти изъ стези разсудка; то неотчаевайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя, возлюбите добро. Разпутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надѣжду исправленія; ибо скользятъ по поверхности сердца, его неуязвляя. Я лучше желаю что бы во младыхъ лѣтахъ вашихъ, вы были разпутны, расточительны, наглы; нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ, нежели чемъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ, означаетъ всегда сжатой разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій Кесарь былъ щеголь; но щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его, была къ сему

побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя, облекся бы мгновенно во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній.

Во младомъ человѣкѣ. нетокмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣяніями жизни, прикрывать будете коварство, ложъ, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство; то хотя ослѣпите современниковъ вашихъ, блескомъ ясной наружности, хотя ненайдете ни кого столь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истинны; немните однако же, затмить взоры прозорливости.—Проникнетъ она свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель черноту души вашей обнажитъ. Возненавидитъ ее сердце твое, и яко чувственница увѣдать станетъ прикосновеніемъ твоимъ, но мгновенно, но стрѣлы ея издалека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите возлюбленныс мои, простите друзья души моей; днѣсь при сопутномъ вѣтрѣ, отчальте отъ брега чуждыя опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житія человѣческаго, да научитеся управляти сами собою. Блажени, непретерпѣвъ крушенія, если достигнете пристанища, его же жаждемъ. Будьте щастливы во плаваніи вашемъ. Се искренное мое желаніе. Естественныя силы мои изтощавъ движеніемъ и жизнію, изнемогутъ и угаснутъ; оставлю васъ на вѣки; но се мое вамъ завѣщаніе. Если ненавистное щастіе, изтощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли неостанется, если доведенну до крайности, небудетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенія; тогда воспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же

отъяти у тебя тщатся.—Умри.—Въ наслѣдіе вамъ оставляю слово умирающаго Катона.—Но если во добродѣтели умрети возможешъ, умѣй умреть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ.—Если забывъ мои наставленія поспѣшать будешъ на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели, возтревожится; явлюся тебѣ въ мечтѣ.—Возпряни отъ ложа твоего, преслѣдуй душевно моему видѣнію.—Если тогда источится слеза изъ очей твоихъ, то усни паки; пробудишся на исправленіе. Но если среди злыхъ твоихъ начинаній, воспоминая обо мнѣ, душа твоя незыбнется, и око пребудетъ сухо... Се сталь, се отрава.—Избавь меня скорьби; избавь землю поносныя тяжести.—Будь мой еще сынъ.—Умри на добродѣтель.

Вѣщавшу сіе старцу, юношескій румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его; взоры его испускали лучи надежнаго радованія, черты лица сіяли сверхъестественнымъ веществомъ.—Онъ облобызалъ дѣтей своихъ, и проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разстанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться; упругая сія душа, смягчилася. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; онъ руки свои простиралъ въ слѣдъ за отъѣзжающими; казалося, будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши узрѣвъ издали родшаго ихъ въ такой печали, возрыдали столь громко, что вѣтръ, доносилъ жалостной ихъ стонъ до слуха нашего. Они простирали такъ же руки къ отцу своему; и казалося будто его къ себѣ звали. Немогъ старецъ снести сего зрѣлища; силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ, пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей,

отъ взоровъ нашихъ: пришедъ въ себя старецъ, сталъ на колѣни и возвѣлъ руки и взоры на небо: Господи, воззопилъ онъ, молю тебя, да укрѣпишъ ихъ въ стезяхъ добродѣтели, молю блажени да будутъ. Вѣси, николи не утруждалъ тебя Отецъ всещедрый, безполезною молитвою. Увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее тебѣ въ насъ, есть добродѣтель; дѣянія чистаго сердца, суть наилучшая для тебя жертва... Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ моихъ... Господи да будетъ на нихъ воля твоя.—Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слово Крестицкаго дворянина невыходило у меня изъ головы. Доказательства его, о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, казалися мнѣ неоспоримы. Но если въ благоучрежденномъ обществѣ нужно, что бы юноши почитали старцевъ, и неопытность совершенство, то нѣтъ кажется нужды, власть родительскую дѣлать безпредѣльною. Если союзъ между отцемъ и сыномъ, не на нежныхъ чувствованіяхъ сердца основанъ, то онъ конечно нетвердъ; и будетъ нетвердъ, во преки всѣхъ законоположеній. Если отецъ въ сынѣ своемъ видитъ своего раба, и власть свою ищетъ въ законоположеніи; если сынъ почитаетъ отца наслѣдія ради; то какое благо изъ того обществу? Или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазухой... Отецъ обязанъ сына воскормить и научить, и долженъ наказанъ быть за его проступки, доколѣ онъ невойдетъ въ совершеннолѣтіе; а сынъ должности свои да обрящетъ въ своемъ сердцѣ. Если онъ ни чего не ощущаетъ, то виновенъ отецъ, по что ничего ненасадилъ. Сынъ же въ правѣ требовати

отъ отца вспомоществованія, доколѣ пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ; но въ совершеннолѣтіи естественнная сія и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ неищетъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда сіи возмужаютъ. Се есть законъ природы. Если гражданскіе законы отъ него удалятся, то производятъ всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, мать или наставника, доколѣ любленіе его необратится ко другому предмѣту. Да неоскорбится симъ сердце твое отецъ чадолюбивый; естество того требуетъ. Единое въ томъ тебѣ утѣшеніе да будетъ воспоминая, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца, до совершеннаго только возраста. Тогда же отъ тебя зависѣть будетъ, обратить его горячность къ тебѣ. Если ты въ томъ успѣешъ, блаженъ и почтенія достоинъ.—Въ таковыхъ размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

ЯЖЕЛБИЦЫ.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытаніе. Я отецъ, имѣю нѣжное сердце, къ моимъ дѣтямъ. Для того то слово Крестицкаго дворянина, меня столь тронуло. Но потрясши меня до внутренности, изліяло нѣкое усладительное чувствованіе надѣжды, что блаженство наше въ отношеніи дѣтей нашихъ, зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было, быть зрителемъ позорища, которое глубокій корень печали, оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды, на его истребленіе. О юность! услыши мою повѣсть; познай свое заблужденіе; воздержись отъ произвольныя гибели; и пресѣки путь къ будущему раскаянію.

Я проѣзжалъ мимо кладьбища. Необыковенной вопль терзающаго на себѣ власы человѣка, понудилъ меня остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершалось погребеніе. Надлежало уже гробъ опускать въ могилу, но тотъ, котораго я издали зрѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и ухватясь за оной весьма крѣпко, недозволялъ оной опускать въ землю. Съ великимъ трудомъ, отвлекли его отъ гроба, и опустя оной въ могилу, зарыли ее поспѣшно. Тутъ страждущій вѣщалъ къ предстоящимъ: почто вы меня его лишили, почто меня съ нимъ не-

погребли живаго, и нескончали моей скорби и раскаянія. Вѣдайте, вѣдайте, что я есмь убійца возлюбленнаго моего сына, его же мертва предали землѣ. Недивитеся сему. Я непрекратилъ жизни его ни мечемъ, ни отравою. Нѣтъ я болѣе сего сдѣлалъ. Я смерть его уготовалъ до рожденія его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убійца, каковыхъ много, но есмь убійца лютѣйшій другихъ. Убійца сына моего до рожденія его. Я, я единъ прекратилъ дни его, изліявъ томный ядъ въ начало его. Онъ воспретилъ укрѣпиться силамъ тѣла его. Во все время житія своего, ненаслаждался онъ здравіемъ ни дня единаго; и томящагося въ силахъ своихъ, развѣрстіе яда пресѣкло теченіе жизни. Никто, никто мѣня ненакажетъ за мое злодѣяніе!—Отчаяніе ознаменовалося на лицѣ его, и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста.—

Нечаянный хладъ разліялся въ моихъ жилахъ. Я оцепенѣлъ. Казалося мнѣ, я слышалъ мое осужденіе. Воспомянулъ дни, распутныя моея юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда востревоженная чувствами душа, гонялася за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи, истиннымъ предмѣтомъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастіи, навлекло тѣлу моему, смрадную болѣзнь. О если бы недалѣе она корень свой испускала! О если бы она съ утоленіемъ любострастія прерывалася! Пріявъ отраву сію въ веселіи, нетокмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству.—О друзья мои возлюбленные, о чада души моей! Невѣдаете вы, колико согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело, есть мое осужденіе. Страшусь возвѣстить вамъ о болѣзни,

иногда вами ощущаемой. Возненавидите, можетъ быть меня, и въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы неносите въ крови вашей сокровеннаго жала, опредѣленнаго, да скончаетъ дни ваши безвременно. Пріявъ сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, затвердѣлость моихъ членовъ противилася его распространенію, и борется съ его смертоносностію. Но вы пріявъ его отъ рожденія вашего, нося его въ себѣ, какъ нужную часть сложенія; какъ воспротивитесь разрушительному его созженію? Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сея отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества, призовите на помощь врачебное искуство, и если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отверзается очамъ моимъ, все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Согрѣшилъ предо мною, навлекши себѣ безвремянную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрѣшилъ предъ вами, отравивъ жизненныя ваши соки, до рожденія вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравіе, и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ, и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ источаяся въ веселіи преселился въ чистсе ея тѣло, и отравилъ непорочные ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ, чѣмъ былъ сокровеннѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ ее въ томъ предостеречь; она же неостерегалася отравителя своего, въ горячности своей къ нему. Воспаленіе, ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣлен-

ной ей мною отравы... О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сія смрадная болѣзнь, во всѣхъ Государствахъ дѣлаетъ столь великія опустошенія, нетокмо пожиная много настоящаго поколѣнія, но сокращая дни грядущихъ? Кто причиною, развѣ не правительство? Оно дозволяя разпутство мздоимное, отверзаетъ нетокмо путь ко многимъ порокамъ; но отравляетъ жизнь гражданъ. Публичныя женщины находятъ защитниковъ, и въ нѣкоторыхъ Государствахъ, состоятъ подъ покровительствомъ начальства. Если бы, говорятъ нѣкоторые, запрещено было наѣмное удовлѣтвореніе любовныя страсти, то бы нерѣдко были чувствуемы, сильныя въ обществѣ потрясенія. Увозы, насилія, убійство, нерѣдко бы источникъ свой имѣли въ любовной страсти. Могли бы они потрясти и самыя основанія обществъ.—И вы желаѣте лучше тишину и съ нею томленіе и скорбь, нежели тревогу и съ нею здравіе и мужество. Молчите скаредные учители, вы есте наемники мучительства; оно проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ засыпляемыхъ лестію въ оковы. Боится оно даже постороннія тревоги. Желалобы, чтобъ вездѣ одинако съ нимъ мыслили, дабы надежно лѣлѣятся въ величествѣ и утопать въ любострастіи... Я неудивляюся глаголамъ вашимъ. Сродно рабамъ желати, всѣхъ зрѣть въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребій, а превосходство чье либо, тягчитъ ихъ разумъ и духъ.

ВАЛДАИ.

Новой сей городокъ, сказываютъ, населенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ Поляками. Сей городокъ достопамятѣнъ, въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ незамужнихъ.

Кто небывалъ въ Валдаяхъ, кто незнаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненыхъ дѣвокъ? Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ, и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростью, на щетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей, сея въ города произведѣнныя деревни, со нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешъ, что она есть наидревнѣйшая и что развратные нравы, суть единые токмо остатки ея древняго построенія. Но какъ немного болѣе ста лѣтъ какъ она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованій. Путешественникъ условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается,

идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаетъ или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ея, или сосѣдки. Отираютъ его утомлѣнные члены; омываютъ его грязь. Сіе производятъ совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огнь, и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здравіе и драгоцѣнное на путешествіе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника, сіи любострастныя чудовища, предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Невѣдаю, правда ли сіе, но то правда, что наглость Валдайскихъ дѣвокъ сократилася. И хотя они неоткажутся и нынѣ удовлетворить желаніямъ путешественника, но прежней наглости въ нихъ невидно.

Валдайское озеро, надъ которымъ построенъ сей городъ, достопамятно останется въ повѣствованіяхъ жертвовавшаго монаха жизнію своею ради своей любовницы. Въ полуторѣ верстѣ отъ города, среди озера, на островѣ, находится Иверской монастырь, славнымъ Никономъ Патріархомъ построенный. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного Валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ стала взаимною, скоро стремились они къ совершенію ея. Едидожды насладившися ея веселіемъ, не въ силахъ они были противиться ея стремленію. Но состояніе ихъ полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто изъ монастыря своего; любовницѣ нельзя было посѣщать кельи своего любовника. Но горячность ихъ все преодолѣла; изъ любострастнаго монаха она сдѣлала неустрашимаго мужа, и дала ему силы почти чрезъестественныя. Сей новый Леандръ,

дабы наслаждаться веселіемъ ежедневно въ объятіяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала чернымъ покровомъ все зримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и совлекая свои ризы, преплывалъ озеро до противустоящаго берега, гдѣ воспріемлемъ былъ въ объятія своей любезной. Баня и въ ней утѣхи любовныя для него были готовы; и онъ забывалъ въ нихъ опасность и трудность преплыванія, и боязнь, если бы отлучка его стала извѣстна. За нѣсколько часовъ до разсвѣта, возвращался онъ въ свою келью. Тако препроводилъ онъ долгое время въ сихъ опасныхъ преплытіяхъ, награждая веселіемъ ночнымъ, скуку дневнаго заключенія. Но судьба положила конецъ, его любовнымъ подвигамъ. Въ одну изъ ночей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы на зрѣніе своей любезной, внезапу возсталъ вѣтръ ему противной, будущу ему на средѣ пути его. Всѣ силы его немощны были, на преодоленіе разъяренныхъ водъ. Тщетно онъ утомлялся напрягая свои мышцы; тщетно возвышалъ гласъ свой, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамѣрился онъ возвратиться къ монастырю своему, дабы, имѣя попутной ветръ, тѣмъ легче онаго достигнуть. Но едва обратилъ онъ шествіе свое, какъ валы, осиливъ его утомленныя мышцы, затопили его въ пучинѣ. На утріе тѣло его найдено на отдаленномъ берегу. Если бы я писалъ Поэму на сіе, то бы читателю моему представилъ любовницу его въ отчаяніи. Но сіе было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, хотя на первое мгновеніе, скорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Невѣдаю и того, бросилась ли сія новая Геро въ озеро; или же въ слѣдующую

ночь, паки топила баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что Валдайскія красавицы отъ любви неумирали... развѣ въ больницѣ.

Нравы Валдайскіе переселилися и въ близь лежащей почтовой станъ, Зимногорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ. Прежде всего представятся взорамъ разрумяненныя дѣвки съ баранками. Но какъ молодыя мои лѣта уже прошли, то я поспѣшно разстался, съ мазанными Валдайскими и Зимногорскими Сиренами.

ЕДРОВО.

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ кибитки. Неподалеку отъ дороги надъ водою, стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ея стремленію направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Толпа сія состояла болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ они были въ праздничной одѣждѣ, шеи голыя, ноги босыя, локти наружѣ, платье заткнутое спереди за поясъ, рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное. Пріятности загрубѣвшія хотя, отъ зноя и холода, но прелестны безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ, въ устахъ улыбка, или смѣхъ сердечной; а отъ него видѣнъ становился рядъ зубовъ, бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголихъ съ ума свели. Приѣзжайте сюда любезныя наши боярыньки Московскіе и Петербурскія, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубнаго врача у нихъ нѣтъ. Несдираютъ они каждой день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками ни порошками. Станьте, съ которою изъ нихъ вы хотите, ротъ со ртомъ; дыханіе ни одной изъ нихъ незаразитъ вашего легкаго. А ваше, ваше можетъ быть, положитъ въ нихъ начало... болѣзни... боюсь сказать

какой; хотя незакраснѣетесь, но расердитесь.— Развѣ я говорю неправду?—Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ сквернымъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобою же; другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или чего Боже спаси, ежедневныхъ любовниковъ. Познакомясь сего дня и совершивъ свое желаніе, завтра его незнаетъ; да и того иногда незнаетъ, что уже она однимъ его поцѣлуемъ заразилася. А ты голубушка моя пятнадцатилѣтняя дѣвушка, ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоемъ я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ докторскихъ рукъ невыхаживалъ; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго старика Генерала, и спѣшитъ тебя выдать за мужъ, для того только, что бы несдѣлать съ тобой визита воспитательному дому. А за старикомъ то жить нехудо, своя воля; только бы быть за мужемъ, дѣти всѣ его. Ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше; болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ; съ первой ночи приучить его можно, неслѣдовать глупой старой модѣ, съ женою спать вмѣстѣ.—

И непримѣтилъ, какъ вы, мои любезныя городскія сватьюшки, тетушки, сестрицы, плѣмянницы и проч. меня долго задержали. Вы право того нестоите. У васъ на щекахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности... сажа. Все равно румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда, есть между ими на васъ похожія, но есть такія, каковыхъ въ городахъ слыхомъ неслыхано и видомъ неви-

дано... Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены. Вамъ смѣшно что у нихъ ступни въ пять вершковъ, а можетъ быть и въ шесть. Ну любезная моя племянница, съ трехъ вершковою твоею ножкою, стань съ ними рядомъ, и бѣгите въ запуски; кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей? А... а... ето не твое дѣло... А ты сестрица моя голубушка, съ трехъ четвертнымъ своимъ станомъ въ охватѣ, ты изволишъ издѣваться, что у сельской моей русалки, брюшко на волѣ выросло. Постой моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою. Ты ужъ десятой мѣсяцъ за мужемъ, и ужъ трехъ четвертной твой станъ изуродовался. А какъ то дойдетъ до родовъ, запоешъ другимъ голосомъ. Но дай Богъ, что бы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшка ходитъ повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ, но уже поздно. Сросшихся твоихъ на криво составовъ тѣмъ неспрямишъ.—Плачь мой любезной зять, плачь. Мать наша, слѣдуя плачевной и смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многія лѣта тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе. Она теперь возноситъ надъ главою ея смертоносное остріе; и если оно некоснется дней твоея супруги, благодари случай; а если вѣришъ, что провидѣніе Божіе о томъ заботилося, то благодари и его, коли хочешъ.—Но я еще съ городскими боярыньками.—Вотъ что привычка дѣлаетъ; отвязаться отъ нихъ нехочется. И право съ вами бы неразстался, если бы могъ довести васъ до того, что бы

вы лица своего и искренности нерумянили. Теперь прощайте.

Покуда я глядѣлъ на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрялся ити за нею въ слѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ двадцати, а конечно неболѣе семнадцати, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поравнявшись съ ней, началъ я съ нею разговоръ.—Нетрудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать незнаю.—Меня зовутъ Анною, а ноша моя нетяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя баринъ непопросила мнѣ пособить.—Къ чему такая суровость, Аннушка душа моя, я тебѣ худова нежелаю.—Спасибо, спасибо; часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты; пожалуй проходи своею дорогою.—Анютушка я право нетаковъ, какъ я тебѣ кажуся, и нетаковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришъ. Тѣ, думаю, такъ неначинаютъ разговора, съ деревенскими дѣвками: а всегда поцѣлуемъ; но я хотя бы тебя поцѣловалъ, то конечно бы такъ, какъ сестру мою родную.—Неподъѣзжай пожалуй; расказы таковыя я слыхала; а коли ты худова немыслишъ, чего же ты отъ меня хочешъ?—Душа моя Аннушка, я хотѣлъ знать, если у тебя отецъ и мать, какъ ты живешъ, богато ли или убого, весело ли, если у тебя женихъ?—А на что ето тебѣ баринъ. Отъ роду въ первой разъ такія слышу рѣчи.—Изъ сего судить можешъ Анюта, что я ненегодяй, нехочу тебя обругать, или обезчестить. Я люблю женщинъ для того, что они соотвѣтственное имѣютъ сложеніе моей нѣжности; а болѣе люблю сельскихъ женщинъ, или крестьянокъ для того, что онѣ незна-

ютъ еще притворства, неналагаютъ на себя личины притворныя любви, а когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца, и искренно... Дѣвка въ сіе время смотрѣла на меня выпяля глаза съ удивленіемъ. Да и такъ быть должно; ибо кто незнаетъ, съ какою наглостію дворянская дерзкая рука, поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрію шутки, съ деревенскими дѣвками. Онѣ въ глазахъ дворянъ старыхъ и малыхъ, суть твари созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ; а особливо съ нещастными, подвластными ихъ велѣніямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ; нѣкакія крестьяне (повѣсть сія нелжива) связавъ своего господина везли его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ доброй и человѣколюбивой, но мужъ небылъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія, ту которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда, выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ! но почто неповѣдали вы сего, законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкой взоръ смерти, образъ мыслей его перемѣнилъ, и далъ жизненнымъ его сокамъ, другое теченіе.—Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ.

Если баринъ ты нешутишъ, сказала мнѣ Анюта,

то вотъ что я тебѣ скажу; у меня отца нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ пять лошадей, и три коровы. Есть и мелкаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ дому работника. Меня было сватали въ богатой домъ, за парня десятилѣтняго; но я незахотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ; я его любить небуду. А какъ онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья выростаютъ. Мнѣ для того то незахотѣлось ити къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ несомнѣваюсь. Гулять съ молодцами нелюблю, а за мужъ баринъ хочется. · Да знаешъ ли для чего? говорила Анюта потупя глаза.—Скажи душа моя Анютушка, нестыдись; всѣ слова въ устахъ невинности, непорочны.—Вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ, годъ тому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣлки. Мужъ ее любитъ, а она его столько любитъ, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣньчанья, родила ему сынка. Всякой вечеръ она выходитъ пестовать его за ворота. Она на него ненаглядится. Кажется, будто и паренекъ то матушку свою ужъ любитъ. Какъ она скажетъ ему, агу, агу, онъ и засмѣется. Мнѣ то до слезъ всякой день; мнѣ бы ужъ хотѣлось самой имѣть такова же паренька... Я немогъ тутъ вытерпѣть и обнявъ Анюту поцѣловалъ ее отъ всего моего сердца.—Смотри баринъ какой ты обманьщикъ, ты ужъ играешъ со мною. Поди сударь прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту, ска-

зала Анюта заплакавъ. Кабы батюшка живъ былъ и ето видѣлъ, то бы даромъ, что ты господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шѣю.—Неоскорбляйся моя любезная Анютушка, неоскорбляйся, поцѣлуй мой не. осквернитъ твоей непорочности. Она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенія и былъ изторгнутъ восхищеніемъ глубоко тронутыя души. Небойся меня, любезная Анюта, неподобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе непорочности не во что вмѣняютъ. Если бы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то кленусь тебѣ Богомъ, что бы недерзнулъ на него.—Разсуди самъ баринъ, какъ неосердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранѣе всѣ ужъ отданы, и я въ нихъ не властна.—Ты меня восхищаешъ. Ты уже любить умѣешъ. Ты нашла сердцу своему другое ему соотвѣтствующее. Ты будешъ блаженна. Ни что неразвратитъ союза вашего. Небудешъ ты окружена соглядателями, въ сѣти лагубы уловить тебя стрегущими. Небудетъ слухъ сердечнаго друга твоего, уязвленъ прельщающимъ гласомъ, на нарушеніе его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же моя любезная Анюта, ты лишена удовольствія наслаждаться щастіемъ въ объятіяхъ твоего милаго друга?—Ахъ баринъ, для того что его неотдаютъ къ намъ въ домъ. Просятъ ста рублей. А матушка меня неотдаетъ; я у ней одна работница.—Да любитъ ли онъ тебя?—Какъ же нетакъ. Онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги... Ему хочется такова же паренька. Грусно мнѣ будетъ; но быть терпѣть. Ванюха мой хочетъ ити на баркахъ въ Пи-

теръ въ работу, и неворотится, покуда невыработаетъ ста рублей для своего выкупа.—Непускай его любезная Анютушка, непускай его; онъ идетъ на свою гибель. Тамъ онъ научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ и тебя любить перестанетъ.—Ахъ баринъ нестращай меня, сказала Анюта почти заплакавъ.—А тѣмъ скорѣе Анюта, если ему случится служить въ дворянскомъ домѣ. Господской примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата, достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума; кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ.—Да какъ же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ небывать замужемъ. Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ негуляетъ; меня неотдаютъ къ нему въ домъ; то высватаютъ за него другую, а я бѣдная умру съ горя... Сіе говорила она проливая горькія слезы.—Нѣтъ моя любезная Анютушка, ты завтра же будешъ за нимъ. Поведи меня къ своей матерѣ.—Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь. Проходи мимо, матушка меня увидитъ, и худое подумаетъ. А хотя она меня и небьетъ, но одно ея слово мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ. — Нѣтъ моя Анюта я пойду съ тобою;... и недожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ налѣстницу въ избу. Анюта мнѣ кричала въ слѣдъ, постой баринъ, постой. Но я ей невнималъ. Въ избѣ нашелъ я Анютину мать, которая квашню мѣсила; подлѣ нее на лавкѣ сидѣлъ будущей ея зять. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю, чтобы дочь ея была за мужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія

препятствія въ семъ дѣлѣ. Спасибо баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь пришедъ сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ воскресенье будетъ свадьба. — Пускай же посуленное отъ меня, будетъ Анютѣ въ приданое. —И на томъ спасибо. Приданова бояре дѣвкамъ даромъ недаютъ. Если ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то даешъ ей приданое, то Богъ тебя накажетъ за твое безпутство; а денегъ я невозьму. Если же ты доброй человѣкъ и неругаешся надъ бѣдными, то взявъ я отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумаютъ. Я немогъ надивиться, нашедъ толико благородства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анюта между тѣмъ вошла въ избу, и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану, на заведеніе дому; но онъ мнѣ сказалъ: у меня Баринъ есть двѣ руки, я ими домъ и заведу. Примѣтивъ, что имъ мое присудствіе было неочень пріятно, я ихъ оставилъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдущу мнѣ изъ Едрова, Анюта изъ мысли моей невыходила. Невинная ея откровенность, мнѣ нравилась безмѣрно. Благородной поступокъ ея матери менѣ плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею, или съ подойникомъ подлѣ коровы, сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка нехотѣла у меня взять, непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которыя въ соразмѣрности состояній долженствуютъ быть для Полковницы, Совѣтницы, Маіорши, Генеральши, пять, дѣсять, пятнадцать тысячь или болѣе; если же Госпожѣ Полковницѣ, Маіор-

шѣ, Совѣтницѣ, или Генеральшѣ,... (въ соразмѣрности моего посула Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицемъ недурна, или только что непорочна, и того уже довольно, знатной бояринъ, седмидѣсятой, или чего Боже сохрани, седмьдѣсятъ второй пробы, посулитъ пять, десять, пятнадцать тысячь, или глухо знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или выпроситъ въ почетныя дѣвицы; то я васъ вопрошаю городскія матушки, неіокнетъ ли у васъ сердечко? незахочется ли видѣть дочку въ позлащенной каретѣ, въ бриліантахъ, ѣдущую четвернею, если она ходитъ пешкомъ, или ѣдущею цугомъ, вмѣсто двухъ заморенныхъ клячь, которыя ее таскаютъ? Я согласенъ въ томъ съ вами, что бы вы обрядъ и благочиніе сохранили, и нетакъ легко здалися, какъ Ѳеатральныя дѣвки. Нѣтъ мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяцъ или на два, но неболѣе. А если долѣ заставите воздыхать первостатейнаго безплодно, то онъ будучи занятъ дѣлами Государственными, васъ оставитъ, дабы нетерять съ вами драгоцѣннѣйшаго времени, которое онъ лучше употребить можетъ на пользу общественную.—Тысяча голосовъ на меня подымаются; ругаютъ меня всякими мерскими названіями; мошеникъ, плутъ, кан... бес... и пр. и пр... Голубушки мои успокойтесь, я вашей чести непоношу. Уже ли всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало; кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, та брани меня безъ всякаго милосердія. Жалобницы и на ту я неподамъ, суда по формѣ говорить съ ней нестану.

Анюта, Анюта, ты мнѣ голову скружила! Для чего я тебя неузналъ лѣтъ 15 тому назадъ. Твоя откровенная невинность любострастному дерзновенію не-

приступная, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего пѣрвой мой въ жизни поцѣлуй небылъ тотъ, которой я на щекѣ твоей прилѣпилъ, въ душевномъ восхищеніи. Отраженіе твоея жизненности, проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избѣгнулъ скаредностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ наемницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, ненарушилъ бы союза родства, моею плотскою несытостію; дѣвственность была бы для меня святая святыхъ, и ея коснутися недерзнулъ бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы, и давай наставленія твоею незастеньчивою невинностію. Увѣренъ, что обратишъ на путь добродѣланія, начинающаго съ онаго совращатися, и укрѣпишъ въ немъ къ совращенію наклоннаго. Невозтревожся, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшей въ объятіяхъ безтудства, мимо тебя пройдетъ, и тебя презритъ; нетщися воспретить его шествію, услажденіемъ твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Неможетъ благодѣтельное жало, невинныя добродѣтели, положить на немъ глубокія черты. Конецъ ея скользнетъ, по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее остріе твое непритупится. Но непропусти юношу, опасными лѣпоты прелестями облеченнаго; улови его въ твои сѣти. Онъ гордъ, надмененъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, обидящъ, уязвляющъ, кажется. Но сердце его уступитъ твоему впечатлѣнію, и отверзется на воспріятіе твоего благотворнаго примѣра.—Анюта я съ тобой немогу разстаться, хотя уже вижу двадцатой столпъ отъ тебя.—

Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ

Анюта сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить? По что неополчится рука законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія? Въ Христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ, соглашеніе или договоръ. Какой священнослужитель можетъ неравной бракъ благословить, или какой судія можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть неможетъ. Сіе запрещаютъ правила естественности, яко вещь безполезную для человѣка; сіе запрещать долженствовалъ бы законъ гражданскій, яко вредное для общества. Мужъ и жена въ обществѣ, суть два гражданина, дѣлающіе договоръ въ законѣ утвержденной, которымъ обѣщаваются прежде всего на взаимное чувствъ услажденіе (да недерзнетъ здѣсь ни кто оспорить первѣйшаго закона сожитія, и основанія брачнаго союза; начало любви непорочнѣйшія; и твердый камень основанія супружняго согласія) обѣщеваются жить вмѣстѣ, общее имѣть стяжаніе, возращать плоды своея горячности, и дабы жить мирно другъ друга неуязвлять. При неравенствѣ лѣтъ, можно ли сохранить условіе сего соглашенія? Если мужъ десяти лѣтъ, а жена двадцати пяти, какъ то бываетъ часто во крестьянствѣ; или, если мужъ пятидесяти а жена пятнадцати или двадцати лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ, можетъ ли быть взаимное чувствъ услажденіе. Скажите вы мнѣ мужья старички, но скажите посовѣсти, стоите ли вы названія мужа. Вы можете только возжечь огнь любовной, не въ состояніи его утушить. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ природы; то можетъ ли положи-

тельной законъ быть твердъ, если основанія неимѣетъ въ естественности? Скажемъ яснѣе онъ и несуществуетъ. — Возращать плоды взаимной горячности.— Но можетъ ли тутъ быть взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой нечувствительность? Можетъ ли быть тутъ плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающія росы? А если плодъ когда и будетъ, но будетъ онъ тощъ, невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнію. — Неуязвлять другъ друга.—Се правило предвѣчное, вѣрное, буде щастливою въ супругахъ симпатіею, чувства ихъ равномѣрно услаждаются, то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро утихаютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости, подернетъ чувственное веселіе, непроницаемою корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливую древность лѣтъ.—Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо. Жить вмѣстѣ.—Но будетъ ли въ томъ взаимность. Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, другой будетъ слабый подданникъ и рабъ совѣршенный, велѣніе господа своего исполнять только могущій.—Вотъ Анюта благія мысли тобою мнѣ внушенныя. Прости любезная моя Анютушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ, наслѣдятъ въ нихъ.

Хотиловской ямъ былъ уже въ виду, а я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души моей воскликнулъ громко: о Анюта! Анюта! Дорога была негладка, лошади шли шагомъ; повозчикъ мой вслушался въ мою рѣчь, оглянувшись на меня: видно Баринъ, говорилъ онъ мнѣ улыбаясь и поправляя

шляпу, что ты на Анютку нашу призарился. Да ужъ и дѣвка! Неодному тебѣ она носъ утерла... Всемъ взяла... На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! всѣхъ за поясъ заткнетъ, хоть бы кого... А какъ пойдетъ въ полѣ жать... загляденье. Ну... братъ Ванька щастливъ. — Иванъ братъ тебѣ? — Братъ двоюродной. Да вѣть и парень! Трое вдругъ молодцовъ стали около Анютки свататься; но Иванъ всѣхъ отбаярилъ. Они и темъ и семъ, но нетутъта. А Ванюха тотчасъ и подцѣпилъ... (Мы уже въѣзжали въ околицу)... Тото Баринъ! Всякъ пляшетъ да некакъ скоморохъ. — И къ почтовому двору подъѣхалъ.

Всякъ пляшетъ, да некакъ скоморохъ, твердилъ я вылѣзая изъ кибитки... Всякъ пляшетъ да некакъ скоморохъ, повторилъ я наклоняяся, и поднявъ развѣртывая. . . . . .

ХОТИЛОВЪ.

Проектъ въ будущемъ.

Доведя постепенно любезное отечество наше, до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнути дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій вольно разпростирая свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и надежнымъ нынѣ сталъ стражею общественныхъ законоположеній. Подъ державнымъ его покровомъ свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко всевышнему творцу возсылаемыхъ. Съ неизреченнымъ радованіемъ сказати можетъ, что отечество наше есть пріятное божеству обиталище; ибо сложеніе его не на предразсудкахъ и суевѣріяхъ основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ отца всѣхъ. Неизвѣстны намъ вражды, столь часто людей раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе, неизвѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями другъ друга почитаемъ, единому принадлежа семѣйству, единаго имѣя отца, Бога.

Свѣтильникъ науки, носяся надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ нынѣ его отъ многихъ зем-

ныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ, отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховныя власти, яко велѣнія нѣжныхъ родителей къ своимъ чадамъ, предъупреждаетъ даже и безхитростныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ, о приобрѣтеніи и сохраненіи имѣній, недозволяетъ возродиться семѣйнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его владѣніи отъ другаго, глубока, и всѣми зрима, и всѣми свято почитаема. Оскорбленія частныя между нами рѣдки, и дружелюбно примиряются. Воспитаніе народное пеклося о томъ, да кротки будемъ, да будемъ граждане миролюбивые, но прежде всего да будемъ человѣки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внѣшнихъ враговъ неимѣя; доведя общество до вышшаго блаженства гражданскаго сожитія; неужели толико чужды будемъ ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды братнія; и оставимъ въ глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношеніе дальнѣйшаго потомства, треть цѣлую общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрской обычай, порабощать себѣ подобнаго человѣка, возродившейся въ знойныхъ полосахъ Ассіи; обычай дикимъ народамъ приличный; обычай, знаменующій сердце окаменѣлое, и души отсудствіе совершенное, простерся на лицѣ земли быстротечно, широко и далеко. И мы Сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные невѣжества мракомъ, воспріяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко

стыду прошедшихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія, сохранили его нерушимо, даже до сего дня.

Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно всѣмъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители нашего народа, истиннымъ подвизаемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить предѣлъ стоглавному сему злу. Но державныя ихъ подвиги утщетилися, извѣстнымъ тогда, гордыми своими преимуществами въ государствѣ нашемъ, чиносостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши, среди могущества силъ скипетра своего, немощны были на разрушеніе оковъ гражданскія неволи. Нетокмо они немогли исполнити своихъ благихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиносостоянія, подвигнуты стали на противныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, сожимающихъ узы, и отягчающихъ оковы, наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ. Земледѣльцы и доднесь между нами рабы; мы въ нихъ непознаемъ сограждан намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрестъ васъ, и познайте заблужденіе ваше. Служители Божества предвѣчнаго, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человѣка, единомысліемъ съ нами, изъясняли вамъ въ поученіяхъ своихъ, во имя всещедраго Бога, ими проповѣдуемаго; колико мудрости его и любви противно, властвовати надъ ближнимъ своимъ, самопроизвольно. Старалися они, доводами въ природѣ и сердцѣ нашемъ почерпнутыми, доказать

вамъ жестокость вашу, неправду, и грѣхъ. Еще гласъ ихъ, торжественно во храмахъ живаго Бога, вопіетъ громко: опомнитесь заблудшіе, смягчитеся жестокосердые; разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи, и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же всещедрымъ уготованы, яко же и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково.

Но если служители Божества, представили взорамъ вашимъ, неправоту порабощенія, въ отношеніи человѣка; за долгъ нашъ вмѣняемъ мы, показать вамъ, вредъ оной въ обществѣ, и неправильность онаго, въ отношеніи гражданина. Излишне казалось бы, при возникшемъ столь уже давно, духѣ любомудрія, изыскивать или поновлять доводы, о существенномъ человѣковъ а потому и гражданъ равенствѣ. Возросшему подъ покровомъ свободы, исполненному чувствіями благородства а не предразсужденіями, доказательства о первенственномъ равенствѣ, суть движенія его сердца обыкновенныя. Но се несчастіе смертнаго на земли: заблуждати среди свѣта, и незрѣти того, что прямо взорамъ его предстоитъ.

Въ училищахъ, юнымъ вамъ сущимъ, преподали вамъ, основанія права естественнаго, и права гражданскаго. Право естественное показало вамъ человѣковъ, мысленно внѣ общества, пріявшихъ одинаковое отъ природы сложеніе, и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно, равныхъ вовсемъ между собою, и единые другимъ неподвластныхъ. Право гражданское, показало вамъ человѣковъ, промѣнявшихъ

безпредѣльную свободу, на мирное оныя употребленіе. Но если всѣ они положили свободѣ своей предѣлъ, и правило дѣяніямъ своимъ; то всѣ равны отъ чрева матерня въ природной свободѣ, равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слѣдственно и тутъ одинъ другому неподвластенъ. Властитель первый въ обществѣ, есть законъ; ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденіе вступати въ общество, и полагати произвольныя предѣлы дѣяніямъ. Разсудокъ скажетъ, собственное благо, сердце скажетъ, собственное благо, нерастлѣнный законъ гражданскій скажетъ, собственное благо. Мы въ обществѣ живемъ, уже многіе степени усовершенствованія протекшемъ, и по тому запамятовали мы начальное онаго положеніе. Но возрите на всѣ новые народы, и на всѣ общества естества, если такъ сказать можно. Во первыхъ порабощеніе есть преступленіе; во вторыхъ единъ злодѣй или непріятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сіи понятія, познаемъ мы, колико удалилися мы отъ цѣли общественной, колико отстоимъ еще, вершины блаженства общественнаго, далеко. Все сказанное нами, вамъ есть обычно, и правила таковыя, изсосали вы со млекомъ матернимъ. Единъ предразсудокъ мгновенія, единая корысть, (да неуязвитеся нашими изреченіями,) единая корысть отъемлетъ у насъ взоръ, и въ темнотѣ бѣснующимъ, насъ уподобляетъ.

Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ! кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, неимѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ,

что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? Представимъ себѣ мысленно, мужей пришедшихъ въ пустыню, для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ поросшую злакомъ землю. Кто жребій на удѣлѣ получаетъ? Нетотъ ли, кто ее вспахать возможетъ; нетотъ ли, кто силы и желаніе къ тому имѣетъ достаточныя? Младенцу или старцу, разслабленному, немощному и нерадивому, удѣлъ будетъ безполезенъ. Она пребудетъ въ запустеніи, и вѣтръ класовъ на ней невозвѣетъ. Если она безполезна дѣлателю ея, то безполезна и обществу; ибо избытка своего дѣлатель обществу неотдастъ, неимѣя нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ общества, тотъ кто ниву обработать можетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ею право, и обработывающій ее, пользуется ею изключительно. Но колико удалилися мы, отъ первоначальнаго обществ[illegible] полож[illegible]ія, относительно владѣнія. У насъ, тотъ кто естественное имѣетъ къ оному право, нетокмо отъ того изключенъ совершенно, но работая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго! Просвѣщеннымъ вашимъ разумамъ, истины сіи немогутъ быть непонятны, но дѣянія ваши, въ исполненіи сихъ истинъ, препинаемы, сказали уже мы, предразсужденіемъ и корыстію. Неужели, сердца ваши любовію человѣчества полные, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце услаждающимъ? Но какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія, и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженными? Можноли назвать блаженнымъ, гражданское положеніе крестьянина въ Россіи? Ненасытецъ кровей

одинъ скажетъ, что онъ блаженъ, ибо неимѣетъ понятія о лучшемъ состояніи.

Мы постараемся опровергнуть теперь, сіи звѣрскія властителей правила, яко же ихъ опровергали нѣкогда, предшественники наши, дѣяніями своими неуспѣшно.

Блаженство гражданское въ различныхъ видахъ представиться можетъ. Блаженно государство, говорятъ, если въ немъ царствуетъ тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы въ немъ непустѣютъ, и во градѣхъ гордыя воздымаются зданіи. Блаженно, называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего, и властвуетъ оно внѣ себя, нетокмо силою своею, но и словомъ своимъ, надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззримъ, на предлѣжащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ мы? Пространный воинскій станъ. Царствуетъ въ немъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшій строй, зрится, въ рядахъ ихъ. Единое велѣніе, единое руки мановеніе начальника, движетъ весь станъ, и движетъ его стройно. Но можемъ ли назвать воиновъ блаженными? Превращенные точностію воинскаго повиновенія въ куклы, отъемлется у нихъ даже движенія воля, толико живымъ веществамъ свойственная. Они знаютъ только велѣніе начальника, мыслятъ, что онъ хощетъ, и стремятся, куда направляетъ. Толико всесиленъ жезлъ надъ могушественнѣйшею силою государства. Совокупны, возмогутъ вся, но раздѣленны и на единѣ, пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелаетъ. Устройство на щетъ свободы, столь же противно блаженству нашему,

какъ и самые узы.—Сто невольниковъ, пригвожденныхъ ко скамьямъ корабля, веслами двигаемаго въ пути своемъ, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе. Желали бы они нерѣдко промѣнять жизнь на кончину; но и ту имъ оспориваютъ. Конецъ страданія ихъ, есть блаженство; а блаженство неволи несродно, и потому они живы. И такъ да неослѣпимся, внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ, да непочтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца сограждан. Если въ нихъ найдешъ спокойствіе и миръ, тогда сказать можешъ воистинну: се блаженны.

Европѣйцы опустошивъ Америку, утучнивъ нивы ея кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ, новою корыстію. Запустелыя нивы, сего обновленнаго сильными природы потрясеніями полукружія, почувствовали соху нѣдра ихъ раздирающую. Злакъ на тучныхъ лугахъ выроставшій, и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ быліе свое, остріемъ косы подсѣкаемо. Валятся на горахъ гордыя древеса, издревле вершины ихъ осѣнявшія. Лѣса безплодныя и горькія дебри, претворяются въ нивы плодоносныя, и покрываются стовидными произращеніями единой Америкѣ свойственными, или удачно въ оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленнымъ скотомъ, на яству и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя, вездѣ кажется видъ благосостоянія и внѣшній знакъ устройства. Но кто же столь мощною рукою нудитъ скупую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обиліи. Заклавъ Индійцовъ единовремянно, злобствую-

щіе Европейцы, проповѣдники миролюбія во имя Бога истины, учители кротости и человѣколюбія, къ корени яростнаго убійства завоевателей, прививаютъ хладнокровное убійство порабощенія, приобрѣтеніемъ невольниковъ куплѣю. Сіи то нещастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенагала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, преселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства, вздираютъ обильныя нивы Америки, трудовъ ихъ гнушающейся. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною для того, что поля ея непоросли терніемъ и нивы ихъ обилуютъ произращеніями разновидными. Назовемъ блаженною страною, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи неимѣютъ надѣжнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова. О дабы опустѣти паки обильнымъ симъ странамъ! дабы терніе и волчецъ простирая корень свой глубоко, изтребилъ всѣ драгія Америки произведенія! Возтрепещите о возлюбленные мои, да нескажутъ о васъ: „премени имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ“.

Мы дивимся и нынѣ еще огромности Египетскихъ зданій. Неуподобительныя пирамиды, чрезъ долгое время доказывать будутъ, смѣлое въ созиданіи Египтянъ зодчество. Но для чего, сіи столь нелѣпыя кучи камней были уготованы? На погребеніе надменныхъ Фараоновъ. Кичливые сіи властители, жадая безсмертія, и по кончинѣ хотѣли отличествовати, внѣшностію своею отъ народа своего. И такъ огромность зданій безполезныхъ обществу, суть явныя доказательства его порабощенія. Въ остаткахъ погибшихъ градовъ, гдѣ общее блаженство нѣкогда водворялось, обрящемъ развалины училищъ, больницъ, гостинницъ, водоводовъ, по-

зорищъ и тому подобныхъ зданій; во градахъ же, гдѣ извѣстнѣе было я, а не мы, находимъ остатки великолѣпныхъ Царскихъ чертоговъ, пространныхъ конюшенъ, жилища звѣрей. Сравните то и другое; выборъ нашъ небудетъ затруднителенъ.

Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завоеваній. Звукъ, гремленіе, надутлость, и истощеніе. Я таковую славу, примѣню къ шарамъ въ 18-мъ столѣтіи изобрѣтеннымъ: изъ шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ, и возлѣтаютъ съ быстротою звука, до выспреннихъ предѣловъ ефира. Но то, что ихъ составляло силу, источается изъ среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть горе вращавшаяся, пріемлетъ естественный путь паденія долу; и то, что мѣсяцы цѣлые сооружалося со трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ, едва часовъ нѣсколько можетъ веселить взоры зрителей.

Но вопроси чего жаждетъ завоеватель; чего онъ ищетъ опустошая страны населенныя, или покоряя пустыни своей державѣ? Отвѣтъ получимъ мы отъ яростнѣйшаго изъ всѣхъ, отъ Александра, Великимъ названнаго; но великъ по истинѣ, не въ дѣлахъ своихъ, но въ силахъ душевныхъ и раззореніяхъ. О Аѳиняне! вѣщалъ онъ, колико стоитъ мнѣ, быть хвалиму вами. Несмысленной! возри на шествіе твое. Крутой вихрь твоего полѣта, преносяся чрезъ твою область, затаскиваетъ въ вертеніе свое жителей ея, и влача силу государства во своемъ стремленіи, за собою оставляетъ пустыню и мертвое пространство. Неразсуждаешъ ты о ярый вѣпрь, что опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ни чего не обрящешъ тебя услаждающаго. Если приобрѣлъ пустыню, то она содѣлается мо-

гилою для твоихъ согражданъ, въ коей они сокрыватися будутъ; населяя новую пустыню, превратишъ страну обильную въ безплодную. Какая же прибыль, что изъ пустыни содѣлалъ селидьбы, если другія населенія, тѣмъ сдѣлалъ пустыми? Если же приобрѣлъ населенную страну, то изчисли убійства твои, и ужаснися. Изкоренить долженствуешъ ты, всѣ сердца, тебя въ громоносности твоей возненавидѣвшія; немни убо, что любити можно, его же бояться нудяться. По истребленіи мужественныхъ гражданъ, останутся и будутъ подвластны тебѣ робкія души, рабства иго воспріяти готовыя; но и въ нихъ ненависть къ подавляющей твоей побѣдѣ укоренится глубоко. Плодъ твоего завоеванія будетъ, нельсти себѣ, убійство и ненависть. Мучитель пребудетъ на памяти потомковъ; казниться будешъ, вѣдая, что мерзятъ тебя новые рабы твои, и отъ тебя кончины твоея просятъ.

Но нисходя къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, колико вреднымъ находимъ мы его для общества. Вредно оно въ размноженіи произрастеній и народа, вредно примѣромъ своимъ, и опасно въ неспокойствіи своемъ. Человѣкъ въ начинаніяхъ своихъ двигаемый корыстію, предпріемлетъ то, что ему служить можетъ на пользу, ближайшую или дальную, и удаляется того, въ чемъ онъ необрѣтаетъ пользы, ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденію, все начинаемое для себя, все что дѣлаемъ безъ принужденія, дѣлаемъ съ прилѣжаніемъ, раченіемъ, хорошо. Напротивъ того все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что недля своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ сплошно, лѣниво, косо и криво. Таковыхъ находимъ мы земледѣлателей, въ

государствѣ нашемъ. Нива у нихъ чуждая, плодъ оныя имъ непринадлежитъ. И для того обработываютъ ее лѣниво; и нерадѣютъ о томъ, незапустѣетъ ли среди дѣланія. Сравни сію ниву, съ данною надмѣннымъ владѣльцемъ, на тощее прокормленіе дѣлателю. Нежалѣетъ сей о трудахъ своихъ, ея ради предпринимаемыхъ. Ни что неотвлекаетъ его отъ дѣланія. Жестокость времени онъ одолѣваетъ бодрственно; часы на упокоеніе опредѣленныя, проводитъ въ трудахъ; во дни на веселіе опредѣленные, онаго чуждается. Зане рачитъ о себѣ, работаетъ для себя, дѣлаетъ про себя. И такъ нива его, дастъ ему плодъ сугубый; и такъ всѣ плоды трудовъ земледѣлателей, мертвѣютъ, или паче невозраждаются, они же родились бы, и были живы на насыщеніе гражданъ, если бы дѣланіе нивъ было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа даетъ меньше плода, то недостигающія своея цѣли земныя произведенія, толикоже препятствуютъ размноженію народа. Гдѣ ѣсть нечего, тамъ хотя бы и было кому есть, небудетъ; умрутъ отъ истощенія. Тако нива рабства неполный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, имъ же опредѣлены были природою избытка ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ многоплодіе. Къ недостатку прокормленія и одеждъ, присовокупили работу до изнеможенія. Умножь оскорбленія надмѣнности и уязвленія силы, даже въ любезнѣйшихъ человѣка чувствованіяхъ; тогда со ужасомъ узришъ, возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различествуетъ отъ побѣдъ и завоеваній, что недаетъ тому родиться, что побѣда посѣкаетъ. Но отъ нее вреда больше. Легко всякъ усмотритъ, что одна опустошаетъ случайно,

мгновенно; другая губитъ долговремянно и всегда; одна, когда прейдетъ полѣтъ ея, скончаеваетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сія кончится, и пременится неможетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всея внутренности.

Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предмѣты рабства возрѣніе. Съ одной стороны родится надмѣнность, а съ другой робость. Тутъ никакой неможно быть связи, развѣ насиліе. И сіе, собираяся въ малую среду, властнодержавное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, наиярostнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы, толико въ рабахъ изсякаетъ, что нетокмо нежелаютъ скончать своего страданія, но тягостно имъ зрѣти, что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любити свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совершившую паденіе перваго человѣка.—Примѣры властованія суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, изсосающаго пищу общественную, уготованную на прокормленіе гражданъ, мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовластія, и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ державный, полезностію своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ, отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Невѣдаете ли любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ

свободы мановеніемъ въ движеніе неприходящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чемъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ни что уже въ разлитіи его противиться ему невозможетъ. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечь и отраву. Смерть и пожиганіе, намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе, колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ текутъ ему во слѣдъ, и ничего толико нежелаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому неумыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Нещадили они ни пола ни возраста. Они искали паче веселіе мщенія, нежели пользу сотрясенія узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ, или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе нещастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся.

Но если ужасъ гибели, и опасность потрясенія стяжаній, подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, не уже ли небудемъ мы толико мужественны въ побѣжденіи нашихъ предразсужденій, въ попраніи нашего корысто-

любія и неосвободимъ братію нашу изъ оковъ рабства, и невозстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердецъ вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ изчисленіяхъ корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще въ опасности. Идите возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ ощущеніемъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашею участію, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, дознавъ ваше равенство съ нами, и убѣжденные общею пользою, пришли мы да лобзаемъ братію нашу. Оставили мы гордое различіе, насъ толико времени отъ васъ отдѣлявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, возторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы согражданъ намъ любѣзныхъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголъ вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердецъ вашихъ. Немѣдлите возлюбленные мои. Время лѣтитъ; дни наши преходятъ въ недѣйствіи. Да нескончаемъ жизни нашея, возъимѣвъ только мысль благую, и невозмогши ее исполнить. Да невоспользуется тѣмъ потомство наше, да непожнетъ вѣнца нашего, и съ презрѣніемъ о насъ да нескажетъ: они были.

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязію бумагѣ, которую поднялъ я передъ почтовою избою, вылѣзая изъ кибитки моей.

Вошедъ въ избу я спрашивалъ, кто были проѣзжіе незадолго предомною. Послѣдней изъ проѣзжающихъ, говорилъ мнѣ почтоліонъ, былъ человѣкъ лѣтъ

пятидесяти; ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Онъ у насъ забылъ связку бумагъ, которую я теперь за нимъ въ слѣдъ посылаю. Я попросилъ почтоліона, что бы онъ далъ мнѣ сіи бумаги посмотрѣть и развернувъ ихъ узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Уговорилъ я его, чтобы онъ бумаги сіи отдалъ мнѣ, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу, а по тому непочелъ я ихъ приобрѣтеніе кражею. Онъ ихъ отъ меня доселѣ нетребовалъ, а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги. Множество нашелъ я подобныхъ той, которую читалъ. Вездѣ я обрѣталъ разположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній, относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой вѣдая, что вышшая власть недостаточна въ силахъ своихъ, на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь повремяннымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднѣе уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца, въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣ-

лецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, нетребуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе, относится къ собственности и защитѣ земледѣльцовъ. Удѣлъ въ землѣ ими обрабо-тываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Приобретенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретеніе вольности, платя господину за отпускную, извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.—Изчезни варварское обыкновеніе, разрушься власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель... За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Между многими постановленіями, относящимися къ возстановленію по возможности равенства во гражданахъ, нашелъ я табель о рангахъ. Сколь она была не къ стати нынѣшнимъ временамъ, и онымъ несоразмѣрна, всякъ самъ можетъ вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенитъ уже въ колокольчикъ и зовѣтъ меня къ отъѣзду; и для того я за благо положилъ, лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи, быть иноходцемъ или скакуномъ? нежели заниматься тѣмъ что несуществуетъ.

ВЫШНІЙ ВОЛОЧОКЪ.

Никогда непроѣзжалъ я сего новаго города, что бы непосмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Перьвой, которому на мысль пришло, уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ, и сдѣлать рѣку рукодѣльную, дабы всѣ концы единыя области, въ вящее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы, отъ естественныхъ и нравственныхъ причинъ разпадутся, позлащенныя нивы ихъ порастутъ терніемъ, и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ, гордыхъ ихъ правителей, скрываться будутъ ужи, змѣи и жабы; любопытный путешественникъ обрящетъ глаголющіе остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, каковыя есть въ Европѣ, они неимѣли понятія. Дороги, каковыя у Римлянъ бывали, наши небудутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильныя морозы, а каналы и безъ обдѣлки нескоро заровняются.

Немало увеселительнымъ было для меня зрѣлищемъ, вышневолоцкой каналъ, наполненный бар-

ками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными, и приуготовляющимися къ прохожденію сквозь слюзъ, для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно было, истинное земли изобиліе, и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ своемъ блескѣ, мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но если при первомъ взглядѣ, разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, при раздробленіи мыслей скоро увяло мое радованіе. Ибо воспомянулъ, что въ Россіи многіе земледѣлатели, недля себя работаютъ; и такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ, отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилося въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнѣе время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки, и драгія ея произращенія, какъ то сахаръ, кофе, краски и другія, неосушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при ихъ воздѣланіи.

Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе налитой въ твоей чашкѣ, и сахаръ разпущенной въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною превосходящихъ его силы трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія; дерзай жестокосердой усладить гортань твою.—Видъ прещенія сопутствовавшей сему изреченію, поколебнулъ меня до внутренности. Рука моя задрожала и кофе пролился.

А вы о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру или на единѣ, когда рука ваша вознесетъ перьвой

кусокъ хлѣба опредѣленной на ваше насыщеніе, остановитеся и помыслите. Не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки. Не потомъ ли, не слезами ли и стенаніемъ утучнялися нивы, на которыхъ оной возросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайнѣй мѣрѣ, на нивѣ оброкъ помѣщику своему платящей. Но горе вамъ, если разтворъ его составленъ изъ зерна лежавшаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдитеся да неотравлены будете, вождѣленною вами пищею. Горькая слеза нищаго, тяжко на ней возлегаетъ. Отрините ее отъ устъ вашихъ; постится, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣтствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія, неимѣемъ нужды ходить въ дальныя страны, ни чудесъ искать за тридѣвять земель; въ нашемъ царствѣ они въ очью совершаются.

Нѣкто ненашедъ въ службѣ, какъ то по просторечію называютъ, щастія, или нежелая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя, искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ, всевозможное сдѣлать употребленіе, естественныхъ силъ

своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ, почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли ни побужденія неимѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего незначущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе, за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ сей дворянинъ нѣкто, всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они неумирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые неимѣли семействъ, мѣсячины неполучали, а пообыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни, хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ, производилася такъ же приличная и соразмѣрная ихъ состоянію, одѣжда. Обувь для зимы, то есть, лапти дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ небыло ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ, господинъ у нихъ неотымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ,

которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ Г: нѣкто, было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошей былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ, онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію; и поступая съ сими равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ, уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! недостоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячь четвертей въ годъ, болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, щитаются на равнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? что бы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійца ему непринадлежитъ. Оно нажито грабежемъ, и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которые взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ. Вмѣсто вашего поощренія къ таковому насилію, которое вы источникомъ государственнаго богатства почитаете, прострите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокру-

шите орудія его земледѣлія; сожгите его риги, овины, житницы, и развѣйте пеплъ по нивамъ, на нихъ же совершалося его мучительство, ознаменуйте его яко общественнаго татя, дабы всякъ его видя, нетолько его гнушался, но убѣгалъ бы его приближенія, дабы незаразиться его примѣромъ.

ВЫДРОПУСКЪ.

Здѣсь я опять принялся за бумаги моего друга. Въ руки мнѣ попалося, начертаніе положенія, о уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Проектъ въ будущемъ.

Вводя, нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши, непослѣднимъ способомъ почли къ тому, умаленіе правъ дворянства. Полезно государству въ началѣ своемъ, личными своими заслугами; ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи, его корень, произнесъ наконецъ плодъ горькій. На мѣстѣ мужества, водворилася надмѣнность и самолюбіе, намѣстѣ благородства души и щедроты, посѣялися раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинныя скряги на великое. Жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ, и подвизаемые на малости, ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе Государи возмнили что они суть Боги, и вся его же коснутся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Тако и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія власти, возмечтали Цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій преломляяся, такъ

сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужденія мысли, воздвигли Цари придворныхъ истукановъ, кои истинные ѳеатральныя божки, повинуются свистку или трещеткѣ. Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ, и съ улыбкою сожаленія, отвратимъ взоры наши, отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкой мой, конюшей, и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, крайчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тотъ кто меня брѣетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моея, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ неупоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству, силами своими душевными и тѣлесными, нещадя ради отечества, ни здравія своего ни крови, возлюбляя даже смерть, ради славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣе ли вы накормитеся, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено, и въ сосудахъ моихъ лѣется вино, изо всѣхъ концевъ вселенныя? Укроетеся ли въ шествіи вашемъ, отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучшей ли дастъ нива вамъ плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей, въ мое увеселеніе? Вы улыбнетеся съ чувствованіемъ жалости. Но нерѣдкой въ справедливомъ негодованіи своемъ скажетъ намъ: тотъ, кто рачитъ о устройствѣ твоихъ чертоговъ, тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ, тотъ, кто огненную пряность полуденныхъ растеній, сочетаетъ съ хладною вязкостію сѣверныхъ туковъ, для услажденія разслаблен-

наго твоего желудка и оцепенѣлаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкій сокъ Африканскаго винограда; тотъ, кто умащаетъ окружіе твоей колесницы, кормитъ и напаяетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя твое кровавую битву ведетъ со звѣрями дубравными и птицами небесными; всѣ сіи тунеядцы, всѣ сіи лѣлѣятели, какъ и многіе другіе, твоея надмѣнности, высятся надо мною; надъ источившимъ потоки кровей на ратномъ полѣ, надъ потерявшимъ нужнѣйшія члены тѣла моего, защищая грады твои и чертоги, въ нихъ же сокрытая твоя робость завѣсою величавости, мужествомъ казалася; надъ провождающимъ дни веселій, юности и утѣхъ, во сбереженіи малѣйшія полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налоговъ; надъ нерачившимъ о имѣніи своемъ, трудяся деннонощно въ снисканіи средствъ, къ достиженію блаженствъ общественныхъ; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будеши. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ нашихъ, силы истощеваются въ подъемлемыхъ нами трудахъ, и при возкраіи гроба едва возмогаемъ удостоиться твоего благоволенія; а сіи упитанные тельцы сосцами нѣжности и пороковъ, сіи незаконные сыны отечества наслѣдятъ въ стяжаніи нашемъ.

Тако и болѣе еще по справѣдливости возглаголютъ отъ васъ многіе. Что дадимъ мы, Владыки силъ, въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше, и видится воспаленна ярость въ очахъ нашихъ на вѣщающихъ сице. Таковы бываютъ нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истины. И никто да недивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ

живетъ съ ласкателями, бесѣдуетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаетъ въ лести. И лесть и ласкательство, содѣлаютъ его глуха слѣпа и неосязательна.

Но да непадетъ на насъ таковая укоризна. Съ младенчества нашего возненавидѣвъ ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости, даже до сего дня; и нынѣ новый опытъ въ любви нашей къ вамъ и преданности, явенъ да будетъ. Мы уничтожаемъ нынѣ сравненіе царедворскаго служенія, съ военнымъ и гражданскимъ. Истребися на памяти обыкновеніе во стыдъ нашъ толико лѣтъ существовавшее. Истинныя заслуги и достоинства, раченіе о пользѣ общей, да получаютъ награду въ трудахъ своихъ и едины да отличаются.

Сложивъ съ сердца нашего столь несносное бремя, долговремянно насъ теснившее, мы явимъ вамъ наши побужденіи, на уничтоженіе столь оскорбительныхъ для заслуги и достоинства чиновъ. — Вѣщаютъ вамъ и предки наши тѣхъ же были мыслей, что Царскій престолъ, коего сила во мнѣніи гражданъ коренится, отличествовати долженствуетъ внѣшнимъ блескомъ, дабы мнѣніе о его величествѣ было всегда всецѣло и ненарушимо. Отъ туда пышная внѣшность властителей народовъ, отъ туда стадо рабовъ ихъ окружающихъ. Согласиться всякъ долженъ, что тѣсные умы и малыя души внѣшность поражать можетъ. Но чемъ народъ просвѣщеннѣе, то есть, чемъ болѣе особенниковъ въ просвѣщеніи, тѣмъ внѣшность менѣе дѣйствовать можетъ. Нума могъ грубыхъ еще Римлянъ увѣрить, что Нимфа Егерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые Перуанцы охотно вѣрили

Манко Капаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси изтекаетъ. Магометъ могъ прельстить скитающихся Аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрыжали заповѣдей, на горѣ среди блеску молніи. Но нынѣ буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить съ выше, тотъ употребитъ болѣе наружность полезности и тою всѣ тронутся. Мы же устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, по что намъ блескъ внѣшности? не полезностію ли нашихъ постановленій ко благу государства текущею облистаетъ наше лице; всякъ взирающій на насъ узритъ наше благомыслiе, узритъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и того ради намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но сѣдящему во благости. Если бы древніе Персы управлялися всегда щедротою, небы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу зла. Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственною должностію во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны будутъ они во всемъ томъ, что намъ нравится можетъ. Желаніе наше будетъ предъупреждено; но нетокмо желанію недопустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлѣтвореніе. Возрите со ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Наитвердѣйшая душа во правилахъ своихъ позыбнется, приклонитъ ухо ласкателю сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуждыя,

едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ, почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловатися о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть, покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей, и являяся намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни, и жало зла, не въ насъ дрожитъ вонзенное.

Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго Царей дѣйствія. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться отъ возмущенія благонамѣреній нашихъ? Неблаженны ли, если и заразѣ примѣра, положили преграду? Надежны въ благосердіи нашемъ, надежны не въ развратѣ со внѣ, надежны во умѣренности вашихъ желаній, возблагоденствуемъ съ нова, и будемъ примѣромъ позднѣйшему потомству, како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу.

ТОРЖОКЪ.

Здѣсь на почтовомъ дворѣ, встрѣченъ я былъ человѣкомъ отправляющимся въ Петербургъ, на скитаніе прошенія. Сіе состояло въ снисканіи дозволенія, завести въ семъ городѣ свободное книгопечатаніе. Я ему говорилъ, что на сіе дозволенія ненужно; ибо свобода на то дана всѣмъ. Но онъ хотѣлъ свободы въ ценсурѣ, и вотъ его о томъ размышленіи.

Типографіи у насъ всѣмъ имѣть дозволено, и время то прошло, въ которое боялися поступаться онымъ дозволеніемъ частнымъ людямъ; и для того, что въ вольныхъ типографіяхъ, ложныя могутъ печатаны быть пропуски, удерживались отъ общаго добра и полезнаго установленія. Теперь свободно имѣть всякому орудіи печатанія, но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Ценсура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего нерѣдко бываютъ кривые ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править немогутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ каляка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дятьки неступитъ,

безъ опекуна неможетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

„Наилучшей способъ поощрять доброе, есть непре„пятствіе, дозволеніе, свобода въ помышленіяхъ. Ро„зыскъ вреденъ въ Царствѣ науки: онъ сгущаетъ „воздухъ и запираетъ дыханіе. Книга проходящая де„сять ценсуръ прежде, нежели достигнетъ свѣта, не„есть книга, но подѣлка святой Инквизиціи; часто „изуродованной, сеченной батожьемъ, съ кляпомъ во „рту узникъ, а рабъ всегда... Въ областяхъ истинны, „въ царствѣ мысли и духа; не можетъ ни какая „земная власть давать рѣшеній, и недолжна; немо„жетъ того правительство, менѣе еще его ценсоръ, „въ клабукѣ ли онъ или съ тямлякомъ. Въ царствѣ „истинны, онъ не судія но отвѣтчикъ, какъ и сочи„нитель. Исправленіе можетъ только совершиться про„свѣщеніемъ; безъ главы и мозга нешевельнется ни „рука ни нога... Чѣмъ государство основательнѣе въ „своихъ правилахъ, чѣмъ стройнѣе, свѣтлѣе и тверже „оно само въ себѣ, темъ менѣе можетъ оно позыб„нуться и стрястися отъ дуновенія каждаго мнѣнія, „отъ каждой насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ „болѣе благоволитъ оно въ свободѣ мыслей и въ сво„бодѣ писаній, а отъ нее подъ конецъ прибыль ко„нечно будетъ истиннѣ. Губители бываютъ подозри„тельны; тайные злодѣи робки. Явной мужъ, творяй „правду и твердый въ правилахъ своихъ, допуститъ „о себѣ глаголъ всякій. Хождаетъ онъ во дни, и „на пользу себѣ строитъ клевету, своихъ злодѣевъ. Откупы въ помышленіяхъ вредны... Правитель госу-

„дарства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, „дабы могъ объяти мнѣнія всѣхъ и оныя въ госу„дарствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и наклонять „къ общему добру: отъ того то истинно Великіе Го„судари столь рѣдки".

Правительство дознавъ полезность книгопечатанія, оное дозволило всѣмъ; но паче еще дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетитъ благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями, управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего, можетъ быть только тотъ, что бы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія ценсура есть лишняя. Одинъ несмысленной урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ, и на многія лѣта остановку въ шествіи разума; запретитъ полезное изобрѣтеніе, новую мысль и всѣхъ лишитъ великаго. Примѣръ въ малости. Въ управу благочинія принесенъ для утвержденія, переводъ романа. Переводчикъ слѣдуя Автору говоря о любви назвалъ ее: лукавымъ богомъ. Мундирной ценсоръ, исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: „неприлично Божество называть лукавымъ". Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да немѣщается. Если хочешъ благоразтвореннаго воздуха, удали отъ себя коптильню; если хочешъ свѣта, удали затмѣваніе; если хочешъ, что бы дитя небыло застѣньчиво, то выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже*).

*) Такого же роду ценсоръ, недозволялъ, сказываютъ, печатать тѣ сочиненіи гдѣ упоминалося о Богѣ, говоря, я съ нимъ дѣла никакого неимѣю. Если въ какомъ либо сочиненіи по-

Пускай печатаютъ все кому что на умъ ни взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю несмѣхомъ. Слова невсегда суть дѣянія, размышленіи же не преступленіи. Се правила наказа, о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ никого бранить невелѣно, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Нетокмо неможетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ Царя до послѣднѣйшаго гражданина.

Обыкновенныя правила Ценсуры суть: почеркивать, марать, недозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религіи и откровенію, все то, что противно правленію, всякая личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно. Если безумецъ въ мечтаніи своемъ, нетокмо въ сердцѣ но громкимъ гласомъ речетъ, „нѣсть Бога“; въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается громкое и поспѣшное ехо, „нѣсть Бога, нѣсть Бога“. Но чтожъ изъ того. Ехо, звукъ; ударитъ въ воздухъ, позыбнетъ его и изчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ него. Но

рочили народныя нравы того или другаго государства, онъ недозволеннымъ сіе почиталъ, говоря, Россія имѣетъ трактъ дружбы съ нимъ. Если упоминалося гдѣ о Князѣ или Графѣ, того недозволялъ онъ печатать, говоря, сіе есть личность, ибо у насъ есть Князья и Графы между знатными особами.

если думаешъ, что хуленіемъ Всевышній оскорбится; урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ? Всесильный звонящему въ трещетку, или біющему въ набатъ, довѣрія недастъ. Возгнушается метатель грома и молніи, ему же всѣ стихіи повинуются, возгнушается колеблящій сердца изъ запредѣловъ вселенныя, дать мстити за себя и самому Царю, мечтающему быти его на земли преемникомъ.—Ктожъ можетъ быть судіею въ обидѣ Отца предвѣчнаго?—Тотъ его обижаетъ, кто мнитъ, возможетъ судити о его обидѣ. Тотъ дастъ отвѣтъ предъ нимъ.

Отступники откровенной религіи, болѣе доселѣ въ Россіи дѣлали вреда, нежели непризнаватели бытія Божія, Аѳеисты. Таковыхъ у насъ мало; ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Аѳеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы, всѣхъ Россіянъ, отступающихъ въ чемъ либо отъ общаго ученія Греческія церькви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. Но для чего недозволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненіи дѣлали мучениковъ; жестокость была подпорою самаго Христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ суть иногда вредны. Возпрети ихъ. Проповѣдаются они примѣромъ. Уничтожъ примѣръ. Отъ печатной книги раскольникъ небросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество, есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всякъ увидитъ, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мнѣ всѣ Евины дѣти.

Но запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами

имѣть порицателей. Кто въ часы безумія нещадитъ Бога; тотъ въ часы памяти, и разсудка непощадитъ незаконной власти. Небояйся громовъ Всѣсильнаго, смѣется висилицѣ. Для того то вольность мыслей, правительствамъ страшна. До внутренности потрясенный вольнодумецъ, простретъ дерзкую но мощную и незыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ, и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бренныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любьви общаго блага возникъ; неутвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно; невозлюбится ли любящій искренно? Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе почило въ естествѣ. Прочному и твердому зданію довольно его собственнаго основанія; въ опорахъ и контрфорсахъ ему нужды нѣтъ. Если позыбнется оно отъ вѣтхости, тогда только побочныя тверди ему нужны. Правительство да будетъ истинно, вожди его нелицемѣрны; тогда всѣ злѣ велы, тогда всѣ изблеваніи, смрадность свою возвратятъ на извергателя ихъ; а истинна пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ, (да назовемъ такъ въ угодность власти, всѣ твердыя размышленія, на истиннѣ основанныя, власти противные,) есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголяй на Бога. Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной; то невозмутится отъ пустаго звука клеветы, яко же Господь силъ нетревожится хуленіемъ. Но горе ей, если въ жадности своей ломитъ правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожитъ; глаголъ истинны ее сокрушитъ, дѣяніе мужества ее развѣетъ.

Личность, но язвительная личность есть обида. Личность въ истиннѣ, столь же дозволительна, какъ и самая истинна. Если ослѣпленный судія судитъ въ неправду; и защитникъ невинности издастъ въ свѣтъ его коварный приговоръ; если онъ покажетъ его ухищреніе и неправду; то будетъ сіе личность, но дозволенная; если онъ его назоветъ судіею наѣмнымъ, ложнымъ, глупымъ, есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станетъ именованіями смрадными, и бранными словами поносить, какъ то на рынкахъ употребительно; то сіе есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства, дѣло вступаться за судію, хотя бы онъ поносился и въ правомъ дѣлѣ. Не судія да будетъ въ томъ истецъ, но оскорбленное лице. Судія же предъ свѣтомъ и предъ поставившимъ его судіею да оправдится едиными дѣлами *). Тако долженствуетъ судить о личности. Она наказанія достойна, но въ печатаніи болѣе пользы устроитъ, а вреда мало. Когда все будетъ въ порядкѣ, когда рѣшенія всегда будутъ въ законѣ, когда законъ основанъ

---

*) Г. Дикинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей въ Америкѣ перемѣнѣ, и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсильваніи Президентомъ, невозгнушался сражаться съ наступавшими на него. Изданы были противъ него наижесточайшія листы. Первѣйшій градоначальникъ области, низшелъ въ ристалищѣ, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ, и ихъ устыдилъ... Се примѣръ для послѣдованія, какъ мстить должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ, печатнымъ сочиненіемъ. Если кто свирепствуетъ противъ печатныя строки, тотъ заставляетъ мыслить что, печатанное истинно, а мстящій таковъ какъ о немъ напечатано.

будетъ на истиннѣ, и заклеплется удрученіе, тогда развѣ, тогда личность можетъ сдѣлать развратъ. Скажемъ нѣчто о благонравіи, и сколько слова ему вредятъ.

Сочиненія любострастныя, наполненныя похотливыми начертаніями, дышущія развратомъ, коего всѣ листы и строки, стрекательною наготою зіяютъ, вредны для юношей и незрѣлыхъ чувствъ. Разпламѣняя возпаленное воображеніе, тревожа спящія чувства и возбуждая покоющееся сердце, безвремянную наводятъ возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненія могутъ быть вредны; но не онѣ разврату корень. Если читая ихъ, юноши пристрастятся къ крайнему услажденію любовной страсти; то немогли бы того произвести въ дѣйствіе, небы были торгующія своею красотою. Въ Россіи таковыхъ сочиненій въ печати еще нѣтъ, а на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ разкрашенныхъ любовницъ. Дѣйствіе болѣе развратитъ, нежели слово и примѣръ паче всего. Скитающіяся любовницы, отдающія сердца свои съ публичнаго торга наддателю, тысячу юношей заразятъ язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга недавала еще болѣзни. И такъ ценсура да останется на торговыхъ дѣвокъ, до произведеніи же развратнаго хотя разума, ей дѣла нѣтъ. Заключу симъ: ценсура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно даетъ сочинителю вѣнецъ, или употребитъ листы на обвертки. Равно какъ ободреніе ѳеатральному сочиненію даетъ публика, а не Директоръ ѳеатра. Такъ и выпускаемому въ миръ сочиненію, ценсоръ ни славы недастъ ни безславія. Завѣса поднялась, взоры всѣхъ

устремились къ дѣйствованію; нравится, плещутъ; ненравится, стучатъ и свищутъ. Оставь глупое на волю сужденія общаго; оно тысящу найдетъ ценсоровъ. Наистрожайшая полиція невозможетъ такъ запретить дряни мыслей, какъ негодующая на нее публика. Одинъ разъ имъ воньмутъ, потомъ умрутъ они и невоскреснутъ во вѣки. Но если мы признали безполезность ценсуры, или паче ея вредъ въ царствѣ науки; то познаемъ обширную и безпредѣльную пользу вольности печатанія.

Доказательства сему кажется ненужны. Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всѣмъ безпрекословно, то естественно, что все, что будетъ придумано, изобрѣтено, то будетъ извѣстно; великое будетъ велико, истинна не затмится. Недерзнутъ правители народовъ удалиться отъ стези правды, и убоятся; ибо пути ихъ, злость и ухищреніе обнажатся. Возтрепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и его раздеретъ. Устыдится власть имѣющій, употреблять ее на удовлетвореніе только своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ, прикрытое убійство, убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истинны. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо заквасу въ немъ небудетъ. Нынѣ поверхность только гладка, но илъ на днѣ лежащій мутится, и тмитъ, прозрачность водъ.

Прощаяся со мною, порицатель ценсуры далъ мнѣ небольшую тетрадку. Если, читатель ты нескучливъ, то читай что передъ тобою лежитъ. Если же бы случилось что ты самъ принадлежишъ къ ценсурному комитету, то загни листъ, и скачи мимо.

Краткое повѣствованіе о произхожденіи ценсуры.

Если мы скажемъ, и утвердимъ ясными доводами, что ценсура съ Инквизиціею принадлежатъ къ одноку корню; что учредители Инквизиціи изобрѣли ценсуру, то есть разсмотреніе приказное книгъ до изданія ихъ въ свѣтъ; то мы хотя ничего нескажемъ новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ, извлечемъ, въ добавокъ многимъ другимъ, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческій, что они подстригали ему крыліе, да необратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ.

Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ обретаемъ терзающіе черты власти, вездѣ зримъ силу возникающую на истинну, иногда суевѣріе ополчающееся на суевѣріе. Народъ Аѳинскій, священнослужителями возбужденный, писанія Протагоровы запретилъ, велѣлъ всѣ списки оныхъ собрать и сжечь. Не онъ ли въ безуміи своемъ, предалъ смерти, на незагладимое во вѣки себѣ поношеніе, вочеловѣченную истинну, Сократа. Въ Римѣ находимъ мы, больше примѣровъ таковаго свирѣпствованія. Титъ Ливій повѣствуетъ, что найденные во гробѣ Нумы писанія, были созжены повелѣніемъ Сената. Въ разныя времена случалося, что книги гадательные вѣлено было относить къ Претору. Светоній повѣствуетъ, что Кесарь Августъ таковыхъ книгъ велѣлъ сжечь до двухъ

тысячь. Еще примѣръ несообразности человѣческаго разума! Не уже ли запрещая суевѣрныя писанія, властители сіи думали, что суевѣріе истребится? Каждому въ особенности своей, воспрещали прибѣгнуть къ гаданію, совершаемому, нерѣдко на обузданіе токмо мгновенное, грызущей скорби; оставляли явныя и государственныя гаданія, Авгуровъ и Аруспиціевъ. Но если бы во дни просвѣщенія возмнили, книги учащія гаданію или суевѣріе проповѣдующіе запрещать или жечь, не смѣшно ли бы было, что бы истинна приняла жезлъ гоненія на суевѣріе? чтобъ истинна искала на пораженіе заблужденія, опоры власти и меча, когда видъ ея одинъ, есть наижесточайшій бичь на заблужденіе?

Но Кесарь Августъ не на гаданія одни простеръ свои гоненія, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабіенія. „Злодѣи его, говоритъ Сенека риторъ, изобрѣли для него сіе новаго рода наказаніе. Неслыханное дѣло и необычайное, казнь извлекать изъ ученія. Но по щастію государства сіе разумное свирѣпствованіе изобрѣтено послѣ Цицерона. Что быть бы могло, если бы Троеначальники за благо положили осудить разумъ Цицерона? „Но мучитель скоро отмстилъ за Лабіенія тому, кто исходатайствовалъ созженіе его сочиненій. При жизни своей видѣлъ онъ, что и его сочиненія преданы были огню *). „Незлому какому примѣру тутъ слѣдовано, говоритъ Сенека, его собствен-

*) Сочиненія Арія Монтана, издавшаго въ Нидерландахъ первой реестръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ тотъ же реестръ.

ному“ *). Даждь небо, что бы зло всегда обращалося на изобрѣтателя его, и что бы воздвигшій гоненіе на мысль, зрѣлъ всегда свои осмѣянными, въ поруганіи, и на истребленіе осужденными! Если мщеніе когда либо извинительно быть можетъ, то развіе сіе.

Во времена народнаго правленія, въ Римѣ гоненіе таковаго рода обращалося только на суевѣріе, но при Императорахъ простерлось оно на всѣ твердыя мысли. Кремуцій Кордъ, въ исторіи своей назвалъ Кассія, дерзнувшаго осмѣять мучительство Августово на Лабіеніевы сочиненія, послѣднимъ Римляниномъ. Римскій Сенатъ, ползая предъ Тиверіемъ, велѣлъ во угожденіе ему, Кремуціеву книгу сжечь. Но многіе съ оной остались списки. „Тѣмъ паче, говоритъ Тацитъ, смѣяться можно надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мѣчтаютъ, что всемогуществомъ своимъ, могутъ изтребить воспоминовеніе слѣдующаго поколѣнія. Хотя власть бѣшенствуетъ на казнь разсудка, но свирѣпствованіемъ своимъ себѣ устроила стыдъ и посрамленіе, имъ славу“.

Неизбавилися сожженія книги Іудейскія при Антіохѣ Епифанѣ Царѣ Сирскомъ. Равной съ ними подвержены были участи сочиненія Христіанъ. Императоръ Діоклитіанъ, книги священнаго писанія велѣлъ предать сожженію. Но Христіанскій законъ одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучите-

*) Кассій Северъ, другъ Лабіенія видя писаніи его въ огнѣ, сказалъ: теперь меня сжечь надлежитъ: ибо я ихъ наизусть знаю. Сіе подало случай при Августѣ къ законоположенію о поносительныхъ сочиненіяхъ; которое по природному человѣку обезьянству, принято въ Англіи, и въ другихъ государствахъ.

лей, и нынѣ остается во свидѣтельство неложное, что гоненіе на мысли и мнѣнія, нетокмо не въ силахъ оныя истребить, но укореняетъ ихъ и распространяетъ. Арнобій, справедливо востаетъ противу таковаго гоненія и мучительства. „Иные вѣщаютъ, говоритъ онъ, полезно для государства, что бы Сенатъ истребить велѣлъ писанія, въ доказательство Христіанскаго исповѣданія служащія, которыя важность опровергаютъ древнія религіи. Но запрещать писанія, и обнародованное хотѣть истребить, неесть защищать Боговъ, но бояться истинны свидѣтельствованія. „Но по распространеніи Христіанскаго исповѣданія, священнослужители онаго, толико же стали злобны противъ писаній, которые были имъ противны и не въ пользу. Недавно порицали строгость сію въ язычникахъ, недавно почитали ее знакомъ недовѣренія къ тому, что защищали, но скоро сами ополчилися всемогуществомъ. Греческіе Императоры, занимаяся болѣе церьковными прѣніями, нежели дѣлами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто дѣянія и ученія Іисусовы, понималъ съ ними различно. Таковое гоненіе разпростерлося и на произведеніе разсудка и разума. Уже, мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшему Аріево ученіе проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на созженіе, а того, кто оныя книги имѣть будетъ, на смерть. Императоръ Ѳеодосій II проклятыя книги Несторія велѣлъ всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ то же положено о писаніяхъ Евтихія. Въ Пандектахъ Юстиніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя решенія. Несмысленные! невѣдали, что истребляя превратъ-

ное или глупое истолкованіе Христіанскаго ученія, и запрещая разуму трудитися въ изслѣдованіи какихъ либо мнѣній, они остановляли его шествіе; у истины отнимали сильную опору, различіе мнѣній, прѣнія, и невозбранное мыслей своихъ изрѣченіе. Кто можетъ за то поручиться, что Несторій, Арій, Евтихій и другіе Еретики, быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенскіе соборы небыли созваны, что бы Декартъ родиться могъ десять столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!

По разрушеніи Римскія Имперіи, монахи въ Европѣ были хранители учености и науки. Но никто у нихъ неоспоривалъ свободы писать, что они желали. Въ 768 году Амвросій Опертъ монахъ Бенедиктинской, посылая толкованіе свое на Апокалипсисъ, къ Папѣ Стефану III, и прося дозволенія о продолженіи своего труда и о изданіи его въ свѣтъ, говоритъ: что онъ первой изъ писателей проситъ таковаго дозволенія. „Но да неизчезнетъ, продолжаетъ онъ, свобода въ писаніи, для того, что уничиженіе поклонилося непринужденно". Соборъ Санскій въ 1140 году осудилъ мнѣнія Абелардовы, а Папа сочиненія его вѣлѣлъ сжечь.

Но ни въ Греціи ни въ Римѣ, ни гдѣ примѣра ненаходимъ, что бы избранъ былъ судія мысли, что бы кто дерзнулъ сказать, у меня просите дозволенія, если уста ваши отверзать хотите на велерѣчіе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все что безъ нашего клейма явится въ свѣтъ, объявляемъ за ранѣе, глупымъ, мерзскимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтеніе, предоставлено было Христіянскому священству, и ценсура была современна Инквизиціи.

Нерѣдко проходя исторію, находимъ разумъ суевѣ-

рію, изобрѣтенія наиполѣзнѣйшія современниками грубѣйшему невѣжеству. Въ то время, какъ боязливое недовѣріе къ вещи утверждаемой, побудило монаховъ учредить цензуру, и мысль истреблять въ ея рожденіи, въ то самое время дерзалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей на исканіе Америки; Кеплеръ предузнавалъ бытіе притяжательной въ природѣ силы, Ньютономъ доказанной; въ то же время родился, начертавшій въ пространствѣ путь небѣснымъ тѣлесамъ, Коперникъ. Но къ вящшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія скажемъ, что мысль великая рождала иногда невѣжество. Книгопечатаніе родило цензуру; разумъ философскій въ XVIII столѣтіи, произвелъ Иллуминатовъ.

Въ 1479 году находимъ, древнѣйшее доселѣ извѣстное дозволеніе на печатаніе книги. На концѣ книги подъ заглавіемъ: „Знай самъ себя“, печатанной въ 1480 году присоединено слѣдующее: мы Морфей Жирардо, Божіимъ милосердіемъ, Патріархъ Венеціанскій, первенствующій въ Далматіи, по прочтеніи вышеписанныхъ Господъ, свидѣтельствующихъ о вышеписанномъ твореніи, и по таковому же онаго заключенію и присоединенному довѣренію, такъ же свидѣтельствуемъ, что книга сія православна и богобоязлива. Древнѣйшій монументъ цензуры, но недревнѣйшій безумія!

Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе, доселѣ извѣстное, находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Предузнавали монашескія правленія, что оно будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ развереніе общаго разсудка, и могущество на мнѣніи, а не на пользѣ

общей основанное, въ книгопечатаніи обрящетъ свою кончину. Да позволятъ намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ еще существующій на пагубу мысли и на посрамленіе просвѣщенія.

Указъ о неизданіи книгъ греческихъ, Латинскихъ и пр. на народномъ языкѣ, безъ предварительнаго ученыхъ удостоенія 1486 г.*).

Бертольдъ, Божіею милостію, Святыя Маинцкія Епархіи Архіепископъ, въ Германіи Архиканцелеръ и Курфирстъ. Хотя для пріобрѣтенія человѣческаго ученія, чрезъ Божественное печатанія искуство, возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги до разныхъ наукъ касающіяся; но до свѣденія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желаніемъ, искуство сіе употребляютъ во зло, и данное для наученія въ житіи человѣческомъ, обращаютъ на пагубу и злорѣчіе.

Мы видѣли книги до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ Латинскаго на Нѣмецкой языкъ, и неблагопристойно для святаго закона, въ рукахъ простаго народа обращающіяся, чтожъ сказать наконецъ о предписаніяхъ святыхъ правилъ и законоположеній; хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими, писаны разумно и тщательно, но наука сама по себѣ толико затруднительна, что краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на оную достаточна цѣлая жизнь.

Нѣкоторые глупые, дерзновенные и невѣжды, попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги.

*) Кодексъ дипломатическій изданный Гуденомъ. Томъ IV.

Многіе ученые люди читая переводы сіи признаются, что ради великой несвойственности и худаго употребленія словъ, они непонятнѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ до другихъ наукъ касающихся, въ которыя часто вмѣшиваютъ ложное, надписываютъ ложными названіями, и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чемъ болѣе находится покупщиковъ.

Да вѣщаютъ таковые переводчики, если возлюбляютъ истинну, съ какимъ бы намѣреніемъ то нидѣлали, съ добрымъ или худымъ, до того нѣтъ нужды; да вѣщаютъ, Нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оной того, что Греческіе и Латинскіе изящные писатели, о вышнихъ размышленіяхъ, Христіанскаго исповѣданія и о наукахъ писали, точнѣйше и разумнѣйше? Признаться надлежитъ, скудости ради своей, языкъ нашъ на сказанное недостаточенъ весьма, и нужно для того, что бы они неизвѣстныя имена вещамъ, въ мозгу своемъ сооружали; или если употребятъ древнія, то испортятъ истинный смыслъ; чего наипаче опасаемся въ писаніяхъ священныхъ въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ и неученымъ людямъ, и женскому полу, въ руки которыхъ попадутся книги священныя, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотри святаго Евангелія строки, или посланія Апостола Павла, всякъ разумный признается, что много въ нихъ прибавленій и исправленій писцовыхъ.

Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ, что въ писателяхъ Каѳолическія церкви, находится зависящее отъ строжайшаго разсмотренія? Многое въ примѣръ поставить можемъ, но для сего намѣренія довольно уже нами сказаннаго.

Понеже начало сего искуства, въ славномъ нашемъ градѣ Маинцѣ, скажемъ истиннымъ словомъ, божественно явилося, и нынѣ въ ономъ исправленно и обогащенно пребываетъ; то справедливо, что бы мы въ защиту нашу приняли важность сего искуства. Ибо должность наша есть, сохранять святыя писанія въ нерастлѣнной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ, о заблужденіяхъ и о продерзостяхъ, людей наглыхъ и злодѣевъ, желая елико намъ возможно, пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло здѣсь, предъупредить и наложить узду, всѣмъ и каждому, церковнымъ и свѣтскимъ нашей области подданнымъ, и внѣ предѣловъ оныя торгующимъ, какого бы они званія и состоянія ни были; симъ каждому повелѣваемъ, что бы никакое сочиненіе въ какой бы наукѣ, художествѣ или знаніи ни было, съ Греческаго, Латинскаго, или другаго языка, переводимо небыло на Нѣмѣцкой языкъ, или уже переведенное, съ перемѣною токмо заглавія, или чего другаго, небыло раздаваемо или продаваемо, явно или скрытно прямо или постороннимъ образомъ, если до печатанія или послѣ печати до изданія въ свѣтъ, небудетъ имѣть, отверстаго дозволенія на печатаніе, или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благородныхъ Докторовъ и Магистровъ университетскихъ, а именно: во градѣ нашемъ Маинцѣ, отъ Іоганна Бертрама де Наумбурха, въ касающемся до Богословіи, отъ Александра Дидриха въ законоученіи, отъ Ѳеодорика де Мешедя во врачебной наукѣ, отъ Андрѣя Елера во словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Ерфуртѣ Докторовъ и Магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ, если таковые на продажу изданные книги, небудутъ смотрѣны и утвер-

ждены, почтеннымъ и намъ любезнымъ, однимъ Богословіи Магистромъ и однимъ или двумя Докторами и Лиценціатами, которые отъ думы онаго города, на годовомъ жалованьѣ содержимы быть имѣютъ.

Если кто сіе Наше попечительное постановленіе презритъ, или противъ таковаго Нашего указа, подастъ совѣтъ, помощь или благопріятство, своимъ лицемъ или постороннимъ; тѣмъ самымъ подвергаетъ себя осужденію на проклятіе; да сверьхъ того лишенъ быть имѣетъ тѣхъ книгъ, и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенія, никто безъ особаго повѣленія, да нарушить недерзаетъ. Дано въ замкѣ С. Мартына, во градѣ Нашемъ Майнцѣ, съ приложеніемъ печати Нашей. Мѣсяца Януарія, въ четвертый день 1486 г.

Его же о предъидущемъ, какимъ образомъ отправлять ценсуру. Лѣта 1486 Бертольдъ и пр. Почтеннѣйшимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ намъ во Христѣ И. Бертраму богословіи, А. Дидриху законоученія, Ѳ. де Мешеде, врачеванія Докторамъ и А. Елеру словесности Магистру, здравіе, и къ нижеписанному прилѣжаніе.

Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкоторыхъ въ наукахъ переводчиковъ и книгопечатниковъ произшедшихъ, и желая онымъ предварить, и заградить путь по возможности, повелѣваемъ, да никто въ Епархіи и области нашей, недерзаетъ переводить книги на Нѣмецкой языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги, въ городѣ нашемъ Майнцѣ, небудутъ разсмотрѣны вами, и касательно до самой вещи, доколѣ небудутъ въ переводѣ и для продажи вами утверждены, согласно съ выше объявленнымъ указомъ.

Надѣяся твердо на ваше благоразуміе и осторожность, Мы вамъ поручаемъ: когда назначаемые къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненіи или книги, къ вамъ принесены будутъ, то вы разсмотрите ихъ содержаніе, и если нелегко можно дать имъ истинной смыслъ, или могутъ возродить заблужденія и соблазны, или оскорбить цѣломудріе, то оные отвергните; тѣ которые вы отпустите свободными, имѣете вы подписать своеручно, и именно на концѣ двое отъ васъ; дабы тѣмъ виднѣе было, что тѣ книги вами смотрѣны и утверждены. Богу нашему и Государству любезную и полезную должность отправляйте. Данъ въ замкѣ С. Мартына. 10 Януарія 1486 г.

Разсматривая сіе новое по тогдашнему времени законоположеніе, находимъ, что оно клонилося болѣе на запрещеніе, что бы мало было книгъ печатано на Немѣцкомъ языкѣ, или другими словами, что бы народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненія на Латинскомъ языкѣ писанные, ценсура кажется не распространялася. Ибо тѣ, которые были свѣдущи въ языкѣ Латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденія, ему неприступны, и что читали, понимали ясно и некриво *). И такъ священники хотѣли, что бы одни причастники ихъ власти, были просвѣщенны, что бы народъ науку почиталъ божественаго происхожденія, превыше его понятія, и несмѣлъ бы оныя коснуться. И такъ изобрѣтенное на заключеніе истинны и просвѣщенія въ тѣснѣйшія предѣлы,

*) Сравнить съ нимъ можно дозволеніе имѣть книги иностранные всякаго рода, и запрещеніе таковыхъ же на языкѣ народномъ.

изобретенное недовѣряющею властію ко своему могуществу, изобрѣтенное на продолженіе невѣжества и мрака, нынѣ во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродные ему путы суевѣрія, когда истинна блистаетъ столично паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія правительствъ стремятся на истребленіе заблужденій, и на отверстіе безпреткновенныхъ путей разсудку къ истиннѣ; постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти, принято нынѣ по всемѣстно, укоренено и благою пріемлется преградою блужденію. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностію дать истиннѣ опору, вы заблужденіемъ хотите просвѣщать народы. Блюдитеся убо, да невозродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовати будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загрубѣлыми, что не отъ недостатка пособій къ просвѣщенію, невѣжды пребыли въ невѣжествѣ природы, или паче въ естественной простотѣ, но здѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи, и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая вамъ въ томъ польза боротися самимъ съ собою, и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о семъ священство. Вы заранѣе уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себѣ оковы, если невсегда оковы священнаго суевѣрія, то суевѣрія политическаго, нестоль хотя смѣшнаго, но столь же пагубнаго.

По щастію однако же общества, что неизгнали изъ областей вашихъ книгопечатаніе. Яко древо во всегдашней веснѣ насажденное, нетеряетъ своея зелености, тако орудія книгопечатанія, остановлены могутъ быть въ дѣйствіи, но неразрушены.

Папы уразумѣвъ опасность ихъ власти, отъ свободы печатанія родиться могущей, неукоснили законоположить о ценсурѣ; и сіе положеніе пріяло силу общаго закона, на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверій, Папа Александръ VI первый изъ Папъ законоположилъ о ценсурѣ въ 1507 г. Самъ согбенный подъ всѣми злодѣяніями, неустыдился пещися о непорочности исповѣданія Христіанскаго. Но власть когда краснѣла! Буллу свою начинаетъ онъ жалобою на діавола, который куколь сѣетъ во пшеницѣ, и говоритъ: „Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искуства, многія книги и сочиненія въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче въ Кельнѣ, Майнцѣ, Тріерѣ, Магдебургѣ напечатанныя, содержатъ въ себѣ разныя заблужденія, ученія пагубныя, Христіанскому закону враждебныя, и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются, желая безъ отлагательства предварить сей ненавистной язвѣ, всѣмъ и каждому сказаннаго искуства печатникамъ и къ нимъ принадлежащимъ, и всѣмъ кто въ печатномъ дѣлѣ обращается въ помянутыхъ областяхъ, подъ наказаніемъ проклятія и денежныя пени, опредѣляемой и взыскиваемой почтенными братіями нашими, Кельнскимъ, Майнцкимъ, Тріерскимъ и Магдебургскимъ Архіепископами или ихъ намѣстниками въ областяхъ ихъ, въ пользу Апостольской камеры; Апостольскою властію наистрожайше запрещаемъ, что бы недерзали книгъ, сочиненій или писаній, печатать ,или отдавать въ печать,. безъ доклада вышесказаннымъ Архіепископамъ или Намѣстникамъ, и безъ ихъ особливаго и точнаго безденежно испрошеннаго дозволенія; ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде нежели дадутъ таковое дозво-

леніе, назначенное къ печатанію, прилежно разсмотрятъ, или чрезъ ученыхъ и православныхъ велятъ разсмотрѣть, и да прилѣжно пекутся что бы небыло печатано противнаго вѣрѣ православной, безбожное и соблазнъ производящаго". А дабы прежнія книги, несодѣлали болѣе нещастій, то вѣлено было разсмотрѣть всѣ о книгахъ реестры, и всѣ печатныя книги, а которыя что либо содержали противное Каѳолическому исповѣданію, тѣ сжечь.

О! вы ценсуру учреждающіе, воспомните, что можете сравниться съ Папою Александромъ VI и устыдитеся.

Въ 1515 году Латеранскій Соборъ о ценсурѣ положилъ, что бы никакая книга небыла печатана, безъ утвержденія священства.

Изъ предъидущаго видѣли мы, что ценсура изобрѣтена священствомъ, и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятіемъ и денежнымъ взысканіемъ, справедливо въ тогдашнее время казаться могла ужасною, нарушителю изданныхъ о ней Законоположеній. Но опроверженіе Лутеромъ власти Папской, отдѣленіе разныхъ исповѣданій отъ Римскія церькви, прѣнія различныхъ властей въ продолженіе тридесятилѣтней войны, произвели много книгъ, которыя явилися въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма ценсуры. Вездѣ однако же духовенство, присвояло себѣ право производить ценсуру надъ изданіями; и когда въ 1650 году, учреждена была во Франціи ценсура гражданская, то богословской Факультетъ Парижскаго Университета, новому установленію противурѣчилъ, ссылаяся, что двѣсти лѣтъ, онъ пользовался симъ правомъ.

Скоро по введеніи [1]) книгопечатанія въ Англіи учреждена ценсура. Звѣздная палата, неменьше ужасная въ свое время въ Англіи, какъ въ Испаніи Инквизиція, или въ Россіи Тайная Канцелярія, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ; учредила освобождателя, безъ дозволенія котораго ничего печатать несмѣли. Жестокости ея, противъ писавшихъ о правительствѣ, нещетны, и исторія ея оными наполнена. И такъ, если въ Англіи суевѣріе духовное, не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду ценсуры, возложена она суевѣріемъ политическимъ. Но то и другое пеклися, да власть будетъ всецѣла, да очи просвѣщенія, покрыты всегда пребудутъ туманомъ обаянія, и да насиліе царствуетъ на щетъ разсудка.

Со смертію Графа Страфорда рушилась звѣздная палата; но ни уничтоженіе сего, ни судебная казнь Карла I, немогли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанія. Долгой Парліаментъ возобновилъ прежнія положенія противъ ея здѣланныя. При Карлѣ II и при Яковѣ I, они паки возобновлены. Даже по совершеніи премѣны въ 1692 году узаконеніе сіе подтверждено, но на два только года. Скончавшись, въ 1694 году, вольность печатанія утверждена въ Англіи

---

[1]) Вилліамъ Какстонъ Лондонской купецъ, завелъ въ Англіи книгопечатницу при Едуардѣ IV' въ 1474 году. Первая книга печатанная на Аглинскомъ языкѣ была, Разсужденіе о шашечной игрѣ, переведенное съ Французскаго языка. Вторая, Собраніе рѣченій и словъ философовъ, переведенное Лордомъ Риверсомъ.

совершенно, и ценсура зѣвнувъ въ послѣдней разъ, издохла *).

Американскія правительства, приняли свободу печатанія, между первѣйшими законоположеніями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи, въ главѣ I, въ предложительномъ объявленіи правъ жителей Пенсильванскихъ, въ 12 статьѣ говоритъ: „народъ имѣетъ право говорить, писать и обнародовать свои мнѣнія; слѣдовательно свобода печатанія, никогда недолженствуетъ быть затрудняема". Въ главѣ 2, о образѣ правленія, въ отдѣленіи 35: „печатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хощетъ изслѣдовать, положенія законодательнаго собранія, или другой отрасли правленія. „Въ проектѣ о образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ дабы жители онаго могли сообщать свои примѣчанія въ 1776 году въ Іюлѣ. Отдѣленіе 35. „Свобода печатанія, отверста да будетъ всѣмъ желающимъ изслѣдовать законодательное правительство, и общее собраніе да некоснется оныя никакимъ положеніемъ. Ни какой книгопечатникъ, да непотребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ примѣчанія, цѣненія, наблюденія, о поступкахъ общаго собранія, о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ или о повѣденіи служащихъ, поколику оное касается до исполненія ихъ должностей". Делаварское Государство, въ объявленіи

*) Въ Даніи вольное книгопечатаніе было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай къ Датскому Королю, во свидѣтельство остались, что похвалою, даже мудрому законоположенію, спѣшить ненадлежитъ.

изъяснительномъ правъ, въ 23 статьѣ говоритъ: „Свобода печатанія, да сохраняема будетъ ненарушимо". Мариландское Государство, въ 38 статьѣ, тѣми же словами объясняется. Виргинское, въ 14 статьѣ говоритъ сими словами: „Свобода печатанія есть наивеличайшая защита свободы государственной".

Книгопечатаніе, до перемѣны 1789 года, во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ толико стѣсняемо небыло, какъ въ семъ государствѣ. Стоглазный Аргъ, сторучный Бріарей, Парижская полиція, свирѣпствовала противъ писаній и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ, томилися нещастные, дерзнувшіе охуждать, хищность Министровъ и ихъ распутство. Если бы языкъ французскій, небылъ толико употребителенъ въ Европѣ, небылъ бы всеобщимъ, то Франція стеня подъ бичемъ ценсуры, недостигла бы до того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ея писатели. Но общее употребленіе французскаго языка, побудило завести въ Голандіи, Англіи Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все что явиться недерзало во Франціи, свободно обнародовано было въ другихъ мѣстахъ. Тако сила кичася своими мышцами осмѣяна была и неужасна; тако свирѣпства пенящіяся челюсти праздны оставалися, и слово твердое ускользало отъ нихъ непоглощенно.

Но дивись несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, ценсура во Франціи неуничтожена. И хотя все тамъ печатается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ. Мы недавно читали, да возплачутъ Французы о участи своей, и съ ними человѣчество! мы

читали недавно, что народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ доселѣ ихъ Государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали подъ судъ, за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще хождаешъ близъ Бастильскихъ пропастей.

Размноженіе книгопечатницъ въ Нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъѣмлетъ у нее возможность свирѣпствовать противъ разсудка и просвѣщенія. Малыя Нѣмецкія правленія, хотя вольности книгопечатанія, стараются положить преграду, но безъуспѣшно. Векерлинъ, хотя мстящею властію, посаженъ былъ подъ стражу, но Сѣдое Чудовище, осталося у всѣхъ въ рукахъ. Покойной Фридрихъ II Король Пруской, въ земляхъ своихъ печатаніе здѣлалъ почти свободнымъ; некакимъ либо законоположеніемъ, но дозволеніемъ токмо, и образомъ своихъ мыслей. Чему дивится, что онъ неуничтожилъ ценсуры; онъ былъ самодержецъ, коего любезнѣйшая страсть была всесиліе. Но воздержись отъ смѣха.—Онъ узналъ, что указы имъ изданные, нѣкто намѣренъ былъ собравъ напечатать. Онъ и къ онымъ приставилъ двухъ ценсоровъ, или правильнѣе сказать браковщиковъ. О властвованіе! о всѣсиліе! ты мышцамъ своимъ недовѣряешъ. Ты боишся собственнаго своего обвиненія, боишся что бы языкъ твой тебя непосрамилъ, что бы рука твоя тебя незаушила!—Но какое добро сіи насильствованные ценсоры произвести могли? Не добро, но вредъ. Скрыли они отъ глазъ потомства нелѣпое какое либо законоположеніе, которое на судъ будущей, власть оставить стыдилась; которое оставшися

явнымъ, было бы можетъ быть уздою власти, да недерзаетъ на уродливое. Императоръ Іосифъ II рушилъ отъ части преграду просвѣщенія, которая въ Австрійскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ, въ царствованіе Маріи Терезіи, тяготила разсудокъ; но немогъ онъ стрясти съ себя бремени предразсужденіи, и предлинное издалъ о цензурѣ наставленіе. Если должно его хвалить за то, что невозбранялъ опорочивать свои рѣшенія, находить въ поведѣніи его недостатки, и таковыя порицанія издавать въ печати; но похулимъ его за то, что на свободѣ въ изъясненіи мыслей, онъ оставилъ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!..*) Чему дивиться, скажемъ и теперь какъ прежде: Онъ былъ Царь. Скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей если не въ Царской?

Въ Россіи... Что въ Россіи съ цензурою происходило, узнаете въ другое время. А теперь не производя цензуры надъ почтовыми лошадьми, я поспѣшно отправился въ путь.

---

*) Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что наслѣдникъ Іосифа II, намѣренъ возобновить цензурную комиссію, предмѣстникомъ его уничтоженною.

МѢДНОЕ.

Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли"... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—пляшутъ—подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. — Но я читалъ слѣдующѣе. Немогъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія, до сердца моего непроникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли, и суди.

Каждую недѣлю два раза, вся Россійская Имперія извѣщается, что Н:Н: или Б:Б: въ несостояніи или нехочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н:Н: или Б:Б: другими какими либо случаями, вошелъ въ долгъ, или подъ взысканіе. То и другое на равнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется.—Публикуется— „Сего... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга, отставнаго Капитана Г... недвижимое имѣніе, домъ состоящей въ... части, подъ Но... и при немъ, шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговремянно".

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ гдѣ оная производится, стоятъ неподвижны, на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, опершись на вязовой дубинкѣ, жаждетъ угодать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцемъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ походѣ, при Федмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфурскую баталію, онъ раненаго своего господина, унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой былъ дядькою своего молодаго барина. Во младенчествѣ, онъ спасъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ переѣжжая на поромѣ, и съ опасностію своей жизни, спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги, въ бытность свою въ гвардіи унтеръ офицеромъ.—Старуха 80 лѣтъ; жена его, была кормилицею матери своего молодаго барина; его была нянькою, и имѣла надзираніе за домомъ, до самаго того часа, какъ выведена на сіе торжище. Во все время службы своея, ничего у господъ своихъ неутратила, ни чемъ непокорыстовалась, никогда нелгала, а если иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. — Женщина лѣтъ въ 40 вдова, кормилица молодаго своего барина. И до днѣсь чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ жилахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его нерадѣла. Кормилица и нянька его были его воспитанницы. Онѣ съ нимъ разстаются какъ съ сыномъ. — Молодица 18 лѣтъ дочь ея и внучка стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри

на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы ліющіяся изъ ея прелѣстныхъ очей. Не ты ли, невозмогши прельщеніемъ и обѣщаніями уловить ея невинности, ни устрашить ея непоколебимости угрозами и казнію, на конецъ употребилъ обманъ, обвѣньчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насладился веселіемъ, котораго она дѣлить съ тобой гнушалася. Она узнала обманъ твой. Вѣнчанной съ нею некоснулся болѣе ея ложа, и ты лишенъ ставъ твоея утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя, исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги... но сего неокончаемъ. На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе. Она держитъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его, позабыла отцево звѣрство, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, что бы непопасть въ руки ему подобнаго. — Младенецъ... Твой сынъ варваръ, твоя кровь. Иль думаешъ, что гдѣ небыло обряда церьковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности. Иль думаешъ, что данное по приказанію твоему благословеніе, наемнымъ извѣщателемъ слова Божія, сочетованіе ихъ утвердило, иль думаешъ, что насильственное вѣнчаніе во храмѣ Божіемъ можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзитъ принужденіемъ, онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодѣйствъ и растлѣній, совершается во имя отца радостей и утѣшителя скорбей, при его свидѣтеляхъ, недостойныхъ своего сана.—Дѣтина лѣтъ въ 25, вѣнчанной ея мужъ, спутникъ и наперстникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ ево глазахъ. Раскаявается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ

его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать нетрудно... Безплодное рвеніе. Достанешся другому. Рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей. Ты умереть неумѣешъ. Ты склонишся и будешъ рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. А если бы возхотѣлъ противиться, умрешъ въ оковахъ томною смерьтію. Судіи между вами нѣтъ. Незахочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать. Онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ тебя градскому правосудію. — Правосудіе! — гдѣ обвиняемый неимѣетъ почти власти оправдаться.—Пройдемъ мимо другихъ нещастныхъ, выведенныхъ на торжище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо нещастныхъ узнали свою участь—слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшія были тронуты. Окаменѣлыя сердца! по что безплодное соболѣзнованіе? О Квакеры! если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложилися и купивъ сихъ нещастныхъ, даровали бы имъ свободу.—Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другаго, нещастные сіи къ поносной продажѣ, возчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ, иль лучше сказать, обычай варварской, ибо въ законѣ того неписано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе, какое право имѣете продавать сего младенца? Онъ незаконорожденной. Законъ его освобождаетъ. Постойте я буду доноситель; я избавлю его. Если бы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О щастіе! по что ты такъ обидило меня въ твоемъ раздѣлѣ? Днесь жажду вкусити прелѣстнаго твоего взора, впер-

вые ощущать начинаю страсть къ богатству.—Сердце мое столь было стѣснено, что выскочивъ изъ среды собранія, и отдавъ нещастнымъ послѣднею гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ.—Что тебѣ сдѣлалось? ты плачешъ! Возвратись, сказалъ я ему; небудь свидѣтелемъ срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай, варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ, въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я, небудь свидѣтелемъ нашего затмѣнія, и да невозвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бѣседуя съ ними о нашихъ нравахъ.—Немогу сему я вѣрить, сказалъ мнѣ мой другъ; невозможно, что бы тамъ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ, столь постыдное существовало обыкновеніе.—Недивись, сказалъ я ему, установленіе свободы въ исповѣданіи, обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей, обидитъ какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія.

ТВЕРЬ.

Стихотворство у насъ, говорилъ товарищь мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поезія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ уразумѣвъ смѣшное въ Польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него недерзнулъ. По нещастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ; и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ въ слѣдъ за ними, невоображаютъ, что бы другіе стихи быть могли, какъ Ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія незаслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова, или псалмопѣвца Дактилями, или если бы Сумароковъ, Семиру или Димитрія написалъ Хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь Ямбовъ, и болѣе бы славы въ осмилѣтнѣмъ своемъ приобрѣлъ трудѣ, описавъ взя-

тіе Казани, свойственнымъ Епопеи стихосложеніемъ. Недивлюсь, что древней треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ; но желалъ бы я, что бы Омиръ между нами не въ Ямбахъ явился, но въ стихахъ подобныхъ его, Ексаметрахъ, и Костровъ хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы Епоху въ нашемъ стихосложеніи; ускоривъ шествіе самой Поезіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ, остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимой возовикъ Тредіаковскій, немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи, глубокій пустили корень. Парнассъ окруженъ Ямбами, и Рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать Дактилями, тому тотъ часъ Тредіяковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ неродится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредіяковскаго выроютъ изъ порозшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безрифміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ французкой языкъ будетъ въ Россіи, больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣ-

сколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота непоблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Волтеръ, Шекеспиръ, Тассо и многіе другіе, читаны будутъ доколѣ неистребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бѣседовать съ вами, о разныхъ стихахъ Россійскому языку свойственныхъ. Что такое Ямбъ, Хорей, Дактиль, или Анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійской языкъ гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали невсегда Ямбами. Гораздо бы Епической поемѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады небылъ въ Ямбахъ, а Ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрекъ пирной мой товарищь, однимъ духомъ и съ толикою поворотливостію языка, что я неуспѣлъ ни чего ему сказать на возраженіе, хотя много кой чего имѣлъ на защищеніе, Ямбовъ и всѣхъ тѣхъ которые ими писали.

Я и самъ, продолжалъ онъ заразительному послѣдовалъ примѣру, и сочинялъ стихи Ямбами, но то были оды. Вотъ остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ; да и оставшуюся таже ожидаетъ участь, какъ и сосестръ ея постигшая. Въ Москвѣ нехотѣли ее напечатать, по двумъ причинамъ, перь-

вая, что смыслъ въ стихахъ неясенъ, и много стиховъ топорной работы, другая, что предмѣтъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ, просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласкаяся яко нѣжной отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать нехотѣли, снисходительно возрятъ на первую. Если вамъ не въ тягость будетъ, прочесть нѣкоторыя строфы, сказалъ онъ мнѣ подавая бумагу.—Я ее развернулъ и читалъ слѣдующѣе. Вольность... Ода... За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ. Но я очень помню, что въ Наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: „вольностію называть должно то, что всѣ одинаковымъ повинуются законамъ. Слѣдственно, о вольности у насъ говорить вмѣстно.

I.

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ;
О! вольность, вольность, даръ безценный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ,
Во свѣтъ, рабства тьму, претвори
Да Брутъ и Телль, еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся,
Отъ гласа твоего Цари.

Сію строфу обвинили для двухъ причинъ, за стихъ, „во свѣтъ рабства тьму претвори“. „Онъ очень тугъ, и труденъ на изреченіе, ради частаго повторенія буквы Т, и ради соитія частаго согласныхъ буквъ, „бства тьму претв.“ на десять согласныхъ три глас-

ныхъ, а на Россійскомъ языкѣ толико же можно писать сладостно, какъ и на Италіанскомъ... Согласенъ... хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ находя въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія... Но вотъ другой, „да смятутся отъ гласа твоего Цари". Желать смятенія Царю, есть то же, что желать ему зла; слѣдовательно... Но я нехочу вамъ наскучить всѣми примѣчаніями, на стихи мои сдѣланными. Многіе признаюсь изъ нихъ были справедливы. Позвольте что бы я вашимъ былъ чтецомъ.

2.

Я въ свѣтъ свѣтъ изшелъ и ты со мною...
Сію строфу пройдемъ мимо. Вотъ ее содержанье:
Человѣкъ во всемъ отъ рожденія свободенъ...

3.

Но чтожъ претитъ моей свободѣ,
Желаньямъ зрю вездѣ предѣлъ;
Возникла обща власть въ народѣ,
Соборной всѣхъ властей удѣлъ.
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно.
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ своей зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тягченныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины,

Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ.
Пароска мрамора бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
Тамъ жертва лжива некурится,
Тамъ надьпись пламенная зрится:
„Конецъ, невинности бѣдамъ".

5.

Оливной вѣтвію веньчанно,
На твердомъ камени сѣдяй;
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество. . . . . .

И пр. изображается законъ въ видѣ божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудіе.

6.

Возводитъ строгія зеницы,
Льетъ радость, трепетъ, вкругъ себя;
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства незнаетъ, ни пріязьни
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божій на земли.

7.

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ.

Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить всѣмъ вѣлитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою,
И всюду вѣя ползкій ядъ;....

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъѣмлющаго у человѣка чувствительность, влѣкущее его въ яремъ порабощенія и заблужденія во броню его облѣкшее: Боятся истинны велѣлъ...

Власть называетъ оное, извѣтомъ божества; разсудокъ обманомъ.

9.

Возримъ мы въ области обширны,
Гдѣ тусклой тронъ стоитъ рабства;

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣріе священное и политическое, подкрѣпляя другъ друга,

Союзно общество гнѣтутъ.
Одно сковать разсудокъ тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую рекутъ.

10.

Покоя рабскаго подъ сѣнью,
Плодовъ златыхъ невозростетъ;
Гдѣ все ума претитъ стремленью,
Великость тамъ непрозябетъ.

И всѣ злые слѣдствія рабства, какъ то безпѣчность, лѣность, коварство, голодъ и пр.

11.

Чело надмѣнное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, Царь,
На громномъ тронѣ, властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишъ подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
„По волѣ, рѣкъ, щажу злодѣя,
„Я властію могу дарить;
„Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
„Нахмурюсь грозно, все смятется.
„Живешъ тогда, велю коль жить".

12.

И мы внимаемъ хладнокровно...

Какъ, алчной змій, ругаяся всѣмъ, отравляетъ, дни веселія и утѣхъ. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ преклонше колѣна; трепещи, се мститель грядетъ, прорицая вольность...

13.

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна,
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечь остръ, я зрю вездѣ сверкаетъ;
Въ различныхъ видахъ смерть лѣтаетъ;
Надъ гордою главой паря.
Ликуйте склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

14.

И нощи се завѣсу лживой,
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой,
Огромной истуканъ поправъ;
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ:
„Преступникъ власти мною данной!
„Вѣщай злодѣй, мною вѣнчанной,
„Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

15.

„Тебя облекъ я во порфиру
„Равенство въ обществѣ блюсти,
„Вдовицу призирать и сиру,
„Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти,
„Отцемъ ей быть, чадолюбивымъ;
„Но мстителемъ непримиримымъ,
„Пороку, лжѣ и клеветѣ;
„Заслуги честью награждати,
„Устройствомъ зло предъупреждати,
„Хранити нравы въ чистотѣ.

16.

Покрылъ я море кораблями...

Далъ способъ къ приобрѣтенію богатствъ и благодѣнствія. Желалъ я что бы земледѣлецъ небылъ плѣнникъ на своей нивѣ, и тебя бы благословлялъ...

17.

„Своихъ кровей я безъпощады
„Гремящую воздвигнулъ рать;

„Я мѣдны изваялъ громады,
„Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать.
„Тебѣ велѣлъ повиноваться
„Съ тобою къ славѣ устремляться.
„Для пользы всѣхъ, мнѣ можно все.
„Земныя нѣдра раздираю,
„Металлъ блестящій извлекаю,
„На украшеніе твое.

18.

„Но ты забывъ мнѣ клятву данну,
„Забывъ, что я избралъ тебя;
„Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну
„Возмнилъ, что ты Господь, не я;
„Мечемъ мои разторгъ уставы;
„Безгласными повергъ всѣ правы,
„Стыдиться истиннѣ велѣлъ.
„Разчистилъ мерзостямъ дорогу,
„Взывать сталъ не ко мнѣ но къ Богу,
„А мной гнушаться восхотѣлъ.

19.

„Кровавымъ потомъ доставая
„Плодъ, кой я въ пищу насадилъ,
„Съ тобою крохи раздѣляя,
„Своей натуги нещадилъ;
„Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
„На чтожъ скажи ихъ недостало,
„Что рубище съ меня сорвалъ?
„Дарить любимца полна лести!
„Жену чуждающуся чести!
„Иль злато Богомъ ты призналъ?

20.

„Въ отличность знакъ изобрѣтенный,
„Ты началъ наглости дарить;
„Въ злодѣя мечь мой изощренный,
„Ты сталъ невинности сулить;
„Сгружденные полки въ защиту,
„На брань ведешъ ли знамениту,
„За человѣчество карать?
„Въ кровавыхъ борешся долинахъ,
„Дабы упившися въ Аѳинахъ,
„Ирой, зѣвавъ мо́гли сказать.

21.

Злодѣй злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій...
Ты всѣ совокупилъ злодѣянія, и жало свое въ мѣня устремилъ...
Умри, умри же ты сто кратъ.
Народъ вѣщалъ...

22.

Великій мужъ, коварства полный,
Ханьжа, и льстецъ и святотать!
Единъ ты, въ свѣтъ столь благотворный
Примѣръ великій, могъ подать.
Я чту Кромвель въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ.
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы,
Ты Карла, на судѣ, казнилъ.

23.

И се гласъ вольности раздается во всѣ концы...
На вечѣ весь течетъ народъ;
Престолъ чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древлѣ сотрясаетъ,
Исполненный коварствъ чертогъ.
Закономъ строитъ твердь природы.
Великъ, великъ, ты духъ свободы,
Зиждителенъ какъ самъ есть Богъ!

24.

Въ слѣдующихъ одиннадцати строфахъ, заключается описаніе царства свободы, и дѣйствія ея; то есть сохранность, спокойствіе, благодѣнствіе, величіе...

34.

Но страсти изощряя злобу...
Превращаютъ спокойствіе гражданъ въпагубу...
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны раздираютъ,
И всѣ слѣдствія безмѣрнаго желанія властвовати...

35. 36. 37.

Описаніе пагубныхъ слѣдствій роскоши. Междоусобій. Гражданская брань. Марій, Сулла, Августъ...
Тревожну вольность усыпилъ.
Чугунный скипетръ обвилъ цвѣтами... слѣдствіе того, порабощеніе...

38. 39.

Таковъ есть законъ природы; изъ мучительства рождается вольность, изъ вольности рабство...

40.

Начто сему дивиться, и человѣкъ родится на то что бы умереть...

Слѣдующія 8 строфъ содержатъ прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе чемъ будетъ пространнѣе. Но время еще непришло. Когда же оно наступитъ, тогда

Встрещатъ заклѣпы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову, и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность.....

49.

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ, и направляемое надеждою свободы, и неистребимымъ природы правомъ, двинется.... И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть,

Развѣется въ одно мгновенье.
О день избраннѣйшій всѣхъ днѣй!

50.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла.

Вотъ и конецъ, сказалъ мнѣ новомодной стихотворецъ.—Я очень тому порадовался, и хотѣлъ было ему сказать, можетъ быть непріятное на стихи его возраженіе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карапкаться на пегаса, когда онъ съ норовомъ.

ГОРОДНЯ.

Въѣжжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣніемъ, слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцовъ. Вставъ изъ моей кибитки отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину, примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ узналъ я, что рекрутской наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ пятидесяти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила. Любезное мое дитетко, на кого ты меня покидаешъ? Кому ты поручаешъ домъ родительской? Поля наши поростутъ травою; мохомъ наша хижина. Я бѣдная престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ мѣня и накормитъ? Да все то нестоль сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ. Кто придетъ воспомянуть меня надъ могилою? Неканетъ на нее твоя горячая слеза; небудетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она такъ же вопила.—Прости мой другъ сердечной,прости

мое красное солнушко. Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, небудетъ больше утѣхи ни веселья. Непозавидуютъ мнѣ подруги мои. Невзойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешъ, ни вдовою ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали бы намъ обвѣнчатися; хотя бы ты мой милой другъ, хотя бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. А вось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.

Парень имъ говорилъ: Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жеребей. Воля Божія. Кому неумирать, тотъ живъ будетъ. А восьлибо я съ полкомъ къ вамъ приду. А восьлибо дослужуся до чина. Некрушися моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку.—Рекрута сего отдавали изъ Экономическаго селенія.

Со всѣмъ другаго рода слова, внялъ слухъ мой въ близь стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ тридцати, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ небуду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину, необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о

семъ, онъ отвѣтствовалъ: Если бы, государь мой, съ одной стороны, поставлена была висилица, а съ другой глубокая рѣка и стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было ити на право или на лѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ что преплывъ на другой брегъ опасность уже минется. Ни кто несогласился бы изпытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей щитаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ но къ нещастію ихъ горчайшему они чувствительности нелишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего неудивляетесь жестокосердію своей собратіи, дворянъ.

И по истиннѣ неожидалъ я сказаннаго, отъ одѣтаго въ смурой кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но желая удовлѣтворить моему любопытству, я просилъ его, что бы онъ увѣдомилъ меня, какъ будучи толь низкаго состоянія, онъ достигъ понятій, недостающихъ нерѣдко въ людяхъ, несвойственно называемыхъ благородными.

Если вы непоскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ; сынъ дядьки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что неназовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ

именованіемъ, ни позыва несдѣлаютъ свистомъ. Старой мой баринъ, человѣкъ добросердечной, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшій надъ участію своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего, отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти небыло развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодаго боярина, тому учили и меня; наставленіи намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодаго господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, щастіе твое зависитъ совсемъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешъ побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды неузнаетъ, а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія.—На семнадцатомъ году возраста молодаго моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе краи съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюся, что ты возвратишся къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ рожденіемъ твоимъ на тебя наложенныхъ, ты необрящешъ. Мы отсутственны были пять лѣтъ, и возвращалися въ Россію; молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я признаюсь, ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истиннѣ предчувствіе его было нело-

жно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ, получилъ извѣстіе о смерьти своего отца. Онъ былъ оною тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои стараніи, пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодаго моего барина, всегда были тщетны. Онъ нетолько меня нелюбилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе непозабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомыслiе оныя помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывшей мой господинъ, влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу; но которая съ красотою тѣлесною, соединяла скареднѣйшую душу, и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Чрезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина, и моя повелительница. До того времени я нечувствовалъ перемѣны въ моемъ состоянiи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего неприказывалъ, но я предъупреждалъ его иногда желаніи, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялася начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первой вечеръ

по свадьбѣ и слѣдующій день, въ которой я ей представленъ былъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру когда при довольно многолюдномъ собраніи, пришли всѣ къ столу, и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа, сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оной несажалъ. Онъ взглянувъ на меня и движемъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, что бы я изъ за стола вышелъ; и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я скрывъ однако же, изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день несмѣлъ я показаться. Ненавѣдываяся обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня небыло дома. Неповторю того, что она говорила будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ етажѣ, съ холостыми офиціантами; гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы незанимать васъ излишнимъ можетъ быть повѣ-

ствованіемъ, госпожа моя вступивъ въ управленіе дома, и ненаходя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи, и надѣла на меня ливрѣю. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности, влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мнѣ неродиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрости въ невѣжествѣ, недумавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы, избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы неудерживало прещеніе вышняго надъ всѣми судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. И сносилъ нетокмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва непреступилъ я своего обѣта, и не отъялъ у себя томныя остатки плачевнаго житія, при случившемся новомъ души уязвленіи.

Плѣмянникъ моей барыни, молодецъ осмадцати лѣтъ, сержантъ Гвардіи, воспитанный во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горнишную дѣвку своей тетушки, и скоро овладѣвъ, опытною ея горячностію, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ произшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его узнавъ о семъ запретила входъ къ себѣ своей горнишной; а плѣмянника побранила съ лѣгка. По обыкновенію милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдавъ ее за конюха за мужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей ненашла. И о семъ госпожа моя, въ присутствіи своего супруга мнѣ

возвѣстила, яко отмѣнную мнѣ милость. Немогъ я болѣе терпѣть поруганія.—Безчеловѣчная женщина! во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло; говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть неможетъ.—Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея.—Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но недоводи до отчаянія души, твоея благороднѣйшей, страшись!—Болѣе сказать я не могъ, ибо по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню, и сѣченъ нещадно кошками. Надругой день, едва я могъ встать отъ побоевъ съ постѣли; и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебѣ прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу ето для нее сдѣлать. Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другаго неимѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство, въ принужденіи меня къ тому, къ чему неимѣете права.—Ну такъ пора въ солдаты, вскричала яростно моя госпожа... Потерявшей путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю, меньше обрадуется сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова: въ солдаты, повторила она, и на другой день то было исполнено.—Несмысленная! она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки начали дѣйствовать. О! надежда сладостное не-

щастному чувствіе, пребуди во мнѣ.—Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія изтупила изъ очей его.—Я прижалъ его къ сердцу моему. Лице его новымъ озарилось веселіемъ. Невсе еще изчезло; ты вооружаешъ душу мою, вѣщалъ онъ мнѣ, противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое небезконечно.

Отъ сего нещастнаго я подошелъ къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ взирая на сихъ узниковъ, теперь унылы, томны, робки, нетокмо нежелаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вмѣстить ихъ въ сіе состояніе; но обыкнувъ въ семъ тяжкомъ во исполненіи званіи, становятся бодры, предпріимчивы, гнушаяся даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у одного близьстоящаго, которой по одеждѣ своей приказнымъ служителемъ былъ казался.—Конечно бояся ихъ побѣгу заключили ихъ въ толь тяжкія оковы.—Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому занадобилися деньги на новую карету, и для полученія оной, онъ продалъ ихъ для отдачи въ рекруты, казеннымъ крестьянамъ.

Я). Мой другъ ты ошибаешся, казенные крестьяне покупать немогутъ своей братіи.

Онъ). Не продажею оно и дѣлается. Господинъ сихъ нещастныхъ, взявъ по договору деньги, отпускаетъ ихъ на волю; они будто по желанію приписываются въ государственные крестьяне къ той волости, которая за нихъ платила деньги, а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпускными, для приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего непреступившіе въ оковахъ, продаются какъ скоты! О законы! премудрость ваша, часто бываетъ только въ вашемъ слогѣ! Не явное ли се вамъ посмѣяніе? Но паче еще того, посмѣяніе священнаго имени вольности. О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности ихъ препятствующимъ главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрили нивы свои! что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ, изторгнулися великіе мужи, для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія лишенны.—Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе.— Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ. Возвратимся.... Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ; вѣдаете ли вы, что если вы сами нежелаете вступить въ воинское званіе, ни кто къ тому васъ теперь принудить неможетъ.—Перестань баринъ шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки, больно было разставаться одному съ дряхлымъ отцемъ, другому съ малолѣтными сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ, для отдачи въ рекруты за тысячу рублей.—Если вы до сего времени невѣдали, то вѣдайте что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать немогутъ; что вамъ отъ барина дана отпускная; и что васъ покупщики ваши хотятъ припи-

сать въ свою волость, будто по вашей волѣ.—О если такъ баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты нехотимъ и что мы вольные люди.—Прибавьте къ тому, что васъ продалъ вашъ господинъ, не въ указное время и что отдаютъ васъ насильнымъ образомъ. *). Легко себѣ вообразить можно радость распростершуюся налицахъ сихъ нещастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста, и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытываютъ свои силы, какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты, отдатчики рекрутскіе вразумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ, прискочивъ ко мнѣ, говорили баринъ не въ свое мѣшается дѣло, отойди пока сухъ: и сопротивляющагося начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принужденъ былъ удалиться отъ сея толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружащихъ человѣка въ разодранномъ сертукѣ, нѣсколько, казалося, пьянаго, кривляющагося на предстоящихъ, которые глядя на него хохотали до слезъ.—Что тутъ за чудо спросилъ я у одного мальчика, чему вы смѣетеся?—А вотъ рекрутъ иноземецъ, поруски неумѣетъ пикнуть.—Изъ рѣдкихъ словъ имъ изреченныхъ, узналъ я, что онъ былъ Французъ. Любопытство мое паче возбудилося: и желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами? Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ.—Мой другъ, какими судьбами ты здѣсь находишся?

*). Во время рекрутскаго набора запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія.

Французъ.) Судьбѣ такъ захотѣлося, гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я) Да какъ ты попался въ рекруты?

Фран.) Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ захотѣлъ.

Я.) Но какъ то случилося, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты. Изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ крестьянъ, и рускихъ; а ты я вижу не мужикъ, и не руской.

Фран.) А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился перукмахерству. Выѣхалъ въ Россію съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ. Ему мнѣ заплатить было нечемъ. Я оставилъ его; ненашедъ мѣста, чуть неумеръ съ голоду. По щастію могъ попасть въ матрозы на корабль, идущей подъ Россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море приведенъ я къ присягѣ, какъ Россійской подданной, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ, за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей упалъ съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что меня навсегда сдѣлало неспособнымъ управлять гребнемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался Прускимъ наборщикамъ, и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Заколовъ будучи пьяной своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ что я обязанъ въ Россіи присягою; и яко вѣрной сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ щастіе и искуство мое мнѣ послужили; выигралъ въ шинкѣ рублей съ двадцать и купивъ се-

бѣ за десять, изрядной кафтанъ, отправился лакѣемъ съ Казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина, и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они мнѣ отвѣчали, ты говоришъ по французски, то и того довольно. Хозяинъ мой невидалъ какъ я на улицѣ отъ него удалился, онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ Москвѣ. Скоро мнѣ земляки мои нашли учительское мѣсто, за сто пятьдесятъ рублей, пудъ сахару, пудъ кафе, десять фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета. Но жить надлѣжало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Тамъ цѣлой годъ незнали, что я писать неумѣю. Но какой то сватъ того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Ненашедъ другаго подобнаго сему дурака, немогши отправлять мое ремѣсло съ изломанными пальцами, и боясь умереть съ голоду, я продалъ себя за двести рублей. Меня записали въ крестьяне, и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь, говорилъ онъ важнымъ видомъ, что сколь скоро будетъ война, то дослужуся до генеральскаго чина; а небудетъ войны, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ мое отечество.

Пожалъ я плечами не одинъ разъ, слушавъ сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ въ кибитку, отправился въ путь.

ЗАВИДОВО.

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великой шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гранодерской шабкѣ, гордо разхаживающаго, и держа поднятую плѣть кричащаго: Лошадей скорѣя; гдѣ староста? его Превосходительство будетъ здѣсь чрезъ минуту; подай мнѣ старосту... Снявъ шляпу за сто шаговъ староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланной ему позывъ.—Лошадей скорѣя.—Тотъ часъ батюшка; пожалуйте подорожную.—На. Да скорѣя же, а то я тебя... говорилъ онъ поднявъ плѣть надъ головою дрожащаго старосты. Недокончанная сія рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія въ Енеидѣ, рѣчь Еола къ вѣтрамъ. „Я васъ“... и сокращенной видомъ плѣти, властновелительнаго гранодера староста, столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры, ощущали надъ собою власть, сильной Еоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ, „его Превосходительству „съ честною его фамиліей, потребно пятьдесятъ лоша„дей, а у насъ только тридцать на лицо, другія въ „разгонѣ.—Роди старой чортъ. А небудетъ лошадей то „тебя изъуродою.—Да гдѣ же ихъ взять, коли взять „негдѣ.—Разговорился еще... А вотъ лошади у меня

„будутъ"... и схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью, нещадно.—„Полно ли съ „тебя. Да вотъ три свѣжіе, говорилъ строгій судья „ямскаго стана, указывая на впряженныхъ въ мою „повозку. Выпряги ихъ для насъ.—Коли баринъ та „ихъ отдастъ.—Какъ бы онъ неотдалъ. У меня и ему „то же достанется. Да кто онъ таковъ?—Невѣсть ка„кой то... какъ онъ меня величалъ, того незнаю.

Между тѣмъ я вышедъ на улицу, воспретилъ храброму предтѣчѣ его Превосходительства, исполнить его намѣреніе, и выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ гвардейскимъ полканомъ, прерванъ былъ пріѣздомъ его Превосходительства. Еще издали слышенъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ, и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ подымающеюся пылью, толико сгустили воздухъ, что колесница его Превосходительства, закрыта была непроницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его, аки громовой тучи ямщиковъ. Донъ Кишотъ конечно нѣчто чудесное бы тутъ увидѣлъ; ибо несущееся пыльное облако подъ знатною его Превосходительства особою, вдругъ остановясь разверзлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли серовиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ пріѣзду моего на почтовой станъ, до того времени какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошло по крайнѣй мѣрѣ цѣлой часъ. Но повозки его Превосходительства, запряжены были неболѣе какъ въ четверть часа... и поскакали они на крылѣхъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казалися

тѣхъ, кои удостоилися вести Превосходительную особу, но небояся гранодерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лѣнтами. Вся природа имъ повинуется. Даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ, и дабы имъ въ путешествіи зѣвая ненаскучилось, скачутъ они нежалѣя ни ногъ ни легкаго, и нерѣдко отъ натуги околеваютъ. Блаженны повторю я имѣющіе внѣшность къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плѣти имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной граматикѣ называется; что ему ни А,... ни О,... во всю жизнь свою сказать не удалося*); что онъ одолженъ, и сказать стыдно, кому своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убивство небольше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиды его никогда отъ стыда некраснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечены; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника, и рабъ едва, едва при дворѣ нечто значущаго. Но властелинъ и презирающъ, невѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность, безъ истиннаго достоинства, подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то об-

*) См. рукописную Придворную Граматику Фонъ-Визина.

манъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцовъ они нетерпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за его Превосходительствомъ. Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролѣтѣ его изчезла, и я пріѣхавъ въ Клинъ, нашелъ даже память его погибшую съ шумомъ.

КЛИНЪ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміамъ Князь... Поющей сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сѣдящій у воротъ почтоваго двора, окруженной толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствія въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца, предстоять ему со благоговѣніемъ. Неискусной хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенные во благогласіи уши, жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези, или Тоди. Никто изъ предстоящихъ, неостался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинской пѣвѣцъ, дошедъ до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилися изступающихъ изъ чувствительной отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлѣтѣла сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явились робость, неложной знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія; даже мужественной воз-

растъ, къ жестокости толико привыкшей, видъ воспріялъ важности. О! природа возопилъ я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ, и онаго чувствительность. Я рыдалъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ изторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты незрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія, была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денешки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба, довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему: „Дай Богъ тебѣ здоровья“. Я нехотѣлъ отъѣхать, небывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія, на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ, облегчаетъ стезю въ шествіи, и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, неуспѣлъ онъ изрещи, обыкновеннаго своего благословѣнія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горьсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества, въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою

гордость. Онъ несопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба, пѣвшему старцу!—Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово.—Нѣтъ дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близь стоящей его мальчикъ.—По что такая милостыня? сказалъ слѣпой опуская мѣста своихъ очей и ища казалося, мысленно вообразити себѣ то, что въ горьсти его лежало. По что она немогущему ею пользоваться. Если бы я нелишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарность. Неимѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? невижу куда его и положить; подастъ онъ можетъ быть случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возми его назадъ доброй господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора.—О истинна! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешъ въ укоризну.—Возми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его нестою; ибо неслужилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, что бы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ, лишенъ я былъ вождей моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я нещадилъ никогда у

ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоруженному, помилованія недарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ, пролѣтѣвшимъ мимо очей, въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество.—Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничной пирогъ дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина, лѣтъ пятидесяти.—Съ какимъ восторгомъ, онъ принялъ его обѣими руками.—Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду, ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Незабыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, что бы ты до гроба моего меня незабывала? Я друзья мои, избавилъ отца ее, отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ, отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика, и его избавилъ отъ побой; можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего непозабываетъ она каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ни что непропадаетъ.

Но уже ли ты меня, столько предъ всѣми обидишъ,

старичокъ сказалъ я ему, и одно мое отвергнешъ подаяніе? Не уже ли моя милостыня есть милостыня грѣшника. Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца.—Ты огорчаешъ давно уже огорченное сердце, естественною казнію, говорилъ старецъ; невѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, непріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешъ мнѣ что дать, дай что можетъ мнѣ быть полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло—платчишка небыло чемъ повязать шѣи—Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли старинькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шѣю; горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминовеніе нищаго.—Я снялъ платокъ съ моей шѣи, повязалъ на шѣю слѣпаго... И разстался съ нимъ.

Возвращаяся чрезъ Клинъ, я уже ненашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дня моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ заболѣвъ передъ смертію на шѣю, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушавъ сіе.

ПЕШКИ.

Сколь мнѣ ни хотѣлось поспѣшать въ окончаніи моего путешествія, но по пословицѣ голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ недоберуся опять до рагу, фрикасе, паштетовъ и протчаго Французскаго кушанья на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ мѣня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ, гораздо хуже нежели иногда обѣдаютъ многіе Полковники, (неговорю о Генералахъ) въ дальныхъ походахъ; я по похвальному общему обыкновенію, налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофію, и услаждалъ прихотливость мою, плодами пота нещастныхъ Африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка, подослала ко мнѣ маленькова мальчика, попросить кусочикъ сего боярскаго кушанья.—Почему боярское? сказалъ я ей, давая ребенку остатокъ моего сахара; не уже ли и ты его употреблять неможешъ?—Потому и боярское, что намъ купить его не на что, а бояре его употребляютъ для того, что не сами достаютъ деньги. Правда что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, то его покупаетъ, но такъ же на наши слезы.—Развѣ ты думаешь; что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать.—Не всѣ, но всѣ господа дворяне. Не слезы ли ты кре-

стьянъ своихъ пьешъ, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ, какъ и мы?—Говоря сіе показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣяной муки.—Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ. У многихъ сосѣдей нашихъ, и того хуже. Чтожъ вамъ бояре въ томъ прибыли что вы ѣдите сахаръ а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ быть потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ.—И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевныя скорби, исполнила сердце мое грустію. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно, всю утварь крестьянскія избы. Первой разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ на немъ скользило.—Четыре стены до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ покрайней мѣрѣ порошей грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющей избу; окончины въ коихъ натянутой пузырь смѣркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три; (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день есть пустыя шти!) Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или тѣлятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли непарятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха,

обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.—Вотъ въ чемъ почитается по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки, и злоупотребленіи законовъ, и ихъ шароховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе.—Звѣри алчные, піявицы ненасытные, что мы крестьянину оставляемъ? то чего отнять неможемъ, воздухъ. Да одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него, нетокмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ.—Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь.—Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина, есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія, и пожеланію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать несмѣетъ. Се жребіи заклѣпаннаго во узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола въ ярмѣ...

Жестокосердый помѣщикъ посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ чего? не ты ли родшихъ ихъ въ болѣзни и горести, обложилъ сверьхъ всѣхъ полевыхъ работъ, оброкомъ? Не ты ли несотканное еще полотно опредѣляешъ себѣ въ пользу. На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука, подъяти гнушается? едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешъ и то, что тебѣ ненадобно, несмотря на то что неприкрытая нагота твоихъ крестьянъ, тебѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда

но предъ судіею, невѣдающимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благаго, совѣсть, но коего развратной твой разсудокъ, давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но неласкайся безвозмездіемъ. Неусыпной сей дѣяній твоихъ стражъ, уловитъ тебя на единѣ, и ты почувствуешъ его кары. О! если бы они были тебѣ и подвластнымъ тебѣ на пользу... О! если бы человѣкъ входя по часту во внутренность свою, исповѣдалъ бы неукротимому судіи своему, совѣсти, свои дѣянія. Претворенный въ столпъ неподвижный, громоподобнымъ ея гласомъ, непускался бы онъ натайныя злодѣянія; рѣдки бы тогда стали губительствы опустошеніи... и пр. и пр. и пр.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядной опытъ, самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда, и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претворится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ, опредѣленныхъ вступать въ супружество, печаль и унынie. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господина своего, влекутся на казнь, къ олтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ изторгнутую властію клятву, и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. По что удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель для охраненія закона опредѣленный, дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первой ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, нелишится самому лѣстнаго преимущества, управлять себѣ подобнымъ самовластно.—О! горестная участь многихъ миліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...

Я тебѣ читатель позабылъ сказать, что парнаской судья съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чемъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешъ, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко каково тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать; то сложи книгу, и усни. Береги ее для безсонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВѢ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня, выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невской монастырь, и долго гулялъ въ рощѣ позади его лежащей *). Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи, едва, едва ли на синемъ сводѣ была чувствительна **). Возвращаяся домой, я шелъ мимо Невскаго кладьбища. Ворота были отверзсты. Я вошелъ... На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ незыблемаго спокойствія, и равнодушія непоколебимаго, могло ли бы, казалося, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѣнность. Но гробницы великолѣпные? Суть знаки несомнѣнные, человѣческія гордыни; но знаки желанія его жити вѣчно. Но се ли вѣчность, которыя человѣкъ толико жаждущъ?... Не столпъ воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранитъ память твою, въ дальнѣйшее потомство. Не камень со изсѣченіемъ имени твоего, пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово Россійскаго племени, тобою въ

*) Озерки.

**) Іюнь.

языкѣ нашемъ обновленное, прелѣтитъ во устахъ народныхъ, за необозримый горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи свирѣпствуя сложенно, разверзнутъ земную хлябь, и поглотятъ великолѣпны сей градъ, откуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныя Россіи; пускай яростный нѣкій завоеватель, истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества: но доколѣ слово Россійское, ударять будетъ слухъ, ты живъ будешъ и не умрешъ. Если умолкнетъ оно, то и слава твоя угаснетъ. Лѣстно, лѣстно такъ умрети. Но если кто умѣетъ изчислить мѣру сего продолженія, если перстъ гаданія, назначитъ предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?.. Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ.—Нѣтъ, не хладный камень сей повѣтствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго, неможетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои, да повѣтствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ по что ты славенъ.

Гдѣ ты, о! возлюбленный мой! гдѣ ты? Пріиди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Пріиди да сплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Пускай, другіе раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество. Мы, воспоемъ пѣснь заслугѣ къ обществу.

Михайло Васильевичь Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ... Рожденный отъ человѣка, которой немогъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго, понятіе его изострилося и украсилося полезными и пріятными знаніями; опредѣленный по состоянію своему, препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области, недалѣе ихъ рѣмесла про-

стирается; сужденный дѣлить время свое, между рыбнымъ промысломъ, и стараніемъ получить мзду своего труда; разумъ молодаго Ломоносова, немогъ бы достигнуть той обширности, которую онъ пріобрелъ трудясь въ испытаніи природы, ни гласъ его той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденія чистыхъ Муссъ. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ, онъ пріялъ маловажное но ключь ученія, знаніе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се природа твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, стремится къ познанію вещей; а кипящее сердце славолюбіемъ, не можетъ терпѣть путъ его стесняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ, и махомъ прерывая узы, лѣтитъ стремглавъ, (нѣтъ преткновенія,) къ предлогу своему. Забыто все, одинъ предлогъ въ умѣ; имъ дышемъ, имъ живемъ.

Невыпуская изъ очей своихъ вожделеннаго предмѣта, юноша собираетъ познаніе вещей, въ слабѣйшихъ ручьяхъ протекшаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго, для ускоренія въ познаніяхъ, онъ первую силу разума своего, память, остритъ и украшаетъ тѣмъ, что бы разсудокъ его острить долженствовало. Сія тѣсная округа свѣденій, кои онъ могъ пріобрѣсть на мѣстѣ рожденія своего, немогла усладить жаждущаго духа, но паче возжгла въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ! что въ возрастѣ, когда волненіе страстей, изводитъ насъ въ первые изъ нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремленіе его обратилося къ познанію вещей.

Подстрекаемъ науки алчбою, Ломоносовъ оста-

вляетъ родительской домъ; течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ Муссъ, и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слову Божію.

Преддверіе учености, есть познаніе языковъ; но представляется яко поле терніемъ насажденное, и яко гора строгимъ каменемъ усѣянная. Глазъ ненаходитъ тутъ пріятности разположенія, стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновеніе, ни зеленѣющагося убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ новообразно извиваться принужденный, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цепенѣетъ, разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всѣ излучины и отверстія свои, наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно и тягостно. Если бы неподкрѣпляла надежда, что приучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ, и усвоивъ чуждыя произношенія, неоткроются потомъ пріятнѣйшія предмѣты, то неуповательно восхотѣлъ ли бы кто вступить въ столь строгій путь. Но превзошедъ сіи трудности, коликократно награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвояемъ ихъ понятія; и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ изобрѣтенія и мысли, сочетоваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилѣжаніе въ ученіи языковъ, сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слѣпецъ, отъ чрева матерня свѣта незрѣвшій, когда изкусною глазоврачевателя рукою, возсіяетъ для него величество дневнаго свѣтила; быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ, всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе обыкшихъ всѣгда во зрѣни очей, чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако Ломоносовъ получивши свѣдѣніе Латинскаго и Греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы; съ ними научался познавать всѣ уловки искуства, крыющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ, съ ними научался изъявлять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое понятіи чуждыя, кои преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явилися въ его твореніяхъ, или родили совсѣмъ другіе, уму человѣческому доселѣ недовѣдомые. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища, и гоняющагося за видомъ ученія, вездѣ гдѣ казалося быть его хранилище. Часто обманутъ бывалъ въ ожиданіи своемъ но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ, онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога; какое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ приобрѣсти искуство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлѣ-

твореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключеніи и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподала ему гадательныя истинны ведущія часто къ заблужденію; физика и химія, къ коимъ можетъ быть ради изящности силы воображенія прилѣжалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металургія и минералогія яко послѣдственницы предъидущихъ, привлекли на себя его вниманіе; и дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сіе произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія, побудили мыслить о знакахъ всякое богатство и всякое имущество представляющихъ. Изобрѣтены денги. Злато и сребро яко драгоцѣннѣйшія по совершенству своему металы, и доселѣ украшеніемъ служившіе, преображены стали въ знаки всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только по истиннѣ, тогда возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ, ненасытная сія и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая яко пламень вся пожирающій, усиливается получая пищу. Тогда оставивъ первобытную свою простоту, и природное свое упражненіе земледѣліе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ, или презривъ гладъ и зной пустынный, претекалъ чрезъ оныя въ недовѣдомыя страны, для снисканія богатствъ и сокро-

вищъ. Тогда презревъ свѣтъ солнечный, живый нисходилъ въ могилу, и разторгнувъ нѣдра земная прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ сокрываясь въ пропастяхъ земныхъ искалъ блестящихъ металовъ, и сокращалъ предѣлы своея жизни на половину, питаяся ядовитымъ дыханіемъ паровъ изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніе металовъ сокрощая дни ископателей, неотвергнуто ради своея смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металовъ повозможности.

Сего то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейберхъ. Мнѣ мнится зрю его пришедшаго къ отверстію, чрезъ которое изтекаетъ изторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металъ. Пріемлетъ томное свѣтило, опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ, куда солнечные лучи досязать немогутъ николи. Исполнилъ первый шагъ; что дѣлаешъ вопіетъ ему разсудокъ? Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, что бы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи. Что мыслишъ низходя въ сію пропасть. Желаешъ ли снискать вящшее искуство извлекати сребро и злато? Или невѣдаешъ какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки?... Но нѣтъ низходи, познай подземныя ухищренія человѣка, и возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи въ животѣ сущіи, погребаются.

Трепещущъ нисходитъ въ отверстіе, и скоро те-

ряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путешествіи, собрать его размышленіи, и представить ихъ въ той связи, и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возрождалися. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источникъ всякаго прозябенія, подземный путешественникъ, обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими, отличающимся отъ другихъ, паче всего своею плодоносною силою. Заключалъ можетъ быть изъ того что поверхность сія земная не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябеній; что плодородіе ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которыя неперемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенія случайнаго рождающійся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю всегда разположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растеній, и заключать могъ, что слоистое разположеніе земли, начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды переселяяся изъ одного края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ разположеніе, теряяся изъ его зрака представляло иногда ему смѣшеніе многихъ разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія огнь, проникнувъ въ нѣдра земныя, и встрѣтивъ противубодрствующую себѣ влагу, ярясь мутила, трясла, валила и метала все что ей упорствовать тщилося своимъ противодѣйствіемъ.

Смутивъ и смѣшавъ разнородныя, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металовъ, силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ алчбу и бѣдствіе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняяся въ познаніи природы, онъ неоставилъ возлюбленнаго своего ученія стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ, случай показалъ ему что природа назначила его къ величію, что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго онъ скитаться небудетъ. Псалтирь Симеономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала что и онъ стихотворецъ. Бѣседуя съ Гораціемъ, Виргиліемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе Россійское, весьма было несродно благогласію и важности языка нашего. Читая нѣмецкихъ стихотворцовъ, онъ находилъ что слогъ ихъ плавнѣе Россійскаго, что стопы въ стихахъ были разположены по свойству языка ихъ. И такъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія, новообразными стихами, поставивъ сперьва Россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ написавъ оду, на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ Академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва недышущія, изъумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо стремящагося воображенія по непроложенному пути, въ доказательство, съ

другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ ко славѣ идетъ, не одной тропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенія и живое чувствованіе неотвергаютъ разысканія подробностей. Ломоносовъ давая примѣры благогласія, зналъ что изящность слога основана на правилахъ языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слова, незабывая однакоже, что обычай первой всегда подаетъ въ сочетаніи словъ примѣръ, и рѣченіи изъ правила изходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи, и сообразуя ихъ съ употребленіемъ ихъ, Ломоносовъ составилъ свою грамматику. Но не довольствуяся преподавать правила Россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Се сокращеніе общей его грамматики: Слово представляетъ мысли; орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изображаетъ различіе мыслей; и такъ слово есть изображеніе нашихъ мыслей, посредствомъ образованія голоса чрезъ органы на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображенія называютъ буквами. Сложеніе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различія голоса, различаются еще такъ называемыми удареніями, на чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ рѣченія, или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь, или ея дѣяніе. Изображеніе словесное вещи,

называется имя; изображеніе дѣянія глаголъ. Для изображенія же сношенія вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи, служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимы и называться могутъ главными частями слова, а прочія служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны. Вещь можетъ находиться въ разныхъ въ разсужденіи другихъ вещей положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеніи именуется падежами. Дѣяніе всякое располагается по времени; оттуда и глаголы разположены по временамъ, для изображенія дѣянія въ какое время оное произходитъ. Наконецъ Ломоносовъ говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предпославъ таковое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ, водимъ былъ въ грамматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія? Негнушайся великой мужъ сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть многообразны; и ты почитаешися въ малопритяжательномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего, и яко разыскателемъ естественнаго разположенія всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверіе чтенія твоея риторики, а та и другая руководительницы, для осязанія красотъ изрѣченія твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ возна-

мѣрился руководствовать согражданамъ своимъ, въ стезяхъ тернистыхъ Гелликона, показавъ имъ путь къ краснорѣчію, начертавая правила риторики и поезіи. Но краткость его жизни, допустила его изъ подъятаго труда, совершить одну только половину.

Человѣкъ рожденный съ нѣжными чувствами одаренный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ, изторгается изъ среды народныя. Восходитъ на лобное мѣсто. Всѣ взоры на него стремятся, всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его произреченія. Его же ожидаетъ плесканіе рукъ, или посмѣяніе горшѣе самыя смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѳенъ, таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо и другіе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изреченія въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляяся толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ, и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумію и воображенію, думали, что путь къ прелѣстямъ проложить можно томными предписаніями. Сіе есть начало риторики. Ломоносовъ слѣдуя незамѣчая того, своему воображенію исправившемуся бѣседою съ древними писателями, думалъ такъ же, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ, жаръ душу его исполнявшій. И хотя онъ тщетный въ семъ предпріялъ трудъ. но примѣры приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать, пускающемуся въ слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетной его былъ трудъ въ преподаваніи правилъ тому, что болѣе чувствовать должно не-

жели твердить; Ломоносовъ надежнѣйшія любящимъ Россійское слово, оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѳеновы, разтворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ препинаніи, на каждомъ слогѣ, по что не могу сказать при каждой буквѣ, слышенъ стройной и согласной звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ природы право неоцѣненное дѣйствовать на своихъ совремянниковъ, пріявъ отъ нее силу творенія, поверженный въ среду народныя толщи, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинакомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ дѣйствующимъ отъ средоточія, которыя простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, дѣятельность свою присну вездѣ содѣловаютъ. Тако и Ломоносовъ дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познаніи. Повлекши его за собою во слѣдъ, разплѣтая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, неоставилъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщалъ: лѣти въ безпредѣльность мѣчтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго, и вождаяся вкусомъ украшай оными самую неосязательность. И се паки, гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба, возгласила хвалу Всевышняго во слѣдъ Псальмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величіе Предвѣчнаго, возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молніею, и въ солнцѣ являя смертнымъ свою существенность, жизнь. Умѣряя гласъ

трубы Пиндаровой, на ней же онъ воспѣлъ бренность человѣка и близкой предѣлъ его понятій. Въ безднѣ міровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка, какъ во льдѣ нетающемъ николи, искра едва блестящая, въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ какъ прахъ тоньчайшій, что есть разумъ человѣческій?— Се ты о Ломоносовъ, одежда моя тебя не сокроетъ.

Не завидую тебѣ, что слѣдуя общему обычаю ласкати царямъ, нерѣдко недостойннымъ нетокмо похвалы стройнымъ гласомъ воспѣтой, но ниже гудочнаго бряцанія; ты льстилъ похвалою въ стихахъ Елисаветѣ. И если бы можно было безъ уязвленія истинны и потомства, простилъ бы я то тебѣ, ради признательныя твоея души ко благодѣяніямъ. Но позавидуетъ, немогущій во слѣдъ тебѣ ити писатель Оды, позавидуетъ прелѣстной картинѣ народнаго спокойствія и тишины-сей сильной ограды градовъ и селъ, царствъ и Царей утѣшенія; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова; и если удастся когда либо достигнуть непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ неудалося еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешся ты нестроенъ въ мысляхъ, неизбыточенъ въ существенности твоихъ стиховъ!.. Но возри: въ пространномъ ристалищѣ, коего конца око недосязаетъ, среди толпящейся многочисленности, на возглавіи, впереди всѣхъ, се врата отверзающъ къ ристалищу, се ты. Прославиться всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Самому Всесильному нельзя отъять у тебя того, что далъ. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы доселѣ без-

плодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души, и какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлѣжитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какъ душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ неосязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ, то вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа; и се вѣнецъ твой побѣдоносный. О! Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова.

Но если дѣйствіе стиховъ Ломоносова, могло размашистой сдѣлать шагъ въ образованіи стихотворческаго понятія его современникомъ, краснорѣчіе его чувствительнаго или явнаго ударенія несдѣлало. Цвѣты собранные имъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, и столь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженія Демосѳенова, сладкорѣчіе Цицероново, безплодно употребленныя, повержены еще во мракѣ будущаго. И кто? онъ же пресытившися обильнымъ велерѣчіемъ похвальныхъ твоихъ словъ, возгремитъ не твоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далеко ли время сіе, или близко, блудящій взоръ скитаяся въ неизвѣстности грядущаго, ненаходитъ подножія остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витійства Ломоносова ненаходимъ отродія, дѣйствіе его благогласія и звонкаго препинанія безстопной рѣчи, было однако же всеобщее. Если небыло ему послѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, но на общій образъ

письма оно распространилося. Сравни то, что писано до Ломоносова и то, что писано послѣ его, дѣйствіе его прозы будетъ всѣмъ внятно.

Но незаблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? За долго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые возвѣщая слово Божіе пасбтѣ своей, ее учили, и сами словомъ своимъ славилися. Правда они были; но слогъ ихъ небылъ слогъ Россійской. Они писали какъ можно было писать до нашествія Татаръ; до сообщенія Россіянъ съ народами Европѣйскими. Они писали языкомъ Славенскимъ. Но ты зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучаяся можетъ быть велерѣчію, забвенъ мною небудешъ. Когда Россійское воинство поражая гордыхъ Оттомановъ превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ равнодушнымъ или завистливымъ, Ты призванный на торжественное благодареніе, Богу браней, Богу силъ, О! ты въ восторгѣ души твоей къ Петру взывавшій надъ гробницею его, да пріидетъ зрѣти плода своего насажденія: „Возстани Петръ, возстани“ когда очарованное тобою ухо, очаровало по чредѣ око, когда казалося всѣмъ, что приспѣвый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешъ, силою вышшею одаренный; тогда бы и я вѣщалъ къ Ломоносову, зри, зри и здѣсь твое насажденіе. Но если онъ слову могъ тебя научить... Въ Платонѣ душа Платона, и да восхититъ и увидитъ насъ, тому учило его сердце.

Чуждый раболѣпствованія нетокмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы отдавая справедливость великому мужу, невозмнимъ быти ему Богомъ всезижду-

щимъ, непосвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу, и небудемъ пособниками въ укорененіи какого либо предразсужденія, или ложнаго заключенія. Истина есть вышшее для насъ божество, и если бы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являяся не въ ней, лице наше будетъ отъ него отвращенно.

Слѣдуя истинѣ. небудемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣписателя, несравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ, или Робертсономъ; не поставимъ его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся въ химіи. Если сія наука была ему любезна, если многіе дни житія своего провѣлъ онъ въ изслѣдованіи истиннъ естественности, но шествіе его было шествіе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ нечисленномъ богатствѣ природы, ненашелъ онъ ни малѣйшія былинки, которой бы незрѣли лучшіе его очи, несоглядалъ онъ ниже грубѣйшія пружины въ вещественности, которую бы необнаружили его предшественники.

Уже ли поставимъ его близь удостоивавшагося наилѣстнѣйшія надписи, которую человѣкъ низъ изображенія своего зрѣть можетъ? Надпись начертанная не ласкательствомъ, но истинною дерзающею на силу: „Се изторгнувшій громъ съ небеси, и скиптръ изъ руки царей". За то ли Ломоносова близь его поставимъ, что преслѣдовалъ електрической силѣ въ ея дѣйствіяхъ; что неотвращенъ былъ отъ изслѣдованія о ней, видя силою ея, учителя своего пораженнаго смертно. Ломоносовъ умѣлъ производить електрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Франклинъ въ сей наукѣ есть зодчій, а Ломоносовъ рукодѣлъ.

Но если Ломоносовъ недостигъ великости въ испы-

таніяхъ природы, онъ дѣйствія ея великолѣпныя, описалъ намъ слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы ненаходимъ въ твореніяхъ его до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ, и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе.

И такъ отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы неищемъ здѣсь вмѣнить ему, и то въ достоинство, чего онъ несдѣлалъ или на что недѣйствовалъ; или только разпложая неистовое слово вождаемся изступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской словесности, тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первой виновникъ въ пріобрѣтѣніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ немогъ. Баконъ Веруламскій недостоинъ развѣ напоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Недостойны развѣ признательности мужественныя . писатели, возстающіе на губительство и всесиліе, для того, что немогли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы непочтемъ Ломоносова, для того, что неразумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ Епопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ, вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатія временъ, когда небыло бытію опоры, и вся терялося въ вѣчности и неизмѣримости; все Источнику силъ возможно было, вся красота вселенныя существовала въ его мысли, но дѣйствія небыло, небыло начала. И се рука всемощная, толкнувъ ве-

щественность въ пространство, дала ей движеніе. Солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ, и тѣлеса крутящіяся горѣ образовалися? Первый махъ въ твореніи всесиленъ былъ; вся чудесность міра, вся его красота, суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великія души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской словесности, Ломоносовъ есть перьвый. Бѣги толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ, оно нелицемѣрно.

Но любезной читатель я съ тобою закалякался... Вотъ уже Всесвятское... Если я тебѣ ненаскучилъ, то подожди мѣня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости.—Ямщикъ погоняй.

Москва!! Москва!!...

Съ дозволенія Управы благочинія.

Добавленія и разночтенія изъ рукописи.

I.

Во вступительной статьѣ о рукописи „Путешествія“ перечислены утраченные листы ея; здѣсь приводимъ точный указатель тѣхъ мѣстъ книги, къ которымъ не находится соотвѣтствующихъ листовъ рукописи. Первая цифра указываетъ страницу книги, вторая, поставленная внизу, строку страницы.

Слѣдующія страницы книги не сохранились въ рукописи:

1. 2.

4_7 со словъ „моя остановилась“. 5. 6. 7_3 до словъ „Въ веселіи своемъ“.

$8_{\cdot}$ со словъ „Обезпокоенъ дурною дорогою“ 9_2 до словъ „показавъ очи“.

$13_{12\ \text{сн.}}$ со словъ „быть готовы“. 14. $15_{4\ \text{сн}}$ до словъ „весело и пріятно“.

$22_{5\ \text{сн.}}$ со словъ „все изчезнетъ“. 23. 24_{14} до словъ „Онъ мнѣ“.

$26_{1—13.}$

29_9 со словъ „дано курьеру“ 30. $31_{1—16.}$

$32_{15.}$ со словъ „неправосудіе. Но“. 33_{13} до словъ „до окончанія дѣла“.

$40_{14\ \text{сн.}}$ со словъ „и да возвратятся“. $41_{14\ \text{сн.}}$ до словъ „Но есть Волхвъ“.

$47_{1\ \text{сн.}}$ со словъ „было видѣть“. 48. 49_{1} до словъ „созерцалъ въ краѣ“.

50. 51. 52_{14} до словъ „одного латинщика“.

$54_{15\ \text{сн.}}$ со словъ „ростетъ“. 55_{10} до словъ „новѣйшія таинственныя“.

$55_{3\ \text{сн.}}$ со словъ „твореніемъ своимъ“. 56.

$57_{9\ \text{сн.}}$ со словъ „зноя. Не“. 58. 59. 60. 61. 62_{3} до словъ „отряхая голову“.

$64_{2\ \text{сн.}}$ со словъ „прежняя„.

65_{1-18} до словъ „воздыматься“.

$66_{7\ \text{сн.}}$ со словъ „существу а не къ“. 67. 68. 69. 70. 71 до словъ „беззаконное очищеніе“.

72_{4} со словъ „приѣхалъ“. 73. 74_{1-2}.

84_{8} со словъ „Сей день“. $85_{1\ \text{сн.}}$ до словъ „ея знакомые“.

$87_{3\ \text{сн.}}$ со словъ „не женидьбою“.

$88_{6\ \text{сн.}}$ со словъ „молокососовъ“. $89_{12-15\ \text{сн.}}$ [1]).

$99_{12\ \text{сн.}}$ со словъ „преподамъ“. 100. 101_{10} до словъ „имѣть волненіе“.

109_{6} со словъ „Увѣренъ въ душѣ“. 110. 111_{1-13}.

115_{7} со словъ „Кто не бывалъ“. 116_{8} до словъ „и отягченнаго“.

119_{11} со словъ „здоровье“. 120_{11} до словъ „но на лбу“.

[1]) Листъ рукописи надорванъ; соотвѣтствія строкъ книги и рукописи, поэтому, нельзя опредѣлить точно.

$125_{7\ \text{сн.}}$ со словъ „А матушка“. $126_{12\ \text{сн.}}$ до словъ „Проходи мимо“.

127_{16} со словъ „попытался дать“. 128. 129_{1}.

$140_{7\ \text{св.—3 сн.}}$ до словъ „столь мощною“.

147_{8} со словъ „вашихъ расположеній“ до седьмой строки снизу.

$148_{14\ \text{сн.}}$ со словъ „гражданскихъ“. 149. 150. 151_{12} до словъ „доказываетъ“.

155_{1} со словъ „овины“. $156_{7\ \text{сн.}}$ до словъ „суть Боги“.

$164_{6\ \text{св.—6 сн.}}$ до словъ „Въ домѣ“ и примѣчаніе на стр. 164, 165.

168_{3} со словъ „Если ослѣпленный“. 169_{9} до словъ „чувства и“.

$170_{1\ \text{сн.—5 сн.}}$

172_{3} со словъ „думали, что“. 173_{4} до словъ „мщеніе когда“.

176_{13} со словъ „разумъ философскій“. 177_{1-6}.

$178_{}$ со словъ „находится покупщиковъ“. 179_{3} до словъ „исправленно“.

181_{14} со словъ „Разсматривая“. 182_{10} до словъ „трепещущей власти“.

185_{10} со словъ „было наложить“. 186_{11} до словъ „затрудняема“.

$187_{11\ \text{сн.}}$ со словъ „осмѣяна“. 188. 189. 190. $191_{1—8}$.

$195_{6\ \text{сн.}}$ со словъ „преложилъ Іова“. $196_{14\ \text{сн.}}$ до словъ „Тогда и“.

206. 207.

---

[1]) Листъ надорванъ. Точно строки опредѣлить нельзя.

(О стихахъ на 199—205 стр., см. стр. 275—276).

208_{1-17}.

218_{11} со словъ „въ великія". 219_{10} до словъ „въ Парижѣ".

221. 222_{1-26}.

(О стр. 221, 222, см. стр. 277).

223_{13-15}[1]). 224.

225_{1} сн. со словъ „Чувствованія". 226_{9} сн. до словъ „не тщеславія".

235. (См. ниже, стр. 279).

239_{10} со словъ „утомленному". 240_{2} до словъ „И се".

242_{1} сн. 243. 244. 245_{1-3}

246_{8} сн. со словъ „Заслуги твои". 247_{1-21}.

248_{18} со словъ „Ломоносовъ". 249. 250_{1-3}

251_{10} со словъ „воздвигнути". 252 253_{3} до словъ „твореніяхъ его".

264_{11-14}.

II.

Переходя къ подробному перечисленію особенностей текста рукописи, считаемъ нужнымъ сказать, что не отмѣченными остались совершенно ничтожныя описки и поправки рукописи. Всѣ же разночтенія; всѣ первоначальныя редакціи, въ рукописи зачеркнутыя, но могущія быть разобранными, нами указаны. Цифры на поляхъ указываютъ: крупная — страницу, мелкая—строку. Лѣвая сторона нашей страницы передаетъ текстъ книги, правая—текстъ рукописи. Курсивной буквой *н* отмѣчаемо мѣста, въ рукописи несуществующія. Сокращеніе *прнч.* (первоначально) ставимъ при тѣхъ словахъ и фразахъ, которыя уже и въ рукописи перечеркнуты.

3.	5 хотя	хотя и
	8 улыбаяся	*прнч.* усомняся
	12 возрыдавшій	возрыдавый
	7 сн. Морфея	*прнч.* Морфея. Я заснулъ
4.	4 пріятною	*прнч.* сносною
	веселость	*прнч.* пріятность
	5 Сонъ и мечта	*прнч.* единое воображеніе
7.	4 сварливъ	бурливъ
	7 кровію	въ крови
	8, 9 Можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ исторіи Россійской	мнѣ открываетъ доселѣ сокровенное
	5 сн. приносится	Тебѣ принссится
	3 сн. себѣ	*прнч.* тебѣ
8.	8 не проходимою	*прнч.* не проходимою... Есть ли бы г. намѣстники то-

		варъ не лицемъ только продать хотѣли, и для всякаго гражданина по большой дорогѣ... *(Окончаніеэтой фразы находится на 5 листѣ, утраченномъ).*
	8 благородія	*н.*
	10 вамъ	вашему высокородію
	18, 19 чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ, къ пріобретенію	достоинствамъ и заслугамъ къ пріобрѣтенію важнаго
	5 сн. приложится	тѣмъ приложится
	3, 2 сн. По сей	, и по той
10.	11 понялъ	понявъ
	12 изъ кошелька...	*прнч.* изъ кошелька 2 рубля

Противъ послѣднихъ строкъ страницы въ рукописи написано на поляхъ „худо" и многое зачеркнуто).

11.	3 равно	все равно
	9 что удары	что и удары
	7 сн. Нива	Нива, сказалъ я
	1 сн. борозду	бразду
12.	4 умирать	умереть
	9, 10 возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли	*прнч.* ходимъ на Господской дворъ когда
	7 сн. Да хотя	Да вѣть хотя
	4 сн. уступить	спустить
	3 сн. оброкъ беретъ	*прнч.* оброкъ только беретъ
13.	2 деревни	*н.*
	3 называемъ	зовемъ
	6 ни въ работу	*прнч.* или на работу
	7 для того что онъ подушныя платитъ за насъ	*прнч.* а подушныя плати
	9 дурнаго прикащика	прикащика злова
	10 наемника	етаго
	11 запрещаютъ	не велятъ

	14	Новою	*н.*
	13	сн. въ деревняхъ	*прнч.* въ деревняхъ и селахъ
16.	3	лучше ощущать	больше чувствовать
	9	по С...	*Въ рукописи вездѣ первоначально было Систербекъ*
	11	дремоту	сонъ
	16	разгналъ	разгнавъ
	17	и отягченнымъ взорамъ моимъ, представлялися сгущенныя облака	представилъ отягощеннымъ взорамъ моимъ сгущенныя облака
	8	сн. скажу	скажу то
	7	Вернетъ	*Вписано рукою Радищева*
17.	5	въ отчаяніе	насъ въ отчаяніе
	18	очистилося	*прнч.* очищалось
18.	11	изчерпаемо	изчерпано
	13	близи	*прнч.* зади
	15	сн. морскихъ произшествій	морскаго житія
19.	1	камни	*прнч.* съ камня на камень гораздо
	11	сн. робкія души	*прнч.* робкаго души сложенья
	5	сн. отгадывай	угадывай
20.	1	водѣ	*прнч.* оной
	10	двигалися	двигалися. Надежда человѣка не покидаетъ до самой крайности.
	13	взорамъ	*прнч.* глазамъ
	17	дѣнный	*прнч.* свѣтлый
	7	сн. паки мысли о различіи состояніи, въ опасности уснувшія. Сіе	и различіе мнѣнія уснувшее съ опасностію, и съ прохожденіемъ ея возбуждающееся. Но оно
21.	11	сн. до мѣста	*прнч.* Систербека
	6	сн. нигдѣ не можно мнѣ лучше	гдѣ лучше мнѣ было

22.	3 двадцать	пятнадцать
	8 своей	моей
24.	15 Я вышелъ	Тутъ я вышелъ
	5 сн. далъ отдохновеніе	успокоилъ
25.	2 начальника	*прнч.* Систербецкаго начальника
	4, 5. Но въ должности ему непредписано васъ спасать, сказалъ нѣкто.	*прнч.* Но въ законѣ сего не написано сказалъ одинъ шалунъ
	2, 3 сн. не знаютъ что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно	имени не знаютъ человѣка
26.	3 сн. было темно	*прнч.* не было свѣту
27.	2 долго нѣжится не пзволила	*эти слова вписаны рукою Радищева въ оставленномъ мѣстѣ и послѣ нихъ зачеркнуто* и долго спать
	12 Палканъ	*прнч.* Палканъ витязь
	15, 16 Не перебивай же моей рѣчи	*прнч.* Перестань же перебивать мою рѣчь
	5 сн. мучениками	мученики
	4 сн. будетъ	буду
28.	13 возвращайся поспѣшно	*н.*
	12 сн. ста пятидесяти	*прнч.* ста рублей
	4 сн. *фразы въ скобкахъ*	*въ рукописи нѣтъ.*
	3 сн. и слышенъ	и
	1 сн. Высокопревосходительство	Превосходительство
29.	3 въ Петербургѣ	въ одинъ Петербургъ
	4 представленіе	въ военную коллегію
	6 удостаиваю	представляю
	9 Высокопревосходительство	Превосходительство
31.	6 сн. Вамъ	Вамъ Государь мой
	4 сн. описанномъ	*прнч.* описанномъ находящійся
32.	2 мой	*прнч.* свой
	5 отъ откупу	*н.*

33.	-2	сн. Усилившись гораздо	*прнч.* гораздо усилились и
34.	4	Дѣло мое и осужденіе	*прнч.* И дѣло мое и мое осужденіе
	8	вообрази, говорилъ	вообрази Государь мой говорилъ
	12	сн. Въ толико	*прнч.* Какъ я находился въ такомъ
35.	5	разсказавъ... простился	разсказалъ... и простился

Послѣ 7 строки въ рукописи заглавіе Подберезье

	15, 16	могло... достигнуть	могъ... доставить
36.	6	незагладятъ	незагладили бы
	8	толико	*н.*
	9	весьма крѣпко	*н.*
		долго	когда лошадей перемѣняли
	14	нѣкоторое	*н.*
	13	сн. Набабъ, Султанъ	*прнч.* Набабъ, Князь, Султанъ, Инка
	12	сн. нѣчто	*прнч.* нѣчто, не знаю что
	3	сн. протчее сего рода	*прнч.* и проч.
37.	10	сильнаго	мощнаго
	11	истиною	*прнч.* истиною съ ея зерцаломъ
	14	сн. безчисленное	неизчисленное
	12	сн. племени	поколѣній
	5	сн. предъупрежденіе моихъ	*прнч.* предъупреждать мои
	4	сн. присудствовало	*прнч.* царствовало
	1	сн. Обращенный	*прнч.* Углубленный
38.	3	отдалъ	отплатилъ
	4	во всю мочь	*прнч.* во весь ротъ
	14	сн. въ мрачную	*прнч.* въ средину мрачной
39.	1	и не осталося	и ниже не осталося
40.	15	Возвѣсти	Извѣсти
	16	рекъ я	рекъ я къ первому
41.	6	сн. возставъ отъ	вставъ съ
	1	сн. продолжалъ	продолжая
42.	2	трудившійся	трудивыйся

	7 тебѣ	за тобой
	4 сн. твое пораженіе	твою казнь
43.	12 изгнать . . . бди	*прнч.* изженуть... стреги
	16 сн. досязать	*прнч.* проницать
	6 сн. твоего обладанія	*прнч.* твоея власти
	4 сн. моего взора	*прнч.* моего взора истиннѣ
	2 сн. николи	никогда
44.	4. 3 сн. Изрекшія странницы лице, казалося веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ.	Изрекшей странницѣ казалось, что лице ея веселымъ и вещественнымъ сіяло блескомъ
45.	6 являлися	Казалися
	13 почиталися	почитаемы были
46.	3 для исполненія	прнч. на исполненіе
	12 путешествователей	землеописателей
	15 сн. ее	жизнь
	10. 11 сн. (и въ моемъ государствѣ) толико же бы прославился	и слава твоя (въ моемъ государствѣ) толико же бы возгремѣла
47.	7 съ обидою... съ тяжестію	къ обидѣ.... къ тяжести
	16. 17. Виды оныхъ принадлежали вѣку Готфовъ и Вандаловъ	*н.*
	9 мои	свои
49.	3 облегчить	да облегчишь
52.	14 одного	одного теперешняго
	12 сн. Монтескью	*прнч.* Монтескью, Пуфендорфъ
	7 сн. Какъ непотужить, повторилъ онъ.	*прнч.* и еще заставить потужить
53.	11 Такъ писано въ законѣ русскомъ	*н.; въ р. †, на поляхъ фраза съ † зачеркнута*
	6 сн. коловращающихся	коловратно вертящихся
55.	13 смыслъ	*прнч.* истинный смыслъ
	11 сн. онъ	*н.*
	9 сн. начиналъ	начинаетъ
	8 сн. силы	мысли
62.	2. 3 сн. что законтроктовалъ	по контракту

63.	11 онъ не мой	*вставлено и зачеркнуто*
	13. 12 сн. Невестка встань да поднеси гостямъ	*Въ р. нѣтъ; нами вставлено по смыслу.*
	2 сн. размышленіе	недоумѣніе
64.	8 въ оковахъ и въ темницѣ	влекомый въ темницу
65.	4 сн. которую	*прнч.* еже
66.	7 Вѣдай	Вѣдай еще
	9 если	егда
	13 утѣшитеелй. Вопроси ихъ	утѣшителя. Вопроси
	12 сн. возопилъ я	*н.*
	8 человѣкъ	человѣкъ въ восторгѣ своемъ
71.	6 получили	получали
	12 сн. вовлеченныхъ	впадшихъ
72.	2 Но онъ	Но онъ видно лучше самъ
73.	4 крестьянъ сами	*прнч.* всегда его
	5 дѣвокъ, дочери.	*прнч.* дѣвокъ, дочери, а парней сыновья
	10 онѣ многихъ изувѣчали	многимъ повыкололи глаза
	14 но когда	Но когда одинъ разъ
	15 ничто	ничто на свѣтѣ
	12 сн. сговоренная	*прнч.* которая была сговорена
	10 сн. все возможное	все на свѣтѣ
	7 сн. въ крестьянствѣ	*н.*
	4 сн. съ сыномъ	прнч. съ женихомъ
	3 сн. къ своему господину	барину своему
74.	13—14 затворилась	они затворили
	16 колъ	березовой колъ
	8—9 сн. ходя по деревнѣ, они встрѣтили	они ходили по деревнѣ и встрѣтясь
	6 сн. отцемъ. Въ доказательство	отцемъ, чему въ доказательство
75.	5 твоего	своего
	7 ты ему... долженъ быть	ты бы... былъ
	15 въ домъ	*прнч.* въ покои его господина

	13	сн. въ погоню	*н.*
	12	сн. настигать начали	настигали
	8	сн. озлобленное	огорченное
	7	сн. началъ	и начавъ
	6	сн. и перваго кто встрѣтился ударилъ	ударилъ перваго
	5	сн. сильно	сильно по головѣ
	3	сн. сказать	заключу повѣсть
77.	4	частію	отчасти
	13	сн. онаго	ему
	6	сн. почтуся	почесться могу
	2	сн. оное на	*прнч.* его
78.	3	мое	*н.*
	15	сн. изчезнетъ	изчезаетъ
	8. 7. 6	сн. орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и безплоднымъ поростетъ злакомъ.	орудія онаго сокрушатся, земля запустѣетъ, безплоднымъ злакомъ поростутъ нивы.
79.	13	крестьянъ	крестьянъ противъ ихъ господина
	12	сн. оскорбить	оскорблять
80.	7	На прощеніе за убіеніе ея мужа я съ ней	я съ ней на прощеніе убіенія ея мужа
	9	ихъ	*н.*
	12	дабы паки не были	чтобы впредь быть
82	16	ищетъ въ законѣ	*прнч.* просить у власти закона
	12	сн. благосостоянія	благосостоянія, ввѣреннымъ отъ него общественной власти
	11	сн. первая обязанность	первый законъ
83.	5	оправдаетъ опираяся	оправдываетъ опираюсь
	10	сн. что	что яко
88.	2	разстанія	разставанія
	4	что я самъ	что я и самъ
	8	тысячу	*прнч.* сто
	8	сн. служба сама по себѣ	*прнч.* служба сама по себѣ т. е. исполненіе возложеннаго

90.	4 сн. къ тому	мое къ тому
	3 сн. имѣю побужденіе,	побужденіе есть, да
	2 сн. человѣка изъ его дѣяній	свѣтъ
91.	9 сн. изъ устъ вашихъ	*прич.* отъ васъ
	1 сн. нашего	между нами
92.	11—12 сн. ихъ ради произвести	ради его производить
93.	5 Онъ есть	и есть
	10 проистекающихъ	происходящей
	11—12 что носила васъ въ чревѣ своемъ	обременена будучи тяжестью вашего тѣла
	16 насадить	найти вашу
	10 сн. Вѣдаете	Сами вѣдайте
95.	11 были	*прич.* и направляемы
	14 *послѣ словъ* предваряемы	*слѣдуетъ фраза: „нынѣ достигли... стремленіямъ“, находящаяся на стр. 98 и 99 книги*
	15 малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста	*прич.* малѣйшую черту... и тяжкаго своего перста
	16 духъ	духъ и нынѣ
96.	4 дороги	настоящей дороги
	11 неробщите	*н.*
	13 не умѣете хвалить ихъ красоту	худо умѣете плясать
	10. 9. 8 сн. изображать животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты Царя природы, человѣка	черты вещей животныхъ, человѣка изображать на бумагѣ или полотнѣ
97.	1 Оно	Но сіе
	2 наглыми	подлыми
	15 сн. нетвѣрдя... по пословицѣ, какъ	*прич.* не тверды... по слову и
	12 сн. вамъ	ему
	3 сн. возжигается	*прич.* возжигаемый
98.	2 вы	*н.*
	5 наукахъ	наукѣ

99.	4	свойственнымъ для нихъ	собственнымъ
	14	сн. Опытность	прнч. Но опытность
	12	сн. И для того	И тако да
101.	11	чувствительности	чувственности
	8	сн. невозмогаяй	невозмогаемый
102.	3—4	такого бываетъ шествія въ нравственности	*н.*
	16	и да	и
	17	образъ	представленіе
	10	сн. Разуму	Но разуму
	3	сн. наши	наша
103.	2	онаго	*прнч.* его
	5	они	*н.*
104.	5	общую	намъ общую
	6	даже и въ тѣхъ	въ томъ самомъ
105.	4	къ добродѣтелямъ общественнымъ	добродѣтелей общественныхъ
	6	ненадлежитъ	подлежитъ
	8	важности	*прнч.* вещества
	10	наскучившаго	наскученнаго
	14	Упражняйтеся	Упражняйся
	6	сн. показующій	*прнч.* означающій
	5	сн. посѣщаемомъ	посѣщенномъ
106.	13	сн. самихъ	самаго
107.	1	мгновенно	*прнч.* въ мгновеніе
	6	прикрывать	сокрывать
	8	хотя	есть ли
	10	хотя	если
	15	чувственница	*прнч.* чувственница (sensitive)
	13	сн. опытности	опасности
	2	сн. воспомни	*прнч.* да воспомни
108.	10	Но если	*зачеркнуто*
	13	Избавь	Избавь немедля
109	2	возвѣлъ	воздѣвъ
111.	3	сн. ее	оную

112.	8 сн. болѣзнь	болѣзнь; ея же всѣ гнушаются; ею же всѣ юноши отравляются (*Эта фраза зачеркнута карандашемъ*)
113.	4 сокровеннаго жала, опредѣленнаго	сокровенное жало, опредѣленное
	12 сн. уготовилъ	уготовивъ
	3 сн. предостеречь	увѣдомить
	2 сн. Воспаленіе	*прнч.* Воспаленіе послѣ родовъ
114.	14 сильныя	*прнч.* мощныя
	15 насилія	прнч. насилія грабительства
	2 сн. Чье либо	*н.*
	1 сн. и духъ	*прнч.* и духъ, не дерзающій уподобиться тому кого выше себя ощущаетъ
116.	13 и нынѣ	*н.*
	7 сн. состояніе	положеніе
117.	1 веселіемъ	*н.*
	13 положила	*прнч.* положила уже на мѣрѣ
	18 на преодоленіе разъяренныхъ водъ	да достигнетъ брега
	9 сн. какъ	разъяренные
119.	7 толпа сія	*прнч.* она
120.	4 сн. или сажа	*прнч.* или сажа въ глазахъ разума
121.	1 невидано	*прнч.* невидано. Но я еще съ вами болтаю
123.	2 когда	если
	4 выпяля глаза	*написано и зачеркнуто*
	14 сн. ту которую онъ того дня назначилъ	имъ того дня назначенную
	3—2 сн. сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ	*прнч.* слѣдовательно противъ господина своего—возрыдавъ скажу—судиться не можетъ. Средство къ

		сему конечно то, чтобы и помѣщичьи крестьяне судимы были въ расправахъ и выбираемы были въ засѣдатели нижнихъ судовъ
124.	6 десятилѣтняго	десяти лѣтъ отъ роду
	8 то я	скоро
126.	4 сн. ея зять	*прнч.* ея зять. Они удивилися моему приходу
127.	7, 8, 9. *Въ фразѣ* Если ты... *находимъ 2 л. мн. ч.*	*въ рук. вмѣсто 2 л. ед. ч.*
129.	11, 12 околицы	перевоза
	13 невинностью	*прнч.* невинностью. Увѣренъ въ сердцѣ моемъ,
	9 сн. непропусти	*прнч.* непропусти миованія прелестей твоихъ
130.	16. 17 первѣйшаго закона сожитія и основанія брачнаго союза	первѣйшій законъ сожитія, на коемъ основано общество
	1, 2 сн. **131.** 1—3. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ природы, то можетъ ли положительной законъ быть твердъ, если основанія не имѣетъ въ естественности? Скажемъ яснѣе онъ и несуществуетъ	Итакъ единый изъ первѣйшихъ законовъ природы нарушается. Мудрой законодатель утверждаетъ только законъ естественной; тѣмъ и положительной бываетъ тверже
131.	13 утихаютъ	остывaютъ
	17 брюзгливую	*прнч.* бережливую
	11 сн. и рабъ совѣршенный	*н.*
132.	2 сн. поднявъ развѣртывая	подымая
133.	13 сн. ко всевышнему	всевышнему
	6 сн. родившись	И родившись
134.	3—4 въ наказаніяхъ	*н.*
	9 сн. рабства и	*вписано и зачеркнуто*
135.	6 сн. ко блаженству	*н.*

136.	9 и чувства	*вписано и зачеркнуто*
	4—5 сн. одинаковое отъ природы сложеніе	одинаковые члены отъ природы.
137.	11 нерастлѣнный	неповрежденный
	3 сн. тотъ кто	онъ
	2 сн. кто	онъ
138.	15 тотъ	единъ
	14 сн. У насъ	*н.*
	4 сн. двѣ трети	третья часть
139.	1 блаженъ	блаженъ быть можетъ
	5 своими	нашими

Въ рукописи противъ абзаца „Мы постараемся... неуспѣшно“ *стоитъ NB*

140.	4 загляни	загляните
141.	3 сн. порабощенія	*прич.* порабощенія. Охотно уподоблю ихъ одеждамъ позлащеннымъ, полумертвое тѣло разслабленаго прикрывающимъ
	1 сн. училищъ... водоводовъ	*н.*
143.	13 глубоко	далеко
	15 пребудетъ	пребудетъ
	10 сн. двигаемый	двигаемъ
144.	2 обрабатываютъ	обрабатываетъ
	3 нерадѣютъ	не радитъ онъ
	15 егда	если
	16 егда	если
	18 своея цѣли	*вписано и зачеркнуто*
	14 сн. препятствуютъ размноженію	вредны въ размноженіи
	10 сн. природою	*прич.* естествомъ
	8 сн. одеждъ	одѣянія
	5 сн. тогда... возникшее губительство	и тогда отвердѣлымъ окомъ.,. губительство
145.	13 проповѣдника	поборники
	11. 10 сн. пищу общественную, уготованную	млеко отъ общества уготованное

146.	2 укрѣпятъ	утверждаютъ
	4 чемъ тверже находитъ	тѣмъ тверже его
	9 Мы узримъ	Се узримъ
	14 прежнія повѣствованія	плачевныя повѣствованія прошедшаго столѣтія
	5 сн. Блюдитеся	Блюдитеся, да опять посѣчены не будете
147.	1 оковъ	темницъ
	5 сн. вылѣзая	выходя
148.	1 ѣдетъ по подорожной	въ подорожной написанъ онъ студентомъ
	4. 5 и развернувъ ихъ	а просматривая
	7. 8 Разсматривая ихъ узналъ	Я узналъ развернувъ ихъ
	10 кражею	кражею; ибо я его о томъ увѣдомилъ
	17 гражданина	согражданина
151.	6 сн. Рука моя задрожала	Руки мои задрожали
	7 сн. прещенія	прещенія во благѣ
152.	6 Блаженны... вами	Блаженъ... тобою

14—17. Блюдитеся *и т. д. Вездѣ вмѣсто 2 л. мн. ч. находимъ въ рукописи 2 л. ед.*

	14 сн. нѣкоторомъ помѣщикѣ	кроткомъ человѣкѣ по имени но не въ дѣйствіяхъ.
153.	1 сн. умѣреннѣе	умѣренъ
154.	8 десять	двадцать
156.	1 сн. что блескъ царскій	и блескъ ихъ
157.	4 кои истинные ѳеатральныя божки, повинуются свистку или трещеткѣ	коихъ должность и изящность должности относится къ мимическому дѣйствію
	9 Дворецкой мой,	*прнч.* Дворецкой мой, помощники его
	11 горничные мои	*прн.* комнатные
	8 сн. больше	вящше
159.	13 и достоинства	*н.*
161.	11 Се слабая	*прнч.* Вотъ слабая
	12 если	егда

	14 если	егда
163.	9 свѣта	свѣта въ мірѣ
	10 святой инквизиціи	святаго розыска
164.	5 столь рѣдки.	*прнч.* толь рѣдки. Мудрый правитель [боюсь назвать великимъ, ибо прилагая таковыя именованіи, Государю живу, почтенъ буду или рабомъ или льстецомъ, или ханжей, или корыстолюбцемъ; хвалитель будетъ скаредный подлецъ; а хвалимый въ опасности будетъ замаратися въ хвалѣ мерзав... *Эта фраза въ рукописи зачеркнута; конецъ ея на утраченномъ листѣ.*
166.	1 оскорбится	оскорбляется
	5 возгнушается	*прнч.* предшествуетъ страхъ и трепетъ, онъ
	16 въ трехъ пальцахъ.	*прнч.* въ часовникѣ—часовникъ же читаютъ всѣ
	18 въ чемъ либо отъ общаго	отъ
171.	1. 2 о произхожденіи цен-суры.	*прнч.* о ценсурѣ
173.	7 только	токмо
174.	4 сн. огню	*Въ рукописи противъ этого слова выноска и на память читаемъ:* смотри Baillet jugement des savans T. I.
175.	14 сн. продолжаетъ	говоритъ
	2 сн. совремнна	предтечею
179.	13 какого бы они	какого бы сей
	14 были	былъ
183.	5 Тиверій	Неронъ

	10 куколь	волчецъ
	8 сн. ихъ, въ пользу Апостольской камеры	сію пеню опредѣляемъ наистрожайше Апостольской камерѣ
	6 сн. что бы недерзали	дабы не могли
184.	10—12 что можете сравнится съ Папою Александромъ VI и устыдитеся	*прнч.* папа Александръ VI о ней законоположилъ и съ ними сравниться устыдитеся
186.	5 сн. должностей	должностей; но да не распространится сія свобода на подаваніе наставленій непріятелю въ войнѣ съ нами находящемуся; на увѣдомленія о силахъ нашихъ, о слабостяхъ, разпоряженіяхъ, или на другія свѣдѣнія, научающія непріятеля ко вреду государства".
187.	6 государственной	государственной и стѣсняется токмо въ самодержавныхъ правленіяхъ
	10 Парижская	французская
191.	12 сей	онъ
	4 сн. нерадѣла	не пеклася
	1 сн. извергъ!	извергъ рода человѣческаго
192.	15 отцево	его
	17 ему	другаго мучителя сему
193.	13 сн. квакеры	*прнч.* Агличане
	11 сн. свободу	*прнч.* вольность
194.	3 послѣднюю гривну изъ кошелька	*прнч.* послѣдній рубль
195.	5 стихосложеніе	стихотвореніе
	12 По нещастію	Къ нещастію общему
196.	9 сн. ко краесловію	*прнч.* къ рифмамъ
	8 сн. долгое время	нѣсколько лѣтъ
	5 сн. больше другихъ языковъ въ употребленіи	господствующимъ языкомъ

197. 13 сн.	некраесловные	*прич.* безъ рифмъ
7 сн.	которые	кои
199. 7	слѣдовательно. Но	ergo (*зачеркнуто*). Но продолжайте безпрепятственно
10.	Позвольте что бы я вашимъ былъ чтецомъ	*н.*

207. *Изъ соотвѣтствующихъ этимъ страницамъ листовъ рукописи сохранилось только три: 186, 187, 188; конецъ 188 листа оторванъ. На этихъ листахъ находятся слѣдующія строфы оды* Вольность: *1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16 (перечеркнутыя), 17, 18, 20, 22. Отмѣтимъ слѣдующія особенности.*

3.	Вотъ что есть въ обществѣ законъ	Родился въ обществѣ законъ
4.	Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе	Яснѣйшихъ дня лучей свѣтлѣе
7.	И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ	И слѣпо вѣрить намъ велитъ
10.	*Въ рукописи находимъ послѣдніе шесть стиховъ не въ изложеніи, а полностью.*	
		Великость тамъ не прозябетъ;
		Тамъ нивы запустѣютъ тучны,
		Коса и серпъ намъ не споручны
		Въ сохѣ уснетъ лѣнивый волъ,
		Блестящій мечъ померкнетъ славы,
		Минервиуъ храмъ сталъ обветшалый
		Коварства сѣть простерлась въ долъ
11.	Схвативъ желѣзный скипетръ Царь	Принявъ и т. д.

	16 *въ рукописи полностью*	Покрылъ я море кораблями Устроилъ пристани въ брегахъ, Дабы сокровища торгами Текли съ избыткомъ въ городахъ, Златая жатва чтобъ безслезна, Была оратаю полезна, Онъ могъ вѣщать бы за сохой Бразды своей я не наемникъ, На тяжестяхъ своихъ не плѣнникъ Я благоденствую тобой
	18 Разчистилъ мерзостямъ дорогу	Разчистилъ клеветѣ дорогу
208.	4 могилою	*прич.* моимъ гробомъ
209.	14 сн. слова	стенаніи
	6 сн. женскаго	Госпожи моей
	1 сн. необыкновеннаго удовольствія	необыкновеннаго въ отдаваемомъ въ солдаты удовольствія о своемъ состояніи

210. 13—14 сн. *Противъ этой фразы на поляхъ рукописи читаемъ слѣдующую перечеркнутую фразу* Дворянинъ имѣетъ по наслѣдству право къ благороднымъ мыслямъ

	1 сн. ни поносительнымъ именованіемъ	ни кликнуть малой
211.	7 почти небыло	мало было
	16 богатъ	достаточенъ
	7 сн. наложенныхъ	возложенную
	2 сн. моего отечества	общества моего
212.	5 нетолько	толико
	7 но ненавидѣлъ	*и.*
	9 сдѣланное мнѣ обѣщаніе	Обѣщаніе отца своего въ разсужденіи меня

	10 сн. внѣшность	внѣшность природы
215.	14 съ постѣли	съ одра моего
	10 сн. госпожа	госпожа, сведите его опять на конюшню
216.	7 безконечно	безконечно. Преподавать ученіе рабамъ, кажется, надлежитъ, по человѣчеству. Но слѣдствія того горки
	16 состоянія	состоянія. Изъ сего можно познавать духъ Россіянина и чѣмъ онъ движимъ быть можетъ. О правители коликократно вы его не исполняли. (*Эта фраза въ рукописи зачеркнута*).
217.	9 свои!	свои мозгомъ нашимъ
218.	5 не въ указное время	*н.*
219.	11 перукмахерству	парикмахерству
	1 сн. съ двадцать	съ двадцать денегъ
220.	3 съ двумя моими земляками	двухъ своихъ земляковъ
	7 сн. дослужуся до генеральскаго чина	заслужу крестъ Георгіевскій
	4 сн. въ мое отечество	*прич.* въ Лангедокъ
	2 сн. въ кибитку	*прич.* въ кибитку, которая со свѣжими лошадьми ко мнѣ подъѣхала

222. *Въ рукописи начало главы „Завидовъ“ совсѣмъ другое.*

Лошади мои почти уже были впряжены, и за сто верстъ хотя отъ Москвы, я помышлялъ, гдѣ мнѣ пріѣхавъ пристать можно будетъ; разсматривая, что полезнѣе и почтительнѣе для меня быть можетъ, взъѣхать на почтовой дворъ въ ямской, или во французской трактиръ; съ котораго конца начать въ Москвѣ мое пре-

бываніе; начать ли скакать по улицамъ сломя голову, и заѣжжая на каждой знакомой дворъ оставлять изображенное на картѣ знаменіе моего имени; или объѣздить всѣ соборы, церкви, часовни, гдѣ есть мощи и чудотворные образа, поставить по свѣчкѣ и отпѣть по молебну; или явиться прежде всего въ управу благочинія, дабы поскорѣе узнали въ городѣ чрезъ газеты, что я прибылъ въ столичный городъ; въ семъ послѣднемъ я ошибался, ибо по имени означену быть въ газетахъ, надлежитъ принадлежать къ первымъ пяти классамъ, а я будучи не пятиклассной, былъ бы означенъ просто цыфирью, а какъ изображеніе ихъ есть Арабское, то Арабскій языкъ будучи мало въ Москвѣ извѣстенъ никто бы подъ цыфирью не узналъ, что газетчикъ Арабскою іероглифою меня разумѣетъ. Но изъ размышленій моихъ...

	3 сн. Превосходительства	*прнч.* Сіятельства
223.	1 Превоходительную	*прнч.* Сіятельную
227.	6 сн. прещеніе	доднесь прещеніе
	3 сн. сражался	сражаяся
228.	2 недарилъ	*н.*
229.	7 сн. Возвращаяся	Возвращаяся
230.	6 кушанья на отраву изобретеннаго	изобрѣтенія на отраву
	10 общему	*н.*
231.	15 первой разъ	Первой разъ можетъ быть
	16 доселѣ на немъ скользило	его доселѣ не могло тронуть
232.	14—21 Съ одной стороны ...въ ярмѣ.	*прнч.* Врачъ его, его господинъ, не лекарство въ болѣзни предписуюшей, но умѣренность въ пищѣ, оставляя ему на прокормленіе столько что бы онъ не въ одинъ день умеръ.
	4 сн. отираніе	очищеніе

1 сн. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда (здѣсь нѣтъ суда)

233. 1 сн. губительствѣ опустошеніи... и пр. и пр. и пр. на земли гибели, и опустошеніи, коихъ причины сокрываются отъ насъ въ нощи невѣцѣнія

235. *1—8. Этихъ фразъ въ рукописи нѣтъ; на оборотѣ 225 листа рукописи находимъ слѣдующее продолженіе 234 страницы. Къ сожалѣнію, въ рукописи перерывъ: утрачены листы 227 и 228.*

Погруженный въ сихъ мысляхъ я выѣхавъ съ почтоваго стана приближался уже къ Москвѣ. Проѣхалъ уже Всесвятское и сравнялся съ краемъ прекрасной рощи по конецъ его стоящей. Вдругъ услышалъ выстрѣлъ, и послѣ того стенаніе болящаго человѣка. На мысль пришло мнѣ, что нѣкто можѣтъ быть неосторожностію какого нибудь стрѣлка раненъ. Трепещущь отъ сея мысли я выскочилъ изъ кибитки и поспѣшалъ на помощь страждущаго. Не совсѣмъ я ошибся въ моемъ заключеніи. При входѣ въ рощу я обрѣлъ человѣка изрядно одѣтаго сѣдящаго на земли; подлѣ него къ соснѣ привязана была осѣдланная лошадь. Въ правой рукѣ держалъ онъ пистолетъ, коимъ произведенъ былъ выстрѣлъ, и сквозь его кавтанъ на разорванномъ рукавѣ видны были капли крови.— Какой нещастной случай, допустилъ тебя уязвить самого себя, говорилъ я сѣдящему въ задумчивости. Конечно неосторожно пущенной курокъ былъ тому причиною. Позволь я скину съ тебя кавтанъ, я потщусь если могу подать тебѣ облегченіе. — Благодарю тебя за предлагаемую услугу. Но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что нещастной случай причиною, что рука моя уязвленна, но зарядъ не ей былъ опредѣленъ, а сюда (указывая лобъ), признаюсь робость, и недовольное можетъ размышленіе о мужественности, виною что выстрѣлъ былъ неудаченъ. Въ пользу мнѣ онъ послужитъ, ибо я не робѣю.—Я хотѣлъ было воспользоваться болѣзнію его и

спасти его отъ отчаянія, выхватилъ у него изъ руки пистолетъ. — Сей отдамъ тебѣ не прекословно. Но не трудись тщетно о мнѣ. Вотъ другой, да и самъ отойди подалѣе, (устремляя на меня) если желаешъ мнѣ мѣшатъ... На что жизнь тому, кому она стала въ тягость? На что она коли нѣтъ въ ней болѣе пріятностей? Я родился въ изобиліи, возрощенъ въ нѣгѣ, не вѣдалъ нужды николи, былъ почитаемъ, отличенъ и въ уваженіи; касался, казалося, возкраія сосуда сладостей, любилъ и былъ любимъ. Но все сіе изчезло яко прахъ и сонъ. —Нищъ, презрѣнъ въ горячности моей, уготованъ на поруганіе, что остается дѣлать тому, кто лишенъ и надежды. Не шевелись, потрясъ онъ съ угрозою своимъ смертоноснымъ орудіемъ, ежели не хочешъ быть моимъ предтечею къ смерти. — Отчаенному сему движеніе мое при послѣднемъ его изреченіи, казалося, что я хочу его лишить послѣдняго его убѣжища—Конечно злой духъ тебя напра...

Листы 227 и 228 утрачены.

и отъ того, что сердце его терзается мздою, а не добрымъ именемъ. Къ нареканію общему ухо его привыкло; къ общему къ нему мерзенію присовокупится только мерзеніе судіи его. Но похитель казны не рѣдко бываетъ любимъ въ обществѣ всѣми, имѣя самъ къ себѣ не лестное почтеніе, казнится единою мыслію потерять общее уваженіе. Для сохраненія сего ты меня здѣсь видишь. Вѣдаю, что Кесарь похитивъ казну общественную преступникомъ не почитается ни отъ кого; вѣдаю, что Филиппъ Орлеанскій вводя бумагу на пособіе деньгамъ ограбилъ Францію; но не былъ наказанъ. Вѣдаю, что Султанъ Турецкій удавлялъ богачей, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ, и преступникомъ не почитается. Но что мнѣ въ примѣрахъ? Добро на семъ свѣтѣ не есть добро само по себѣ, но добро въ отношеніи. Мое блаженство теперь еще въ моихъ рукахъ; и дабы и ты не былъ жестокъ сохраняя мнѣ жизнь...

Съ проворствомъ не сказаннымъ вложивъ пистолетъ въ ротъ, спустилъ взведенной курокъ, и приникъ къ землѣ не произнося ни малѣйшаго стона.

Я съ поспѣшностью удалился отъ сего полоумнаго. И въѣздъ мой въ Москву былъ скорбенъ.

Москва! Москва!...

236.	13 Могло ли бы	Могди бы
237.	1 обновленное	насажденное
	4 и	пускай
	11 кто умѣетъ	умѣешъ
	12 гаданія	возможнаго

6 сн. *Передъ фразой „Рожденный отъ человѣка" на листѣ (1) читаемъ слѣдующій перечеркнутый отрывокъ*: «ника природы на поле ристанія, въ смрадномъ рубищѣ сіяетъ его лице предъ сынами богатства и власти; стоны его тверды и надежны. Онъ низлагаетъ гадовъ, что зависть нищихъ духомъ въ побѣгѣ ему преткновеніемъ противуставить тщатся; лучемъ славы далеко всѣхъ за собою оставляя, вѣнчается».

	6 сн. которой не могъ	немогшаго
	5 сн. дабы посредствомъ онаго	посредствомъ коего бы
	2 сн. дни свои...	*прич.* вѣкъ свой
	1 сн. рѣмесла	рукомесло
238.	1 ; сужденный дѣлить время свое	и дѣлить дни свои
	3 сн. возмужалости	человѣчества
239.	1 домъ;	*прич.* домъ, презирая печаль уходомъ его родителю его нанесенную;
240.	5 возсіяетъ для него	узрѣвшій нєзапно
	9 во зрѣніи	*прич.* Зрѣти
	13 изящности	ихъ превосходство
241.	3 монашескихъ	*прич.* Кіевскихъ

242.	2 погребаются	*Послѣ этого слова слѣдующая перечеркнутая выноска* Безчеловѣчно заставлять людей работать на рудокопныхъ заводахъ добровольно, но нѣтъ варварства подобнаго тому чтобъ заставлять ихъ работать по неволѣ.
245.	1. Сила воображенія	*прнч.* „родныхъ хитростію и лукавствомъ исполненныхъ. Оставивъ чиновника возримъ на обновителя Россійскаго стихотворства и краснорѣчія. Сила воображенія
	5 слова,	слова и привесть въ единую связь
246.	14 сн. великой мужъ	великая душа
	12 сн. тебѣ славу.	тебѣ славу; не чтутъ тебя они, яко нахмурившагося учителя, преподающаго сухія и тощія правила своей рѣчи, издряхлѣвшаго надъ безплоднымъ разысканіемъ различія падежей. [*Продолженіе фразы на утраченномъ листѣ*].
248.	2 строкѣ	стопѣ
	8 современниковъ	сожителей
251.	5—9 Правда она была... ... Славенскимъ	*н.*
253.	10 мы желаемъ	*прнч.* мы оставя все то, что до словесности Россійской ни касается, желаемъ
	15—19 Недостоины развѣ... ..... изъ оковъ и плѣненія?	Забудемъ ли Декарта за то, что могъ токмо усумнится? Онъ усумнился и се ру-

шился оплотъ предразсужденій схоластики и разумъ устремился по истиннѣ быстротечно.

13 сн. что неразумѣлъ — *прич.* Что мало имѣлъ въ вкуса, неразумѣлъ

6 сн. Источнику — Началу

254. 8—12 Но любезный читатель ..... Ямщикъ погоняй. — *н.*

Примѣчанія

къ біографіи А. Н. Радищева.

1. (къ стр. XV). Дѣдъ Радищева, Афанасій Прокофьевичъ, при Аннѣ Ивановнѣ служилъ въ генеральномъ войсковомъ судѣ въ Малороссіи и указомъ 11 сентября 1734 года назначенъ былъ полковникомъ Стародубскаго полка. Этотъ указъ напечатанъ въ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 108, с. 366—367. Братъ этого Афанасія, Терентій Прокофьевичъ, былъ назначенъ въ 1727 г. воеводою въ гор. Боровскъ (тамъ же, т. 63, с. 430). Въ источникахъ петровскаго времени встрѣчается еще Титъ Афанасьевичъ Радищевъ, владѣвшій болѣе 100 дворовъ и въ 1716 г. служившій комисаромъ Рижской губерніи.

2. (къ стр. XIX). Для опредѣленія времени возвращенія Радищева въ Россію имѣетъ значеніе слѣдующая неизданная росписка его и двухъ его друзей:

„Лейпцигъ, 16 октября 1771 года. На дорожные расходы, какъ и на приготовленіе къ вояжу получили мы ниже подписавшіеся отъ Его Сіятельства князя Андрея Михайловича Бѣлосѣльскаго каждый по 200 червонныхъ. Сумма шестьсотъ червонныхъ Александръ Радищевъ, Алексѣй Кутузовъ, Андрей Рубановскій“ (рукою Радищева): Госуд. Архивъ, XVII, № 62, л. 272.— Въ Петербургъ Радищевъ пріѣхалъ не позже 25 ноября 1771 г., см. Русск. Арх. 1870 г., т. VIII, ст. 946—948.

3. (къ стр. XXI—XXII). Въ архивѣ таможеннаго департамента хранится слѣдующее *прошеніе секундъ-маіора Александра Радищева* на Высочайшее имя, заслушанное 30 мая 1779 года:

„1. Въ службѣ находился я съ 1762-го года при дворѣ Вашего Императорскаго Величества, затѣмъ, въ 1766-мъ году по-

сланъ былъ въ лейпцигскій университетъ, по возвращеніи моемъ изъ онаго пожалованъ въ 1771-мъ году титулярнымъ совѣтникомъ, въ 1773-мъ году переименованъ въ штабъ его сіятельства Господина Генералъ-Аншефа и Кавалера Графа Якова Александоровича Брюса оберъ-аудиторомъ, въ 1775-году уволенъ отъ службы секундъ-маіоромъ, а въ 1777-мъ году, декабря 22 дня, указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ въ государственную коммерцъ-коллегію на асессорскую вакансію. 2. Имѣя же нынѣ намѣреніе и склонность продолжать службу мою въ предыдущее время въ статскомъ званіи, прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было изъ воинскаго секундъ-маіорскаго чина, яко находящагося уже на ассесорской ваканціи, переименовать въ ассесорскій чинъ". По этому прошенію сенатскимъ указомъ 22 іюня 1779 года Радищеву данъ былъ чинъ колежскаго совѣтника.

Съ переводомъ Радищева въ таможню, состоялся указъ Сената 26 мая 1780 года о замѣщеніи его должности коллежскаго ассесора въ коммерцъ-коллегіи Егоромъ Бухольцомъ (Арх. тамож. деп., дѣла 1779, 1780 г. г. экспед. 4, опись 1, связки 49 и 50).

Слѣдовъ эпизода, разсказаннаго въ текстѣ, по воспоминаніемъ сына Радищева, о столкновеніи его съ членами коллегіи по дѣлу браковщиковъ пеньки, въ дѣлахъ таможеннаго архива я не нашелъ. Можетъ быть, этотъ случай относится къ дѣлу „объ отрѣшеніи отъ браку пеньки и льна браковщика Татаринова (въ Архангельскомъ портѣ) за его непорядочные и законамъ противные поступки" (дѣло 1777—1779 г. г., экспед. 2, арх. № 989).

4. (къ стр. XXII). *Письмо графа А. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ, 3 августа 1786 года.*

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Андреевичъ! По возвращеніи Александра Николаевича Радищева изъ Кронштата подалъ онъ мнѣ рапортъ, которой въ подлинникѣ имѣю честь здѣсь приложить. Изъ содержанія онаго ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что все приведено тамъ въ порядокъ и что отъ французскихъ судовъ поданы въ таможню тѣ объявленія, кои отъ нихъ требовались, и кои они такъ мѣшкали подавать, что и причиною было всѣхъ

недоразумѣней, и вмѣсто жалобъ, кои графъ Сегюръ дѣлалъ, таможенное правленіе было бы въ правѣ на нихъ жалобу принесть, для чего въ свое время условленнаго обряда не исполнили, и хотя при всемъ учтивствѣ не оставлено будетъ за ними смотрѣть, чтобъ ничего безпошлинно не проскочило. однакожъ я щитаю не безнужнымъ, чтобъ, сославшись на ноту нашу и отвѣтную Графа Сегюра, ему бъ сказано было, чтобъ впредь при самомъ приходѣ кораблей, отъ нихъ ли самихъ или отъ купца, къ кому они адресованы, объявленія безъ замедленія въ таможни подаваемы были. Вы, я надѣюсь, найдете, что Г. Радищевъ съ расторопностію исполнилъ ему препорученное, имѣя честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя моего, покорный и вѣрный слуга Г. Александръ Воронцовъ.—Мурино. Августа 3 дня 1786 г. (Госуд. арх., XIX, № 240, ч. II, л 352. Тутъ же подлинный рапортъ Радищева и подписанныя имъ таможенныя вѣдомости).

5 (къ стр. XXVIII). А. Н. Пыпинъ доказывалъ принадлежность Радищеву въ „*Почтѣ Духовъ*“ всѣхъ писемъ, отличающихся серьезностью общественной сатиры и значительной начитанностью, въ особенности писемъ сильфа Дальновида. (Статья „Крыловъ и Радищевъ. Кто писалъ въ „Почтѣ Духовъ“. Вѣстн. Европы, 1868 г. т. III, стр. 419—436). Его мнѣніе въ послѣднее время поддерживалъ А. І. Лященко (Біографія Крылова: Истор. Вѣстн. 1894, т. LVIII, стр. 498—499). Въ большей части писемъ сильфа Дальновида (числомъ 11), однако, ни въ ихъ стилѣ, ни въ развитіи мыслей, нѣтъ прочныхъ признаковъ авторства Радищева. Въ письмѣ II-мъ даже встрѣчаемъ необычную для него *увѣренность* въ личномъ безсмертіи. Въ письмѣ XXIV встрѣчаемъ несвойственный ему тонъ отношенія къ крестьянамъ („и самый низкій хлѣбопашецъ, исполняющій рачительно должности своего состоянія“). Напротивъ, письмо XXII-е, тоже сильфа Дальновида, и по литературной манерѣ, и по мыслямъ, близко къ Радищеву, („земледѣлецъ, угнетаемый тяжкимъ бременемъ несносной работы“; сонъ есть подобіе смерти... когда *духъ* и тѣло погружены бываютъ въ совершенную безчувственность“; и проч.). Относительно двухъ небольшихъ писемъ Астарота (V и XVIII), авторство Радищева подтверждается, кромѣ внутреннихъ признаковъ (стиль и содержаніе), также и внѣшними: 1) Онѣ изложены въ видѣ

разговоровъ со стихотворцемъ и кандидатомъ въ секретари, въ манерѣ такихъ же разговоровъ съ дорожными спутниками въ „Путешествіи". 2) Въ нихъ встрѣчаются черты, навѣянныя службой автора въ таможнѣ. Въ одномъ письмѣ Астаротъ принимаетъ видъ, нѣсколько неожиданно, таможеннаго сборщика: въ другомъ онъ употребляетъ мало извѣстный, спеціально таможенный терминъ: акциденціи. (Это не „взятка", какъ поясняетъ г. Каллашъ въ примѣчаніяхъ къ Полн. собр. сочиненій Крылова, т. II, стр. 463, а узаконенное процентное отчисленіе съ таможенныхъ штрафовъ въ пользу чиновниковъ). Участіе Радищева въ „Почтѣ духовъ" едва ли было значительно, потому что какъ разъ въ то время, когда она издавалась, онъ работалъ надъ своимъ „Путешествіемъ".

6 (къ стр. L). Профессоръ Бобровъ посвятилъ сочиненію Радищева „*О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи*" 200 страницъ III выпуска своихъ „Матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ" (Казань, 1900). Онъ изложилъ все содержаніе трактата, привелъ справки объ учителяхъ Радищева въ философіи и старался доказать, что трудъ его „есть первый опытъ насажденія въ Россіи идей Лейбница (не въ вольфовской обработкѣ) и притомъ въ самостоятельномъ ихъ развитіи" (стр. 244). П. Н. Милюковъ посвятилъ трактату Радищева всего 4 страницы своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры" (ч. III, вып. II, стр. 199—203), и выяснилъ незамѣченную г. Бобровымъ зависимость трактата отъ двухъ философовъ, не упоминаемыхъ Радищевымъ, а именно отъ Гольбаха и Мендельсона. Въ развитіи лейбницевскихъ идей, въ III-й части трактата, Радищевъ слѣдуетъ ученику Лейбница, Мендельсону. Такъ, напримѣръ, въ разсужденіи о субстанціональности духа (ч. III, стр. 38—44) Радищевъ большею частью дословно повторяетъ Мендельсона (Phädon oder Ueber die Unsterblichkeit der Seele, II Gespräch, стр. 98—100, изд. Univ.-Bibl.), вплоть до слѣдующаго рѣшительнаго вопроса: „И что претитъ намъ, да назовемъ сіе существо, особенность нашу составляющее, сію силу нашей мысленности, сіе могущество, соединяющее во едино наши понятія, склонности, желанія, стремленія, сіе существо простое, несложное, непротяженное (сіе существо, извѣстное намъ токмо жизнію, чувствованіемъ, мыслію), что претитъ, да существо сіе назовемъ душею?" Сравни: „Es gibt also in unserm Körper wenig-

stens eine einzige Substanz, die nicht ausgedehnt, nicht zusammengesetzt, sondern einfach ist, eine Vorstellungskraft hat und alle unsere Begriffe, Begierden und Neigungen in sich vereinigt. Was hindert uns, diese Substanz Seele zu nennen?" (стр. 100).

7. (къ стр. LV). Запросъ въ Иркутскъ губернатору Л. Т. Нагелю о поведеніи Радищева отправленъ былъ по приказанію Павла I тотчасъ же по вступленіи его на престолъ, а именно 7 ноября 1796 года. Вслѣдъ затѣмъ, 23 ноября, не дождавшись отвѣта на этотъ запросъ, Государь повелѣлъ: „Находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и перепискою". Отзывъ Нагеля (отъ 13 декабря), что Радищевъ, „содержащійся въ Илимскомъ острогѣ", „съ самаго его въ семъ мѣстѣ пребыванія ведетъ себя добропорядочно и скромно",—оказался запоздалымъ. Получивъ указъ объ освобожденіи, Нагель писалъ князю Безбородкѣ 26 генваря 1797 года, изъ Иркутска: „Радищевъ вчерашняго числа здѣсь явился и высочайшая его императорскаго величества милость мною ему объявлена", и сообщалъ, что Радищевъ выбралъ мѣстомъ своего жительства сельцо Нѣмцово калужскаго намѣстничества, малоярославской, округи, получилъ на проѣздъ 99 руб. 27 коп. прогонныхъ денегъ по разсчету 5333 верстъ, и „за препровожденіемъ надежнаго человѣка до настоящаго своего мѣста на сихъ же дняхъ отправленъ быть имѣетъ" (Госуд. арх., VII, № 2760).

8. (къ стр. LVI). На одномъ изъ своихъ докладовъ по дѣлу Радищева князь А. Б. Куракинъ записалъ 28 марта 1797 года слѣдующую *резолюцію Павла I:* „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предписать губернатору [калужскому] Митусову, чтобъ онъ письма Радищева не распечатывалъ, но собирая ихъ препровождалъ въ конвертѣ на имя московскаго почтъ-директора Пестеля, которому дать знать, чтобъ онъ всѣ тѣ письма открывалъ, доставилъ по надписямъ, [а] копіи съ нихъ присылалъ ко мнѣ; въ случаѣ же, что въ числѣ оныхъ найдутся подозрительныя, тогда самые оригиналы ко мнѣ бы доставлялъ. Князь А. Куракинъ".

Въ числѣ писемъ, доставленныхъ почтъ-директоромъ Пестелемъ въ копіяхъ, интересны два слѣдующія:

Письмо Радищева изъ Нѣмцова къ брату Моисею Николаевичу въ Петербургъ, отъ 18 августа 1797 года:

Письма отъ тебя я жду, любезный мой другъ и братъ Моисей Николаевичъ, какъ жадный любовникъ, желающій видѣть свою дражайшую по годовой отлучкѣ. Щитаю дни, и часы, и ничего не предпринимаю. Въ мѣсяцъ времени поставилъ только двѣ избы безъ крышекъ, изъ которыхъ намѣренъ устроить свои залы и кабинетъ. Жить теперь тѣсно; слава Богу, что погода хороша.

Пиши прямо въ Ярославецъ и Бога ради не лѣнись; пиши каждую почту; письмо твое будетъ для меня услажденіемъ.

Чѣмъ болѣе дѣла мои домашніи становятся извѣстны, тѣмъ болѣе видно плутовство Морозова и почти необходимо становится мое свиданіе съ батюшкою, естли хочу сохранить послѣднее, что имѣю. Постарайся, мой другъ, о семъ. Скажи, познакомился ли съ кѣмъ и какъ идетъ твое помѣщеніе. Я сижу на одномъ мѣстѣ и былъ только одинъ разъ въ Ярославцѣ.

Прости мой любезный! Засвидѣтельствуй мое почтеніе Алексѣю Андреевичу и Глафирѣ Ивановнѣ, естли они еще напоминаютъ обо мнѣ.

(Отвѣтъ Моисея Николаевича Радищева изъ Петербурга, отъ 5 сентября 1797 г.: Я тебѣ ничего на письмо твое отъ 22 августа, мой любезный братъ и другъ, не могу отвѣчать. Тому причиною моя болѣзнь. Три недѣли, какъ лежу и ни мало нѣтъ легче, а судя по слабости моей и жестокости болѣзни, конецъ будетъ скоро. Прости за тѣмъ, не забудь того, который тебя любитъ.)

Письмо Радищева изъ Нѣмцова къ сыновьямъ въ Кіевъ, въ началѣ августа 1797 года:

Nous voici à Moscou, chers et tendres amis de mon âme et bientôt nous serons chez nous. Comme il me pèse d'être éloigné de vous lors même que nous n'en sommes plus si loin qu'avant et qu'il y aurait la possibilité de Vous voir. Oh mes amis, quand nous pourrons nous jouir de ce bonheur si long temps désiré qui s'éloigne de nous sans cesse. Hélas il ne sera plus, si parfait que nous 'aurions pu ésperer. Vous savez la perte irrèparable que nous avons faite. Oui, mes tendres amis, nous avons perdue cette mère chérie qui a pris soin de votre enfance. Nous n'avons pas pu vivre

heureux avec elle dans notre patrie. Adieu chers amis de mon coeur, je Vous embrasse un million de fois et je Vous presse contre mon coeur.

Въ другомъ письмѣ къ дѣтямъ изъ села Нѣмцова отъ 13 августа 1797 г. Радищевъ отвѣчаетъ коротко на ихъ письмо, полученное изъ Кіева.—Письмо въ Москву книгопродавцу Рису отъ 18 августа 1797 г. Цитировано въ текстѣ. (Госуд. арх., VII № 2760).

9. (къ стр. LXII). Въ послѣдній годъ своей жизни Радищевъ, какъ предполагаетъ В. И. Семевскій, принялъ также участіе въ составленіи записки графа А. Р. Воронцова, представленной имъ въ государственный совѣтъ: „Разсужденіе о непродажѣ людей безъ земли", 3 марта 1802 г. Стиль этой записки и мысли враждебныя крѣпостному праву, очень напоминаютъ Радищева: „Не менѣе не признать нельзя, что и съ просвѣщеніемъ, которое болѣе и болѣе умножилось въ послѣднемъ столѣтіи, несообразнымъ казаться могло, что человѣкъ другого, и по натурѣ ему равнаго, продавать могъ такъ, какъ лошадь и барана. Сей обычай или право, конечно, несходственный съ правомъ натуральнымъ, покрытъ вѣками, такъ какъ и другія злоупотребленія власти, до коихъ не всегда однако же удобно и дотрагиваться". „Цѣлію всякаго благонамѣреннаго и кроткаго правленія должно быть, сколько можно, облегченіе человѣчества, и потому, и сколько можно, сближеніе онаго къ свободѣ". Ср. выраженія: „торгъ людей", „постыдный промыселъ рекрутской продажи, болѣе неудобный, болѣе содрагающій человѣчество, нежели самая продажа людей безъ земли". (Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, с. 778—782. В. Семевскій, Крест. вопросъ; т. I, с. 249 251)

10. (къ стр. LXII). На самоубійство Радищева, въ числѣ другихъ причинъ, могли повліять также денежныя его затрудненія. Въ ноябрѣ 1797 г. тайн. сов. М. Ф. Кашталинскій требовалъ съ него уплаты долга въ 4.000 р., сдѣланнаго за 13 лѣтъ назадъ (Госуд. арх. VII, № 2760). Въ апрѣлѣ 1799 года Радищевъ объяснялъ Воронцову, какъ мало доходно его заложенное имѣнье, и обращался къ нему съ просьбой ссудить 300 р. въ слѣдующемъ письмѣ: „Dans toutes mes détresses, dans toutes mes sollicitudes, c'est à vous que j'ai toujours eu recours. Vous n'aves jamais refusé de me faire du bien, me refuserez vous à prèsent? Me taxerez—

Vous de mendier? Je ne le crois pas. Si j'avais affaire à un autre qu'à Vous, ma langue aurait été paralysée, plutôt que de proférer une parole, que de dire: secourez—moi de trois cents roubles". (Архивъ князя Воронцова, книга XII, с. 445). Ср. черновикъ письма Радищева къ Государю, съ просьбой взять часть его имѣнія въ казну: Арх. кн. Воронцова, кн. V, с. 404.

Библіографія.

I. Матеріалы для біографіи.

Замѣчанія Екатерины II на книгу Радищева, вопросные пункты ему на слѣдствіи, его отвѣты, повинныя и завѣщаніе; документы подъ заглавіемъ „Радищевъ": Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1865, кн. III, с. 67 — 106. Тутъ же письмо къ нему А. Ушакова 1797 г. (с. 107—108).

В. Якушкинъ, Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ: „Русская Старина", 1882 г., т. 35, сент., с. 457—532 (общій обзоръ слѣдствія и суда, и новые матеріалы изъ дѣла петербургской уголовной палаты).

М. Сухомлиновъ. А. Н. Радищевъ: Сборн. отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXII, 1883 г., то же „Изслѣдованія и статьи по русск. литер. и просвѣщ.", т. I, Спб., 1889 (новые матеріалы изъ дѣлъ госуд. архива объ ученьи Радищева въ Лейпцигѣ, судѣ и службѣ въ комиссіи законовъ).

Письма А. Н. Радищева къ графу А. Р. Воронцову, 1782—1800, №№ 1—47. Письма Е. В. Рубановской къ нему же.—Записка Радищева о торговлѣ съ Китаемъ.—Письма разныхъ лицъ, его касающіяся.—Замѣчанія Екатерины II на его книгу.—Вопросные пункты и его отвѣты: Архивъ князя Воронцова, кн. V, 1872, с. 284—444.

Письма А. Н. Радищева къ графу А. Р. Воронцову, 1782—1799, №№ 1—25: Архивъ князя Воронцова, кн. XII, 1877, с. 403—446.—Прошеніе Радищева императору Павлу о разрѣшеніи съѣздить изъ Нѣмцова къ отцу въ Саратовскую губернію, 6 декабря 1797 г., Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1862, кн. 4, с. 197—198.

Воспоминанія Павла Александровича Радищева: Русск. Вѣстникъ 1858 г., т. 18, с. 395 — 430 (съ примѣчаніями М. Н. Лон-

гинова). — Воспоминанія Николая Александровича Радищева: „Русск. Старина", 1872 г., т. VI, с. 573—581.

Наставленіе Екатерины II русскимъ студентамъ, отправленнымъ въ Лейпцигъ, 22 сентября 1766 г. и Извлеченіе изъ дѣла госуд. архива о русскихъ студентахъ въ Лейпцигѣ: Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. X, с. 107—131.

И. М. Борнъ, „На смерть Радищева": Свитокъ музъ, 1803 г., ч. II, с. 116 и слѣд.

Памятныя записки Храповицкаго: Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1862 г., кн. III, с. 226 — 227.—Изъ записокъ Н. С. Ильинскаго: „ Русск. Арх.", 1879 г., кн. III, с. 416. Н. Карамзинъ, Письма русск. путешественника, изд. деш. библ., ч. I, с. 118.—Записки Селивановскаго: Библіогр. записки, 1858 г., № 12.—Изъ записокъ С. Н. Глинки: „Русск. Вѣстн." 1865, № 7, с. 205.—Записки княгини Дашковой. Helbig—Russische Günstlinge, 1809, с. 457 (русск. перев. „Русск. Стар." 1887, т. 56, с. 25—28). Mémoires secrets sur la Russie, т. II, 1800, с. 188—189.—Перлюстрованныя письма 1790 г., въ статьѣ „Русскіе вольнодумцы въ царствов. Екатерины II": „Русск. Стар." 1874 г., т. IX, с. 72, 262, 266, 466 и др. Письма къ товарищу Радищева В. Н. Зиновьеву: „Русск. Арх." 1870, т. VIII, с. 939—941, 946—948.—Рапортъ иркутскаго намѣстническаго правленія о Радищевѣ: „Русск. Стар." 1874 г., т. VI, с. 436.—Рескриптъ С. Н. Самойлову, о возвращеніи изъ Сибири Радищева: „Русск. Стар.", 1882, т. XXXVII, с. 499.

II. Статьи о жизни и сочиненіяхъ.

А. С. Пушкинъ, „Александръ Радищевъ", „Мысли на дорогѣ": Сочиненія подъ ред. П. Морозова, т. V, с. 215, с. 349 и сл. — А. Герценъ, предисловіе къ лондонскому изданію „Путешествія".

В. Е. Якушкинъ, Біографія Радищева, въ Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XXVI. Его же, статья въ сборникѣ: „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ", подъ ред. С. Венгерова, Спб. 1903, с. 34 — 38, (тутъ отзывы крестьянъ села Нѣмцова о Радищевѣ и выписка изъ раздѣльнаго акта его наслѣдниковъ). Его же, „Радищевъ и Пушкинъ": Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1886 г., кн. II, с. 1—5. Его же, статья въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", 1902 г., №№ 252, 259, 268.

В. А. Мякотинъ, „На зарѣ русской общественности", изд. „Доиской Рѣчи", 1904, с. 1—87 (съ выдержками изъ рукописныхъ матеріаловъ, собранныхъ В. И. Семевскимъ). То же въ книгѣ: „Изъ исторіи русскаго общества". — П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. II, гл. VIII.— Н. П Ашешовъ, „Памяти перваго народолюбца": „Новое дѣло" 1902 г., № 9, с. 208—223. — В. В. Каллашъ, „Рабства врагъ" Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1903, т. VIII, кн. 4, 212—255.

Объ учебныхъ годахъ Радищева. М. Н. Лонгиновъ: „А. М. Кутузовъ и А. Н. Радищевъ", „Современникъ", 1856 г., № 8, отд. V, с. 147—152. Его же, „Рус. студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проектѣ Радищева": Библіографич. записки, 1859 г., № 17, с. 539 - 542.—О томъ же, справки, собранныя въ Лейпцигѣ Гротомъ: „О русскихъ товарищахъ Радищева въ Лейпцигскомъ университетѣ": Извѣстія русск. отд. Акад. Наукъ, 1860 г., т. IX, вып. 3. (Поправка къ этой статьѣ Н. Барышникова: „Русск. Архивъ" 1870 г., с. 934). Разсказы, записанные Гротомъ: „Русск. Архивъ" 1870 г., с. 1775—1776. Статья Сухомлинова, см. выше, и статья В. Якушкина: „Учебные годы Радищева", въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки", М. 1902.

Объ участіи Радищева въ „Живописцѣ". Д. Ѳ. Кобеко, статья въ Библіограф. Запискахъ 1861 г., № 4. П. А. Ефремовъ, примѣчанія въ изданіи „Живописецъ Н. И. Новикова", изд. 7-е, Спб., 1864, с. 320 и 346. В. А. Мякотинъ, назв. статья, с. 23.

Объ участіи въ „Почтѣ Духовъ". А. Н. Пыпинъ, „Крыловъ и Радищевъ": „Вѣстн. Евр." 1868 г., т. III, с. 419—436. В. Андреевъ, статья въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1868 г., № 31. Я. К. Гротъ, Литерат. жизнь Крылова, XIV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. А. І. Лященко, Біографія Крылова: „Истор. Вѣстн.", 1894 г., т. LVIII, с. 498—499. Л. Н. Майковъ, Историко-литературные очерки, Спб. 1895. Полн. собр. сочин. Крылова, изд. т-ва „Просвѣщеніе", прим. В. В. Каллаша, т. II, с. 310—312, 476, 510. См. выше примѣч. 5.

О философскихъ сочиненіяхъ. Проф. Евг. Бобровъ, А. Н. Радищевъ, какъ философъ: Философія въ Россіи, вып. III, Казань, 1900, с. 55—256.- П. Н. Милюковъ, назв. соч., с. 378—385.—См. выше, прим. 6.

О стихотвореніяхъ. Примѣчанія П. А. Ефремова въ изданіи

С. Венгерова, „Русская Поэзія", вып. VI, 1897; дополненія и примѣчанія, № 87 Стихотворенія помѣщены тамъ же вып. V (тутъ же воспоминанія Н. Радищева и статья Пушкина).

Объ отношеніи къ крѣпостному праву. В. И. Семевскій; Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, 1888, с. 212—222, 250 и 307. Его же, Крестьяне въ Россіи, т. I, изд. 2, с. 169, 308 и др. Его же, Очерки: „Русск. Стар." 1887, т. 56, с. 101.

Разныя статьи и общія замѣчанія о Радищевѣ. Біографія въ Словарѣ достопам. людей Д. Бантыша-Каменскаго, 1836 г., ч. II, и въ Словарѣ свѣтскихъ писателей митропол. Евгенія, ч. II. Корсуновъ, „А. Н. Радищевъ", „Русск. Вѣстн." 1858 г., т. XVIII, № 23.—Кн. Н. Н. Голицынъ, „Современныя извѣстія о Радищевѣ" „Библіогр. Зап." 1858, № 23, т. I, стр. 729.—„Радищевъ и Екатерина II", „Голосъ" 1865, № 317.—М. Н. Лонгиновъ, „Екатерина Великая и Радищевъ", „Вѣсть" 1865, № 28. Его же, „Радищевъ и его книга", „Русск. Арх." 1868 г., т. VI, с. 1811—1817. Его же, Новиковъ и мартинисты, М 1867.—І. Шишкинъ. „Радищевъ и его книга", „Недѣля" 1868, №№ 34 и 35.—М. Шугуровъ, „О Радищевѣ", „Русск. Арх." 1872 г., т. X, с. 927—953 (тутъ выписки изъ мемуаровъ кн. Дашковой и изъ Гельбига).—А. Неземновъ. „А. Н. Радищевъ", „Истор. Вѣст." 1882, т. XII, с. 1 и слѣд.

Галаховъ, Историко-литерат. вопросы: „С.-Петерб. Вѣдомости" 1864 г., № 122, с. 491 (подп. Красовъ). Его же, Исторія русской словесности, т. I, отд. 2, Спб. 1880, с. 273—276.—Я. Грѣтъ, Сочиненія Державина, т. III, с. 579 и 757.—И. Порфирьевъ, Истор. русск. слов. ч. II, отд. II, Каз. 1888, изд. 2, с. 264 и слѣд. Также руководства по истор. русск. литер. Кенига, Стоюнина, Караулова и др.

А. Н. Пыпинъ, Обществ. движ. при Александрѣ I, изд. 3, с. 72, 199.—Щаповъ, Соціально-педагогическія условія развитія русск. народа. — А. П. Пятковскій, Изъ истор. наш. литер. и общест. развитія.—Л. Н. Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и сочиненія.—Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, с. 273.—А. Веселовскій, Западное вліяніе въ русской литературѣ.—Брикнеръ, Истор. Екатерины II.—А. Вейдемейеръ; Дворъ русск. госуд., II, с. 120.—Castera, Hist. de Catherine II, t. II, 371.—K. Waliszewski, Autour d'un trône, P. 1897, с. 231—234.

UNIV. OF MICHIGAN,
JAN 11 1912

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе V

Жизнь Радищева. Статья **Н. П. Сильванскаго**. VII

1. Свободный мыслитель XVIII вѣка.—2. Дѣтство и Лейпцигскій университетъ.—3. Первые литературные опыты.—4. Работа надъ „Путешествіемъ“ (1785—1790).—5. Екатерина II и Радищевъ.—6. Слѣдствіе и судъ (1790).—7. Ссылка. Трактатъ о безсмертіи.—8. Возвращеніе въ Россію и смерть.—9. Цензурныя гоненія.

Рукопись „Путешествій“. Статья **П. Е. Щеголева**. . . LXXI

Заботы Радищева о рукописи передъ арестомъ.—„Лживый поступокъ“ Радищева.—Показаніе Радищева о сдѣланныхъ имъ измѣненіяхъ.—Воръ рукописи.—Отдѣлы и главы, вставленные Радищевымъ послѣ цензуры.—Первоначальный конецъ „Путешествія“: разсказъ о самоубійцѣ.—Характеръ мелкихъ поправокъ и измѣненій.

Факсимиле первыхъ трехъ страницъ изданія 1790 г. .

Посвященіе любезнѣйшему другу А. М. Кутузову. . . 1

I. **Выѣздъ** 3

II. **Софія**. Споръ съ комиссаромъ. Народная пѣсня. Сонъ и самоубійство 5

III. **Тоска**. Стряпчій-генеалогъ. Хвастовство древней породы. 8

IV. **Любани**. Пашущій крестьянинъ. Помѣщичьи крестьяне въ законѣ мертвы. Безправіе помѣщичьихъ крестьянъ и слугъ 11